

Д.Б. Павлов

# Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море





Historia Russica

Дмитрий Павлов

**Русско-японская война  
1904–1905 гг. Секретные  
операции на суше и на море**

«ЦГИ Принт»

2016

**Павлов Д. Б.**

Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море / Д. Б. Павлов — «ЦГИ Принт», 2016 — (Historia Russica)

ISBN 978-5-8055-0295-9

Монография посвящена секретным разведывательным, контрразведывательным, подрывным, пропагандистским и контрпропагандистским операциям, которые в 1904-1905 гг. Россия и Япония осуществляли во многих странах мира, на суше и на море. Речь идет как о принципах и способах организации наблюдения за деятельностью японских разведчиков, технике этой работы, так и о наиболее крупных акциях России и Японии главным образом в сфере стратегической, дальней, или внешней разведки и контрразведки. Книга снабжена документальным приложением.

ISBN 978-5-8055-0295-9

© Павлов Д. Б., 2016

© ЦГИ Принт, 2016

## Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Введение	7
Глава I	22
Глава II	35
Миссия коллежского советника А.М. Гартинга	49
Происшествия в Северном море	57
Международное расследование	68
Агентура подполковника В.В. Тржецяка	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Павлов И.**  
**Русско-японская война 1904–1905 гг..**  
**Секретные операции на суше и на море**  
*Памяти Кита Нейлсона – ученого и друга*

## Предисловие ко второму изданию

С момента выхода в свет первого издания моей книги в декабре 2004 г. минуло свыше десяти лет. За прошедшие годы пишущий эти строки получил много читательских писем с выражением благодарности, разного рода комментариями по содержанию работы, замечаниями и пожеланиями, которые в этом, втором, издании постарался максимально учесть; исправлены также мелкие неточности и погрешности первого издания. Историки Р.В. Кондратенко, И.В. Лукоянов и И.С. Рыбачёнок выступили в профессиональной печати с рецензиями на мою работу<sup>1</sup>. Им и всем другим своим рецензентам из числа заинтересованных читателей приношу свою искреннюю благодарность.

За прошедший период опубликован ряд новых исследований по истории русско-японской войны 1904—1905 гг., которые нельзя было не учесть при подготовке к печати обновленного текста. Значительно большее внимание, чем прежде, во втором издании уделено проблемам информационных войн, а также складыванию международного имиджа России – вопросам, которые приобрели необычайную остроту в свете абхазских и особенно украинских событий последних лет. Наконец, автору этих строк хотелось поделиться результатами своих архивных разысканий по интересующей его теме, которые продолжались все это время. Надеюсь, что настоящее сочинение будет встречено читателями столь же тепло и заинтересованно, как его отдельные главы, не так давно опубликованные издательством «Вече» в виде самостоятельных книг<sup>2</sup>.

К сожалению, мой призыв к соотечественникам организовать подводную экспедицию в Северное море для поиска и изучения остатков японских миноносцев, затонувших в октябре 1904 г. на Доггер-банке и, вероятно, покоящихся там до сих пор, пока не нашел читательского отклика. Остается надеяться, что со временем все-таки он будет услышан, и одной тайной в «секретных операциях на суше и на море» в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. станет меньше.

Для появления этой книги много сделали мои давние добрые знакомые – японский профессор-историк Инаба Чихару и канадский исследователь Кит Нейлсон, ушедший из жизни в апреле 2015 г. Его памяти я и посвящаю эту книгу. Отдельные слова благодарности – коллегам-историкам, ученым Института российской истории РАН, а также сотрудникам японского Центра славяноевразийских исследований университета Хоккайдо (Саппоро), при любезном содействии которых пишущий эти строки, будучи в Японии, получил возможность внимательно изучить документальные и печатные материалы, отсутствующие в российских библиотеках и архивах. Историк Т.А. Филиппова щедро поделилась со мной материалами своей коллекции карикатур. Чувствую себя в долгу и перед подлинными подвижниками и незаменимыми помощниками – сотрудниками московских и петербургских архивов и библиотек, в которых в общей сложности проработал годы.

*Д. Павлов*

*Москва, декабрь 2015 г.*

---

<sup>1</sup> См.: Лукоянов И.В. // Отечественная история. 2007. № 1. С. 174—176; Кондратенко Р.В. К вопросу о Гульском инциденте // Гангут: науч.-попул. сб. ст. по истории флота и судостроения. 2007. № 41. С. 122—129; Рыбачёнок И.С. // Вестник РГНФ. 2013. № 1 (70).

<sup>2</sup> См.: Павлов Д.Б. : 1) Японские деньги и первая русская революция. М., 2011 ; 2) На пути к Цусиме: беспримерный поход 2-й Тихоокеанской эскадры. М., 2011.

## Введение

Русско-японский вооруженный конфликт 1904—1905 гг. был давно предсказан, но его начало для многих современников все равно явилось неожиданностью. Война привлекла к себе пристальное внимание обозревателей и аналитиков и вызвала поток публикаций, авторов которых занимали как проблемы ее долгосрочных геополитических последствий, так и ближайших социально-политических результатов. Ожидалось, что итогом этого первого крупного военного конфликта наступившего XX в. и эпохи империализма, первого масштабного столкновения европейской великой державы с азиатским государством, как минимум, станет падение Российской империи и свержение самодержавия, появление на Дальнем Востоке новой великой державы и, как следствие, – коренная перегруппировка сил на мировой политической арене. Предчувствия, что русско-японский конфликт «обратится в страшную драму» общеевропейского масштаба, если не в мировой катаклизм, посещали, например, Пьера Леруа-Болье (P. Leroy-Beaulieu), издателя почтенного академического ежемесячника «L'Économiste Français». Однако самые смелые предсказания исходили от представителей крайних – «левого» и «правого» – общественно-политических лагерей. Анархист и географ Элизе Реклю (J.É. Reclus) назвал русско-японскую войну «одним из величайших конфликтов в мировой истории», политические, социальные и экономические последствия которого сравнимы с нашествием гуннов в IV в. н.э. или с великим переселением народов. Этот француз считал японцев «передовым отрядом панмонголизма», а сам русско-японский конфликт – столкновением рас, «коллизией двух антагонистических миров, белого и желтого», с неясным и труднопредсказуемым результатом<sup>3</sup>. А.Л. Парвус-Гельфанд в социал-демократической «Искре», выражая чаяния всего российского революционного лагеря, полагал неизбежным перерастание этой войны в мировую с последующим падением российского самодержавия<sup>4</sup>.

Тему «желтой опасности», угрожающей европейской цивилизации, на страницах «Нового времени», «России», «С.-Петербургских ведомостей» и других российских газет развивали консервативные и крайне правые публицисты – Г.С. Веселитский-Божидарович (псевдоним «Аргус»), с 1892 г. живший в Лондоне и в дальнейшем служивший в британском Форин офис, С.Н. Сыромятников («Сигма»), бывший помощник военного атташе в Китае капитан (впоследствии генерал-майор) А.Е. Едрихин («Вандам»), близкий ко двору публицист князь Э.Э. Ухтомский («Asiaticus»), писатель-востоковед Д.Г. Янчевецкий и др. К этой же теме периодически обращались и западноевропейские аналитики, особенно в Германии, реже – во Франции, Великобритании и США. Советская историография, верная традициям своих предшественников-революционеров начала века, и через 20 лет после окончания этой войны продолжала горячо приветствовать «пробуждение Востока», совершенно игнорируя его националистические черты и усматривая в нем исключительно классовый смысл. «Недаром же вся буржуазная пресса изо дня в день вопит о “московитской опасности”, “о поднимающейся волне организованного варварства низших рас”, “о новом падении западной Римской империи” и о “надвигающейся тьме нового средневековья”, – писал в 1926 г. советский журналист-востоковед К.А. Харнский. – Мы не боимся слов и умеем переводить жупелы на трезвый язык. Азия не “просыпается”. Она уже давно “проснулась”, и уже не фантастична картина ожидаемого единого фронта от Индии до Японского моря. Он уже строится»<sup>5</sup>. Все эти апокалиптические

---

<sup>3</sup> Revue. 1904. № 7.

<sup>4</sup> Искра. 1904. 10 февр. (№ 59).

<sup>5</sup> Харнский К.А. Предисловие // Ким Н. Под гнетом японского империализма: очерк современной Кореи. Владивосток, 1926. С. 4.

видения и политически небескорыстные пророчества так, впрочем, и остались тогда фигурами речи.

Вместе с тем, во многих отношениях русско-японская война 1904—1905 гг. действительно открыла новую эпоху. Империалистическая и захватническая с обеих сторон, по ряду своих параметров она по праву может считаться первой. «В этой большой войне европейской великой державы с поднимающейся азиатской, – отмечает американский историк Ц. Хасегава, – стороны в совокупности мобилизовали 2,5 млн солдат и использовали современную технику, порождение индустриальной революции, – железные дороги, средства связи, стальные и движимые паром суда, оснащенные крупнокалиберной артиллерией, торпедами и минами, современное вооружение»<sup>6</sup>. В сфере военного искусства эта война знаменовала собой переход к новой стратегии и дала мощный импульс совершенствованию сухопутного и военно-морского оперативно-тактического мастерства<sup>7</sup>. Не удивительно, что военные и морские штабы не только самих участников конфликта, но и многих других государств – Англии, США, Германии, Франции, Италии, Испании – вскоре после его окончания подготовили и опубликовали многотомные исследования этой войны<sup>8</sup>. В этом же ряду находится невиданный доселе масштаб, характер и разнообразие секретных разведывательных, контрразведывательных, подрывных, пропагандистских и контр-пропагандистских операций конфликтующих сторон, которым и посвящена настоящая книга. Речь в ней пойдет как о принципах и способах организации наблюдения за деятельностью японских разведчиков, технике этой работы, так и о наиболее крупных акциях России и Японии главным образом в сфере стратегической, дальней, или внешней разведки, контрразведки, пропаганды и контрпропаганды. Специальный раздел посвящен их идейно-пропагандистскому соперничеству на мировой арене, на тот момент по своим масштабам также не имевшему прецедентов в мировой истории.

Русско-японская война отнюдь не обойдена вниманием исследователей<sup>9</sup>. В обширной литературе, посвященной ее истории, давно утвердилось мнение о выдающейся роли в ней японской разведки. Секретные операции японцев отличались таким масштабом и эффективностью, что дали повод одному из авторитетных зарубежных специалистов по истории этой войны включить их в число трех основных факторов, обеспечивших победу Японии над ее могучим соседом<sup>10</sup>. «Тщательное сохранение тайны и умелая организация шпионажа, – писал о японцах профессор Академии Генштаба РККА, – в огромной степени способствовали их успеху в русско-японской войне»<sup>11</sup>. Что же касается российской разведки и контрразведки, особенно тайной (агентурной) политической и военно-политической, то она до последнего времени незаслуженно находилась вне поля зрения историков или же рассматривалась ими поверхностно и оценивалась пристрастно<sup>12</sup>. Пропагандистские и контрпропагандистские опе-

<sup>6</sup> Slavic Review. 2006. Vol. 65, no 4. P. 824.

<sup>7</sup> См.: *Левицкий Н.А., Быков П.Д.* Русско-японская война, 1904—1905. [Репринт изданий 1938 и 1942 гг.]. М., 2003. С. 449, 608.

<sup>8</sup> Характерно, что из 150-томного исследования по истории русско-японской войны на море, подготовленного в Токио, тридцать один том так и не был опубликован, несмотря на то, что все это издание имело гриф секретности.

<sup>9</sup> Подробнее о русскоязычной историографии и археографии этой войны см. статьи автора этих строк, с которыми он выступил в русско- и японоязычной печати (см., напр.: *Павлов Д.Б.* Российская историография и археография русско-японской войны 1904—1905 гг.: основные периоды, идеи и направления // *Отечественная история*. 2005. № 3. С. 144—157). Развернутые комментарии историографического характера, включая современную зарубежную историческую литературу, будут даны по ходу изложения.

<sup>10</sup> *White J.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, N. J., 1964. P. 138, 140.

<sup>11</sup> *Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904—1905 гг. Сокр. изд. М., 1938. С. 31.

<sup>12</sup> Так, профессор Бирмингемского университета Дж. Вествуд пишет о русской разведывательной системе этих лет как об “*extensive and expensive*”, т.е. обширной и дорогостоящей, требовавшей серьезных затрат (*Westwood J.N.* Russia against Japan, 1904—05: A New Look at the Russo-Japanese War. Basingstoke; London, 1986. P. 140), а советский военно-морской историк, отмечая отсутствие у России «плановмерно функционирующего разведочного аппарата», полагал, что в 1904—1905 гг. ее Морскому министерству, например, приходилось пользоваться «случайными агентурными сведениями» (*Новиков Н.В.* Гульский



рации конфликтующих сторон, включая как публичную, так и секретную их часть, также изучены недостаточно и в большинстве остаются не известны.

Отечественная историография интересующих нас проблем в полном смысле слова начала складываться только в 1990-е годы. Но если отбросить околону научную литературу, которая в последнее время расплодилось у нас в неимоверном количестве, на сегодняшний день можно назвать всего несколько произведений, в основном обзорного характера, вышедших из-под пера сотрудников отечественных спецслужб<sup>13</sup>, и немногочисленные документальные публикации<sup>14</sup>. Одним из отрицательных последствий сложившегося «ведомственного» подхода к изучению интересующих нас сюжетов является то, что авторы этих трудов обычно лучше ориентируются в истории «своих» учреждений, нередко не зная, недооценивая или прямо уничижительно отзываясь о деятельности других. Отсюда проистекают многочисленные недомолвки, недоговоренности, а порой и грубые ошибки в изложении работы российских разведывательных органов в 1904—1905 гг. Общей картины их деятельности до сих пор нет.

Профессиональные историки к этой теме обращаются редко<sup>15</sup>. Возможно, в силу того, что она не только требует от исследователя специальных знаний, но и весьма трудоемка. Разведывательные и контрразведывательные операции всегда осуществляются в связи с другими, более крупными событиями внутригосударственной и международной жизни, вызваны ими или сопутствуют им, и интересующий нас период в этом смысле не исключение. События, о которых пойдет речь, охватили десятки стран мира, в них оказались вовлечены или к ним непосредственно причастны тысячи людей, сотни разнообразных учреждений и организаций — временных и постоянно действовавших, государственных и общественных, как официальных и, конечно, легальных, так и глубоко законспирированных, тайных и подпольных. Не менее важен и «субъективный фактор». История разведки — это столкновение и часто весьма прихотливое переплетение человеческих темпераментов, психологий, карьер и судеб. Примем также во внимание сугубо секретный характер контрразведывательных операций, практически отсутствие полной и безусловно достоверной информации о них, а, значит, и необходимость многократных многосторонних перепроверок и сопоставлений имеющихся свидетельств и фактов. Прибавим, наконец, разбросанность информации по многочисленным библиотекам и фондам архивов многих стран мира и ее фрагментарность. В общем, изначально любой из сюжетов, исследованных в этой книге, это уравнение со многими неизвестными, головоломка, в которой недостает сразу нескольких частей. Таковы источниковедческие будни историка секретных служб. Одновременно, в силу только что перечисленных причин, историю «секретных операций» невозможно представить целостно, игнорируя междисциплинарный подход к историческому материалу, о котором в последние годы так много говорится в мировой историографии,

---

инцидент и царская охранка // Морской сборник. 1935. № 6. С. 97).

<sup>13</sup> См.: *Изместьев П.И.* О нашей тайной разведке в минувшую кампанию. 2-е изд. Варшава, 1910; *Зволицев К.К.* Русская агентурная разведка и контрразведка. Т. 1. М., 1929; *Вотинов А.[П.]*. Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М., 1939; *Очерки истории российской внешней разведки*: [в 6 т. / гл. ред. Е.М. Примаков]. Т. 1. М., 1996; *Алексеев М.* Военная разведка России: от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998; *Лубянка 2*: из истории отечественной контрразведки / [рук. авт. кол. Я.Ф. Погоний]. М., 2001.

<sup>14</sup> См.: *Японский шпионаж в царской России*: сб. док. / под ред. П. Софинова. М., 1944; *Из истории русской контрразведки*: сб. док. / сост. И. Никитинский. М., 1946; *Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг.: документы* / сост. И.В. Деревянко // *Тайны русско-японской войны*. М., 1993; *Тайная война против России: из документов русской контрразведки 1904—1905 гг.* / публ. Д.Б. Павлова // *Исторический архив*. 1994. № 3. С. 13—59.

<sup>15</sup> В числе работ историков по этой тематике, вышедших в последние годы и тематически либо хронологически близких к интересующим нас сюжетам и временному периоду, заслуживают внимания статьи московской исследовательницы Е.В. Добычиной «Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895—1897 годах» (*Отечественная история*. 2000. № 4. С. 161—170) и ее иркутских коллег И.А. Решетнева и В.В. Синиченко «К вопросу о шпионаже на восточных окраинах России в конце XIX — начале XX в.» (*Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2007. № 6. С. 41—54), монография омского историка Н.В. Грекова «Русская контрразведка в 1905—1907 гг.: шпионomanия и реальные проблемы» (М., 2000) и книга сотрудника Института всеобщей истории РАН Е.Ю. Сегреева «Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904—05: Secret Operations on Land and at Sea» (London; New York, 2007).

без опоры на методы как традиционной политической или дипломатической истории, так и социальной и культурологической.

Что касается отечественных исследований русско-японской войны обобщающего характера, то последняя серьезная работа такого рода – коллективная монография под редакцией покойного профессора И.И. Ростунова – была опубликована около сорока лет назад, в 1977 г. С тех пор развитие этой историографии, увы, идет по нисходящей, и некоторые новейшие публикации иначе как курьезом не назовешь. Вновь изданные обобщающие работы, за редким исключением, представляют собой либо перепечатки исследований, опубликованных десятки лет назад, либо сильно беллетризованные биографии героев войны, либо переводные сочинения зарубежных авторов<sup>16</sup>. В мировой историографии появилась заявка на новизну и общеконцептуального плана: усилиями большой группы историков, авторов одноименного двухтомного коллективного труда, русско-японская война без достаточных, как нам кажется, оснований, «возведена» в «Нулевую мировую» (*World War Zero*)<sup>17</sup>.

В итоге одни события этой войны остаются по сию пору неизвестными, другие за прошедшие сто с лишним лет, напротив, столько раз подвергались перетолкованию, что изменились почти до неузнаваемости. Неверно трактована, неполно описана и потому должным образом не осмыслена и не оценена самая масштабная в годы войны операция русской контрразведки – охрана и обеспечение безопасного плавания 2-й Тихоокеанской эскадры из Европы на Дальний Восток (этот сюжет рассмотрен в главе II настоящей книги). В течение большей части минувшего столетия отечественная историография находилась в полном неведении относительно контактов российских революционеров с японским правительством (см. главу III), ничего не было известно о деятельности наиболее успешной разведывательной организации России на Дальнем Востоке – «шанхайской агентуры» дипломата А.И. Павлова (глава IV); русско-японское идейно-пропагандистское соперничество на международной арене в годы этой войны также еще специально не изучалось – идет ли речь об организации либо об идеологическом «наполнении» этой работы (см. главу V). Что касается более частных сюжетов, то наиболее яркими примерами неверного толкования являются знаменитый «гульский инцидент», его международное расследование и связанные с ними обстоятельства.

Свою задачу автор видел в том, чтобы, с одной стороны, заполнить все еще остающиеся «белые пятна» русско-японской войны, а, с другой, – очистить историческое полотно от позднейшей «патины» и восстановить подлинный ход, смысл и значение интересующих его событий, разумеется – в очерченных тематических рамках.

\* \* \*

Для начала поговорим о том, как в начале XX в. были организованы разведывательная и контрразведывательная службы Российской империи. Единого учреждения с такими функциями в России не существовало, и руководство ею было сосредоточено в руках сразу нескольких

<sup>16</sup> Уровень современной отечественной издательской культуры иллюстрирует книга англичанина Кристофера Мартина «Русско-японская война, 1904–1905». Выпущенная в свет в 2003 г. московским издательством «Центрполиграф» в русском переводе, на языке оригинала впервые она была опубликована в Лондоне еще в 1967 г. Известные российские флотоводцы адмиралы Н.И. Скрыдлов и О.А. Энkvист наречены здесь «Скрыдловым» и «Анквистом», броненосцы вместо 12-дюймовых вооружены «12-пудовыми» орудиями и т.д. Дату появления этой книги в свет на языке оригинала отечественный издатель не сообщает. В том же 2003 г. то же издательство 4-тысячным тиражом выпустило в свет прекрасную книгу Окамото Сюмпэй «Японская олигархия в русско-японской войне» в переводе Д. Лихачева, вновь «забыв» сообщить, что впервые эта книга была опубликована в 1970 г.; к тому же издатель счел излишним публиковать научно-справочный аппарат и авторские комментарии к тексту, которыми было снабжено оригинальное англоязычное издание.

<sup>17</sup> См.: *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero* / ed. by J. Steinberg et al. Leiden; Boston, 2005–2007. 2 vols. Правда, один из редакторов этого фундаментального труда уточнил, что эта война была не более чем «региональной конфронтацией с существенными глобальными аспектами, важными и продолжительными международными воздействиями и громадным влиянием на развитие военного дела»: *Steinberg John W. The Operational Overview* // Ibid. Vol. 1. P. 105.

центральных ведомств: управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба, Главного морского штаба, Министерства финансов, МИД и, конечно, Департамента полиции Министерства внутренних дел. К начальнику военно-статистического отдела иностранных государств управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-майору В.П. Целебровскому стекалась информация от 20-ти российских военных атташе («агентов») в 21-й зарубежной стране; начальник Главного морского штаба контр-адмирал З.П. Рожественский, а затем его помощник контр-адмирал А.А. Вирениус таким же образом контролировали и направляли деятельность военно-морских атташе; в Министерстве финансов, МИД и Департаменте полиции МВД переписка по этим вопросам также велась через первых лиц – соответственно, министров (В.Н. Коковцова и графа В.Н. Ламздорфа) и директоров (в годы войны пост руководителя Департамента полиции последовательно занимали А.А. Лопухин, С.Г. Коваленский, Н.П. Гарин и П.И. Рачковский, причем последний именовался «заведующим политической частью Департамента на правах его вице-директора»). Самое существенное из добытой информации докладывалось непосредственно Николаю II, который по оперативным вопросам разведки и контрразведки давать какие-либо указания, однако, избегал и, как правило, ограничивался ролью простого наблюдателя. Зато наиболее важные организационные, кадровые и финансовые решения в этой области требовали утверждения императора и оформлялись в качестве его «повелений» или «соизволений».

Четкого разграничения «сфер влияния» между этими ведомствами не существовало, однако главное внимание российских военных, сухопутных и морских, в первую очередь привлекал сбор японцами военной информации о России, закупка ими и отправка на Дальний Восток оружия и военных материалов, размещение их военных заказов в западноевропейских странах, сведения о потерях, передвижениях, численности и мобилизационных возможностях японских военно-морских и сухопутных сил и другие специальные военные вопросы. Интересы же Департамента полиции, МИД и Министерства финансов лежали главным образом в области военно-политической и финансово-экономической, что, конечно, не мешало их представителям за рубежом собирать информацию и чисто военного свойства с тем, чтобы передавать ее своим коллегам из соответствующих ведомств.

Отечественные исследователи единодушны в том, что вся разведывательная деятельность России накануне войны с Японией была организована и финансировалась неудовлетворительно, причем наименее эффективной была именно военная разведка<sup>18</sup>. «По ряду объективных и субъективных причин и, прежде всего, недостаточности финансового обеспечения, – считает И.С. Макаров, – процесс развития ведущего звена организационной структуры военной разведки – центрального разведывательного органа не соответствовал задачам, решаемым им в условиях нарастания сложности военно-политической обстановки и отставал от аналогичных процессов в ведущих западно-европейских государствах, что впоследствии негативно сказалось на организации разведывательной деятельности накануне русско-японской войны 1904—1905 гг.»<sup>19</sup>. Еще больше ситуацию усложняли тяжелые отношения, которые нередко складывались у зарубежных представителей военного ведомства с гражданскими дипломатами. По мнению Ю.Я. Соловьева, «это было проявлением на местах столь зловредной отчужденности между военной и гражданской бюрократией в царской России»<sup>20</sup>. Военная разведка и

<sup>18</sup> Точнее сказать – почти единодушны. Анонимный автор соответствующего раздела «Очерков истории российской внешней разведки» – единственный, кто считает, что не военная разведка была плоха и даже не Главный штаб, а «пренебрежение» их данными со стороны «царских властей». «Если бы царские власти вовремя прислушались и внимательно отнеслись к донесениям полковника В.К. Самойлова из Токио... – полагает он, – то дальнейшие события могли бы развиваться несколько по-иному. Многие, видимо, удалось бы избежать»: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. С. 196–198.

<sup>19</sup> Макаров И.С. О процессе формирования организационной структуры военной разведки Российской империи (последняя треть XIX в. – начало XX в.) // Многоликая история: сб. ст. М., 1997. С. 218.

<sup>20</sup> Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата, 1893–1922. М., 1959. С. 135.

МИД, отмечает А.Ю. Шелухин, нередко выступали соперниками в предоставлении информации руководству страны и самому императору<sup>21</sup>. А.И. Колпакиди констатирует, что «деятельность военных и политических спецслужб России была тесно переплетена между собой, однако вследствие слабости самих служб (особенно военных) в целом их действия были низкоэффективными»<sup>22</sup>.

Робкая попытка российского военного ведомства создать накануне войны собственную нелегальную резидентуру, непосредственно подчиненную Главному штабу, окончилась неудачей – секретные агенты (два были направлены в Японию и один – в Китай) ничего ценного дать не смогли, несмотря на то, что в их распоряжение в общей сложности было выделено 52 тыс. рублей. Впрочем, в России это мало кого удивило. В Петербурге, с легкой руки военных атташе, сложилось твердое убеждение, что в силу сугубой подозрительности и осторожности местных военных властей и полиции, а также особенностей туземного языка организация и эффективное использование секретной агентуры в Японии были якобы вообще невозможны. «Для военного агента остается лишь один исход, – доносил из Токио полковник Генерального штаба Н.И. Янжул, – совершенно и категорически отказаться от приобретения всяких ... секретных письменных данных, тем более, что в большинстве случаев предложения подобных сведений со стороны японцев будут лишь ловушкой»<sup>23</sup>. Заняться изучением японской «тарабарской грамоты» этот полковник счел ниже своего достоинства и, по собственному признанию, чувствовал себя в Токио «трагикомически». Сведения, которые он представлял в Петербург, основывались, главным образом, на его личных наблюдениях во время маневров японской армии, на которых ему доводилось присутствовать. Еще более трагикомическим положение русских военных агентов в Токио делало то, что еще с середины 1890-х годов японцы наладили перехват их зашифрованной переписки с Петербургом<sup>24</sup>, о чем, понятно, ни Янжул, ни его преемники не догадывались.

Надо признать, что жалобы Янжула имели под собой некоторые основания. «Работа русских официальных агентов в Японии (особенно военных и морских), – утверждал чиновник российского Министерства финансов Л.В. фон Гойер, несколько предвоенных лет проработавший в Японии, – крайне затруднена тем обстоятельством, что японцы слишком близко и тщательно за ними следят. Мне достоверно известно, что к каждому русскому агенту японское правительство приставляет пять или шесть агентов, которые днем и ночью за ними следят. Каждый шаг, каждое движение их было известно. За всеми лицами, с которыми они имели сношение, также бдительно наблюдали». «Никогда русскому агенту, – заключал фон Гойер, – не удастся нанять в Токио, Иокогаме или где-нибудь в стране действительно порядочного шпиона, а если случайно удастся, то десятки японских сыщиков, окружающих его, быстро поймут это и теми или иными средствами удалят его. Были примеры, когда русские агенты получали интересные сведения, но, увы, в большинстве случаев они шли прямо из [японского] Генерального штаба»<sup>25</sup>. Основываясь на этих наблюдениях, фон Гойер приходил к выводу, что «русские, да и все иностранные военные и морские агенты в Японии играют лишь роль представительскую, – серьезных, секретных сведений они никогда не соберут». В качестве обратного примера он указывал на «шанхайскую агентуру» дипломата А.И. Павлова, которая успешно добывала такие сведения, но действовала независимо от русских военных атташе.

<sup>21</sup> Шелухин А.Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи начала XX века (1906–1914 гг.) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 30.

<sup>22</sup> Колпакиди А.И. К вопросу о взаимодействии российских спецслужб в дооктябрьской России // Политический сыск в России: история и современность: сб. ст. СПб., 1997. С. 89.

<sup>23</sup> Цит. по: Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 144.

<sup>24</sup> См.: Inaba Ch. Franco-Russian Intelligence Collaboration against Japan during the Russo-Japanese War, 1904–05 // Japanese Slavic and East European Studies. 1998. Vol. 19. P. 1–23.

<sup>25</sup> Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143 (Китайский стол). Оп. 491. Д. 1424. Л. 73.



Явно неудовлетворительно в России обстояли дела как с общим финансированием агентурно-разведывательной работы военного ведомства, так и с распределением этих средств. До войны на эти цели Главному штабу и Главному интендантству в совокупности было выделено немногим более 260 тыс. рублей (113 650 и 149 420 рублей соответственно), но и эти ассигнования не были рачительно использованы. В середине 1890-х годов на свои «негласные расходы» военные агенты в Корее, Китае и Японии ежегодно получали от 1,2 до 3 тыс. рублей каждый. С 1896 г. эти суммы были серьезно увеличены (в общей сложности – до 30,6 тыс. рублей)<sup>26</sup>, но и этих средств было очевидно недостаточно. В то же время официальные представители военного ведомства в западноевропейских странах и США финансировались с избытком, не будучи в состоянии «освоить» выделенные деньги в полном объеме. «Военным агентам в европейских странах, – сообщает чекист К.К. Звонарев, – были отпущены следующие суммы на разведку против Японии: в Берлине – 10 тыс. рублей, в Лондоне – 15 тыс. рублей, в Париже, Брюсселе, Вашингтоне – 10 тыс. рублей, в Вене и Риме – по 5 тыс. рублей. Таким образом, всего было отпущено 65 тыс. рублей, израсходовано же всего 32 тыс. рублей»<sup>27</sup>. Зато в Маньчжурии разведывательные органы действующей армии задыхались от нехватки средств – за все время войны их совокупный бюджет составил менее полутора миллионов (1 406 055) рублей<sup>28</sup>.

Серьезной проблемой русской военной разведки этих лет был ее кадровый состав. Слабым местом многих российских военных атташе являлось неумение или нежелание организовать сбор достоверных сведений о вооруженных силах страны пребывания. На соответствующие должности, как правило, по протекции попадали офицеры, нередко не обладавшие необходимой подготовкой, а также соответствующими деловыми и личными качествами. Более или менее удовлетворительно российские военные агенты работали в эти годы в европейских странах и в Китае. Японии же и Корее в этом смысле явно «не повезло». Здесь на рубеже XIX—XX вв. военными атташе состояли питомец Пажеского корпуса и делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба полковник Г.М. Ванновский (1862—1943), родственник недавнего военного министра П.С. Ванновского, и бывший штаб-офицер 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады полковник И.И. Стрельбицкий. Оба настолько не «баловали» донесениями свое петербургское начальство, что были отозваны – Ванновский в 1902 г., а Стрельбицкий – в 1900-м<sup>29</sup>.

«Существующее резкое отличие в готовности наших и японских сил, как мне кажется, наши военные агенты не берут в расчет и не придают этому обстоятельству должное значение», – сетовал в апреле 1901 г. главный начальник и командующий войсками Квантунской области адмирал Е.И. Алексеев в доверительном письме посланнику в Токио А.П. Извольскому<sup>30</sup>. И действительно, Ванновский на основании изучения вооруженных сил потенциального противника пришел к выводу, что «пройдут десятки, может быть, сотни лет», пока японской армии «станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав»<sup>31</sup>, за что удостоился сочувственного отзыва военного министра<sup>32</sup>. Спустя

<sup>26</sup> Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке ... С. 162, 165.

<sup>27</sup> Звонарев К.К. Указ. соч. Т. 1. С. 25, 50—51.

<sup>28</sup> Кравцев И.Н. Спецслужбы России в русско-японской войне 1904—1905 годов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1996. С. 267.

<sup>29</sup> Его деятельность на этом посту получила противоречивую оценку в историографии. Е.В. Добычина (*Добычина Е.В.* О происхождении Токио в Корее на рубеже XIX—XX вв. исправно докладывал в Санкт-Петербург генерального штаба подполковник И.И. Стрельбицкий // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 43—47) отзывался о ней высоко, а Д.Б. Павлов и Н.Н. Павлова (*Павлов Д.Б., Павлова Н.Н.* Полковник И.И. Стрельбицкий – первый русский «военный агент» в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 118—126) – критически.

<sup>30</sup> АВПРИ. Ф. 340 (Личный архив А.П. Извольского). Оп. 835. Д. 4. Л. 26.

<sup>31</sup> Цит. по: Алексеев М. Указ. соч. Кн. 1. С. 148.

<sup>32</sup> «Увлечения наших бывших военных агентов японской армией уже нет, – заметил на полях доклада Ванновского военный министр А.Н. Куропаткин. – Взгляд трезвый». Такая реакция министра объяснялась его скептическим отношением к

каких-то 3–4 года русская армия, далеко не «самая слабая из европейских», на собственном опыте и сполна убедилась в несостоятельности этого прогноза, однако накануне войны именно сведения и оценки Ванновского воспринимались в Петербурге как новейшие и наиболее достоверные<sup>33</sup>. Полковник М.А. Адабаш, посетивший Японию в 1903 г., попытался их опровергнуть и привел данные о дополнительных («территориальных») войсках Японии, но в Главном штабе его сведениям не придали значения. Точно таким же образом в Петербурге отнеслись к высокоценной и достоверной информации о японских резервах, добытой военно-морским атташе в Токио капитаном 2-го ранга (впоследствии адмиралом) А.И. Русиным<sup>34</sup>. «Когда французский военный агент, полковник Генерального штаба барон Корвизар (генералом в 1916 году командовал корпусом) предложил дать мне имеющиеся у него сведения о японской армии с тем, чтобы я эти сведения сообщил прямо в Петербург, но не передавал их полковнику Ванновскому, – вспоминал много лет спустя Русин, – то генерал Куропаткин, наш тогдашний военный министр, получив мое донесение, не поверил ему, как сильно расхвалившемуся с имеющимися в министерстве сведениями, и положил под сукно»<sup>35</sup>.

Легкомысленное отношение к вопросу о численности войск будущего противника и грубая недооценка его военного потенциала в целом сохранялась в русских штабах и в первые месяцы войны с Японией. В марте 1904 г. бывший руководитель Главного штаба генерал В.В. Сахаров, только что поставленный во главе Военного министерства, в интервью газете «Figaro» сообщил, что 200 тыс. штыков – максимум, который Япония способна выставить на театр войны<sup>36</sup>. Адьютант генерала Куропаткина, в те же дни отправлявшегося в Маньчжурию, сообщил корреспонденту «L'Écho de Paris», что, по убеждению его шефа, вся дальневосточная кампания завершится не позднее конца 1904 г., причем мирный договор русский главнокомандующий намерен подписать «в Токио, и нигде более»<sup>37</sup>. «Корея будет русской», – заявил сам Куропаткин французскому журналисту в личной беседе<sup>38</sup>. Штаб наместника на Дальнем Востоке, лишь получив с полдюжины агентурных донесений о мобилизации различных категорий японских резервистов (речь шла о сотнях тысяч человек) – их сборных пунктах, дислокации, обучении, экипировке, вооружении и времени отправки на театр войны, удосужился поинтересоваться («для ясности номенклатуры»), что из себя представляют эти резервы и как называются по-японски. На следующий день руководитель «шанхайской агентуры» телеграммой направил в Харбин все требуемые сведения. Характерно, что этот обмен телеграммами между Шанхаем и Харбином произошел в конце сентября 1904 г., на исходе восьмого месяца военных действий<sup>39</sup>. Только после Ляоянского боя петербургские штабные специалисты согласились признать максимальную численность японской армии в 450–500 тыс. штыков<sup>40</sup>. Но и эта оценка сильно занижала потенциал японских сухопутных вооруженных сил.

---

ранее полученным донесениям офицеров Генерального штаба полковника К.И. Вогака и капитана М.А. Соковнина, которые во время японо-китайской войны 1894–1895 гг. были прикомандированы к японской действующей армии и, как констатирует Е.В. Добычина, «первыми среди профессиональных военных заявили о появлении в лице Японии опаснейшего противника России на Дальнем Востоке». Цит. по: Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке ... С. 162.

<sup>33</sup> Куропаткин А.Н. Русско-японская война, 1904–1905: итоги войны. СПб., 2002. С. 182–183.

<sup>34</sup> См.: Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. 1996. № 6. С. 55–86; Wada Haruki. Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attaches in Japan // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden; Boston, 2007. Vol. 2. P. 36–42.

<sup>35</sup> Руси́н А.И. К истории мирных переговоров в Портсмуте в 1905 году // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 403–404.

<sup>36</sup> Цит. по: The Times. 1904. March 10 (No. 37338). P. 5.

<sup>37</sup> Цит. по: Ibid. March 14 (No. 37341). P. 5; March 17 (No. 37344). P. 5.

<sup>38</sup> Цит. по: Ibid. March 16 (No. 37343). P. 5.

<sup>39</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2979. Л. 40 (Телеграмма статского советника (СС) Плансона из Харбина действительному статскому советнику (ДСС) Павлову в Шанхай от 23 сентября 1904 г. № 438), 42 (ответная телеграмма Павлова от 24 сентября 1904 г. в Харбин).

<sup>40</sup> The Times. 1904. September 14 (No. 37499). P. 3.

Незамного исправил положение преемник Ванновского, 36-летний полковник Генерального штаба В.К. Самойлов, с 1896 г. работавший в Токио помощником военного атташе. За годы пребывания в Японии Самойлов выучил японский язык<sup>41</sup> и, по свидетельству генерала А.С. Лукомского, в своих донесениях стремился развеять недооценку японской армии, укоренившуюся в руководящих военных кругах России, но мало преуспел в этом<sup>42</sup>. При этом Самойлов, как и его предшественники, затруднился с приобретением собственной секретной агентуры и потому питался вторичной информацией – главным его «источником» был французский военный атташе в Токио. В результате накануне войны русское командование не имело достоверных сведений ни о стратегических и тактических планах будущего противника, ни даже о численности японских вооруженных сил. В Петербурге были убеждены, что больше 350—400-тысячной армии (по общему счету) Япония с ее 45-миллионным населением выставить не в состоянии, и именно эти цифры легли в основу всего российского военного планирования. Кроме того, в Главном штабе полагали, что «при исчислении сил нужно исходить из отношения, что один русский солдат соответствует четырем японским»<sup>43</sup>. В действительности в годы войны Япония в совокупности поставила под ружье значительно более миллиона человек, т.е. втрое больше, чем полагали петербургские стратеги. «У нас имеется и имелось изрядное количество военных агентов, тем не менее, тот факт, что японцы за войну выставили свыше миллиона человек на театре военных действий, оказался для нас неожиданностью ... Очевидно, что в способах собирания секретных сведений нашими [военными] агентами были коренные недостатки», – подытожил довоенную деятельность в Японии Ванновского и Самойлова российский консул в Нагасаки З.М. Поляновский в мае 1906 г.<sup>44</sup> Несостоятельность военной разведки и, как следствие, слабое знание противника в конечном итоге привели Россию к поражению в этой войне. «Недооценка Японии оказалась одним из самых значительных провалов разведки русского Генерального штаба», – справедливо констатирует современный британский историк<sup>45</sup>.

В Петербурге совершенно не учли и того обстоятельства, что свой предыдущий военный конфликт с Китаем, как и последующую войну с Россией, Япония фактически начала за неделю до формального объявления войны 20 июля 1894 г. «Период, непосредственно предшествовавший японо-китайской войне, – замечает в этой связи военный историк генерал П.Н. Симанский, – интересен тем, что он заключает в себе, по крайней мере с японской стороны, все особенности, с удивительным подобием повторившиеся через 10 лет во дни столкновения с Россией. Только тщательно подготовив надлежащие средства для борьбы, т.е. армию и флот, подготовив их в течение долгих годов ... японское правительство приступает к осуществлению давно лелеянных им планов. Выйдя на прямую дорогу к своей цели и решив достичь ее хотя бы ценою войны, Япония не может отказаться однако от навязанных ей переговоров и ведет их до тех пор, пока под их прикрытием она не оказывается готовою к борьбе не только вообще, но даже и в частности, т.е. на данном театре войны. Тогда она заканчивает эти переговоры, “как ни

<sup>41</sup> Успехам Самойлова в изучении местного языка и обычаев много способствовала его японская пассия, на которой он впоследствии и женился. В годы его вторичного пребывания в Японии в качестве военного атташе (1906—1916) сотрудники российского посольства забавлялись, наблюдая, как его, к тому времени уже генерала, эта японка выгоняла на ночь из дома. См.: *Подалько П.Э.* Япония в судьбах россиян: очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004. С. 83—84.

<sup>42</sup> *Лукомский А.С.* Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Т. 1. Берлин, 1922. С. 16—17. В годы самой войны, вспоминает Русин, маньчжурский главнокомандующий Куропаткин удалил Самойлова из своей ставки «за его панические настроения»: *Русин А.И.* Указ. соч. С. 401.

<sup>43</sup> *Лукин А.П.* В 1904 году // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 32—33.

<sup>44</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 1424. Л. 187—187 об. (Секретное письмо З.М. Поляновского Д.К. Семеновскому в Петербург, Нагасаки, 12 (25) мая 1906 г. № 83).

<sup>45</sup> *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800—1917. London; New York, 2006. P. 85.

к чему не ведущие”, и еще до формального объявления войны, установленного старыми обычаями международного права, уже открывает военные операции как на море, так и на суше»<sup>46</sup>.

После отъезда из Кореи Стрельбицкого здешними военными агентами последовательно числились питомец лейб-гвардии Семеновского полка подполковник Л.Р. фон Раабен и подполковник Генерального штаба А.Д. Нечволодов<sup>47</sup>. В выполнении своих служебных обязанностей они преуспели не слишком, и в Петербурге так и не узнали о масштабных секретных подготовительных операциях, развернутых на полуострове Японией почти за год до начала войны с Россией<sup>48</sup>. Зато оба военных дипломата, как сговорившись, отличились по «амурной» части, каждый по-своему. 28-летний Раабен попытался «приударить» за женой российского посланника в Сеуле – дело кончилось дуэлью, отзывом в 1903 г. в Россию, переводом в негвардейский полк, а затем и в действующую армию. Преемник Раабена Нечволодов по случаю внезапно начавшейся войны до Сеула добраться не успел и осел во Владивостоке. Здесь он открыто содержал «воспитанницу» публичного дома, который, по данным начальника местного военно-разведывательного отдела, был не только «излюбленным местом всех родов оружия владивостокского гарнизона», но и «рассадником японского шпионства»<sup>49</sup>.

Благодаря Нечволодову и прочим военным и гражданским начальникам, в годы войны среди других российских городов Дальнего Востока именно Владивосток стал своего рода «рекордсменом» по части утечки «закрытой» информации – планы фортов этой крепости и ее батарей, а также общую карту города с указанием фортификационных сооружений в разгар войны секретный агент Павлова купил в Японии за 10 тыс. иен<sup>50</sup>. Другие секретные документы (планы крепости, схемы ее ночного освещения, окопов и мест расположения войск) почти открыто продавались в восточных кварталах самого Владивостока. Позднее, в январе 1906 г., перед отъездом из Шанхая на родину британский коммерческий атташе Швабе (Schwabe), «будучи в несколько веселом состоянии», хвастал соотечественникам, как ловко он обогатился в свою бытность во Владивостоке: «Перед началом войны, осенью 1903 г., Швабе вошел в сношение с кем-то из служащих в штабе Владивостокской крепости (фамилии не было ска-

<sup>46</sup> События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891—1903 гг.). Издание Военно-исторической комиссии, бывшей под председательством Генерального штаба генерал-майора Гурко. Ч. 1: Борьба России с Японией в Корею / сост. Генерального штаба генерал-майор Симанский. СПб., 1910. С. 30.

<sup>47</sup> Нечволодов Александр Дмитриевич (1864—1938) – сын офицера, из дворян. Окончил Николаевскую академию Генштаба. 29 ноября 1903 г. в чине полковника Генерального штаба направлен военным атташе в Корею, но в связи с началом боевых действий с Японией к месту назначения не доехал. Сначала служил при штабе наместника, затем, будучи прикомандирован к штабу Маньчжурской армии в Ляояне, в марте 1904 г. недолго возглавлял комиссию Штаба по цензуре сообщений военных корреспондентов. Отстранен за бездействие по жалобе чиновника Министерства финансов С.Н. Латкина, с конца марта занимался организацией разведки в Нанкинском и Гирином районах Китая, в Корею и в Южно-Уссурийском крае. Был переведен во Владивосток, в сентябре 1904 г. – в Хабаровск. Затем от разведки против Японии был отстранен (свою немногочисленную секретную агентуру в Японии передал Павлову), продолжал руководить разведывательно-подрывными операциями в Корею. Участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант. Умер в эмиграции.

<sup>48</sup> По сведениям японского исследователя Ч. Инаба, в августе 1903 г. для изучения состояния корейских дорог и возможностей снабжения на месте своих оккупационных войск Корею тайно посетили генерал-майор С. Игути и полковник Т. Мацукава (начальники общего и 1-го отделов Генштаба, соответственно); начиная с весны 1903 г. и вплоть до самого кануна войны с Россией специальные разведывательные поручения здесь выполняли подполковники Я. Мацуиси и Т. Того, майор У. Киносита, капитаны Ц. Хио и Сакураи. В ноябре – декабре 1903 г. для нужд своего экспедиционного корпуса японские военные закупили и под видом коммерческого груза доставили в Корею несколько миллионов тонн продовольствия.

<sup>49</sup> Краткая объяснительная записка о системе японского шпионажа, составленная ротмистром Михайловым. Сов. секретно, 28 июля 1906 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 23—25.

<sup>50</sup> Там же. С. 26. В доме здешнего японского торгового представителя Каваками Тосицунэ (1861—1935), который с началом войны покинул город, российские контрразведчики обнаружили своего рода шпионский «прайс-лист» на английском языке: новые форты – 12 тыс. рублей, минные заграждения – 8 тыс. рублей, дислокация владивостокского гарнизона – 3 тыс. рублей и т.д., всего на сумму 69 тыс. рублей. Здешний жандармский офицер Михайлов полагал, что этот прейскурант японцу передал англичанин Э.С. Швабе, директор-распорядитель акционерного Уссурийского горнопромышленного общества, в расчете на будущую «негоцию». Характерно, что в числе пайщиков этого общества состояли комендант Владивостокской крепости генерал-лейтенант Д.Н. Воронец, агент Добровольного флота отставной вице-адмирал В.А. Терентьев, а также оба директора здешнего отделения Русско-Китайского банка – А.А. Масленников и С.Л. Эпштейн.



зано) и купил у него план владивостокской обороны за 5000 рублей, но когда он получил план, он заплатил лишь 1200 рублей. Затем этот план Швабе продал японцам за сумму около 15 000 иен и, таким образом, нажил»<sup>51</sup>. Борьба с японским шпионажем была поставлена во Владивостоке из рук вон плохо, а гарнизон к 1905 г. разложился.

В общем, утверждение некоторых современных отечественных специалистов по истории военной разведки, что через их ведомство прошел «цвет российской нации»<sup>52</sup>, на дальневосточный регион в интересующие нас годы не распространяется. Как отметил в начале войны один из руководителей российской военной разведки на Дальнем Востоке генерал-лейтенант В.А. Косаговский, «то, что у наших врагов давным-давно создано, нам еще только предстоит создать с нуля»<sup>53</sup>. «Этого, впрочем, и надо было ожидать, – продолжает мысль Косаговского офицер управления генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии Д.П. Парский, – так как трудно предположить, что, не позаботившись об организации тайной разведки ранее, до войны, ее могли бы наладить чуть ли не в минуту необходимости люди, только что прибывшие на театр военных действий, не знавшие страны и населения и не владевшие местным языком»<sup>54</sup>. Зато их японский коллега, генерал Я. Фукусима, хотя выразился с меньшей долей самокритики, имел-таки основания утверждать, что он и его подчиненные «знали царскую Россию в военно-мобилизационном отношении лучше, чем сами русские»<sup>55</sup>. В мае 1904 г. токийская “Japan Times” с удовольствием процитировала русского генерала, посетовавшего на огромное количество японских шпионов, переодетых китайцами, «которые слоняются в расположениях войск», причем «невозможно этому воспрепятствовать»<sup>56</sup>.

Как ни странно, все эти обстоятельства ничуть не отразились на последующей карьере ни российских военных контрразведчиков, ни большинства перечисленных военных дипломатов – в урочный час многие из них, включая Ванновского, Янжула, Самойлова и Нечволодова, благополучно вступили в «превосходительные» чины. Совсем по-иному сложилась судьба тех невоенных разведчиков, которым уже в ходе самой войны выпало ликвидировать провалы, просчеты и недоработки своих военных коллег. При этом нередко они были вынуждены действительно начинать «с нуля» и почти всегда работать в чрезвычайно сложных условиях.

С 1903 г. и на протяжении всей войны главные силы российской военной разведки и контрразведки концентрировались на Дальнем Востоке, в то время как основным полем деятельности прочих учреждений была Европа. Российские военные агенты в Китае Генерального штаба генерал-майор К.Н. Дессино и полковник Ф.Е. Огородников и их помощники капитаны А.Е. Едрихин, С.В. Афанасьев, помощник старшего адъютанта полевого штаба заместителя на Дальнем Востоке штабс-капитан барон С.В. фон-дер-Ховен обслуживали в разведывательном и контрразведывательном отношениях главным образом действующую армию и получали инструкции из штаба царского заместителя на Дальнем Востоке, а после его упразднения – в штабе главнокомандующего. Это же в значительной степени характерно и в отношении представителей других российских ведомств, находившихся в годы войны в Китае: МИД (посланник П.М. Лессар, консулы К.В. Клейменов, Х.П. Кристи, Н.В. Лаптев, П.Г. Тидеман, выполнявший специальную миссию в Шанхае бывший посланник в Корее А.И. Павлов и др.) и Министерства финансов (член правления Русско-Китайского банка статский советник

<sup>51</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846 (Военно-ученый архив (ВУА)). Оп. 16. Д. 29083. Л. 3—3 об. (Рапорт военного агента в Китае генерал-майора К.Н. Дессино начальнику штаба главнокомандующего, Шанхай, 18 (31) января 1906 г. № 91).

<sup>52</sup> *Бабаянц Ю.* [К читателю] // *Алексеев М.* Военная разведка России: от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 3.

<sup>53</sup> Цит. по: *Кравцев И.Н.* Указ. соч. С. 58.

<sup>54</sup> *Парский Д.* Воспоминания и мысли о последней войне (1904—1905 гг.). СПб., 1906. С. 22.

<sup>55</sup> Цит. по: *Вотинов А.[П.]*. Указ. соч. С. 23. Сам Фукусима считался в японской армии крупнейшим экспертом по лингвистике, поскольку владел не только русским языком, но и несколькими сибирскими диалектами.

<sup>56</sup> The Japan Times. 1904. May 20 (No. 2169). P. 4.

Л.Ф. Давыдов и коллежский советник Н.А. Распопов). В целом секретные операции проводились и на территории самой Российской империи, и в областях, примыкавших или близких к театру военных действий (Япония, Китай, Корея, Гонконг, Сингапур, Индокитай, Индонезия, Индия), во многих странах Западной Европы, на Балканах, в Малой Азии и на севере Африки.

Значительная часть работы по контролю за деятельностью японских разведчиков как внутри России, так и за ее пределами была возложена на Департамент полиции МВД и его важнейшую и наиболее секретную часть, его «мозг» и «сердце» – Особый отдел. В рамках последнего в зависимости от обстоятельств, негласно, т.е. без официального учреждения, создавались временные оперативные подразделения, или группы, выполнявшие специальные функции или задания: IV (секретное) отделение, которое в указанные годы возглавляли В.С. Зыбин и А.М. Гартинг, Отделение по розыску о международном шпионстве (И.Ф. Манасевич-Мануйлов), «агентуры» жандармского подполковника В.В. Тржецяка, коллежского советника А.М. Гартинга, капитана 2-го ранга М. Луара, жандармского ротмистра (впоследствии генерал-лейтенанта) М.С. Комиссарова, того же Мануйлова. Каждое из них имело собственный немалый бюджет, свою наблюдательную и «внутреннюю» секретную агентуру и работало под непосредственным руководством директора Департамента и заведующего Особым отделом. За рубежом все эти «агентуры» тесно взаимодействовали с российскими дипломатическими представительствами, а в некоторых случаях – с полицейскими властями и спецслужбами государств пребывания. Высшие полицейские чиновники России активно обменивались секретной информацией, добытой их подчиненными, с руководителями военных ведомств и министерств иностранных дел и финансов и наоборот.

Несколько особняком среди прочих секретных служб Департамента полиции стояла Заграничная агентура – его центральный орган по наблюдению за деятельностью российских революционеров за рубежом. «В 1881 году, – сообщает исследователь этой Агентуры, – в Париже было положено начало созданию за границей целой самостоятельной организации русской политической полиции с обширным штатом служащих и с еще более значительным количеством находящихся в ее ведении секретных агентов. Постепенно этому парижскому центру была подчинена вся деятельность русской политической полиции вне границ империи царя. В последние перед войной годы ее нити из Парижа тянулись в Германию, Англию, Швейцарию, Австро-Венгрию, Испанию, во все скандинавские и балканские страны, в Соединенные Штаты Америки, в Канаду и т.д. То была мощная организация, которая ставила своей задачей быть предельно полно осведомленной обо всем, что относится к жизни и деятельности русской политической эмиграции»<sup>57</sup>. С момента основания и до упразднения в марте 1917 г. это подразделение базировалось в Париже, в здании российского посольства на улице Гренель, 79. Строго говоря, контршпионаж в компетенцию Агентуры не входил. Однако в силу ее центрального положения среди прочих заграничных полицейских «установлений» России, а также особенностей деятельности японских разведчиков на территории западноевропейских государств, в годы русско-японской войны ее роль как органа контрразведки объективно возрас- тала. Ее своеобразными филиалами являлись «агентуры» на Балканах, в Галиции и Берлине, созданные, соответственно, в 1889, 1894 и 1900 гг. (балканская под руководством жандармов Будзиловича и Тржецяка работала до 1903 г., а берлинская Гартинга – до 1904-го).

В 1884–1902 гг. Заграничной агентурой заведовал П.И. Рачковский, по отзыву современников, «прирожденный сыщик, комбинатор и авантюрист»<sup>58</sup>. Он быстро стал «своим» во французских полицейских и журналистских кругах, помещал в парижской прессе статьи, направленные против российской революционной эмиграции, тайно устраивал провокации.

<sup>57</sup> Библиотека Slavic-Eurasian Research Center (Hokkaido University). Коллекция Б.И. Николаевского. Series 132. Box 203. 203:21 (Русская охранка в Париже (по неизданным документам)).

<sup>58</sup> Цит. по: *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 146.

Это не мешало ему вести светский образ жизни и установить тесное знакомство с руководителями французской разведки, видными политиками, финансовыми деятелями, министрами, обогатиться биржевой игрой. Тогдашний президент Франции Эмиль Лубэ (E. Loubet) столь высоко ценил «полицейский талант» Рачковского, что даже охрану собственной персоны порой предпочитал доверять ему, а не его французским коллегам. Во многом благодаря его «наследству», в годы русско-японской войны русская контрразведка не только беспрепятственно действовала на территории Французской республики, но и деятельно сотрудничала с французской секретной полицией. Особо доверительные отношения России с Францией, в установление которых свою лепту внес и заведующий Заграничной агентурой, облегчали российским агентам возможность сблизиться и продуктивно взаимодействовать с французами и в других странах, в том числе в Японии, Китае и Корее. Среди них были журналисты и миссионеры, военные и гражданские моряки, путешественники и дипломаты, бизнесмены и чиновники.

За помощь в сборе секретной информации и другие деликатные услуги, оказанные России в годы войны, по ее окончании многие из них были награждены русскими орденами – поверенный в делах в Корее, а с 1905 г. 1-й секретарь французского посольства в Петербурге виконт де Фонтенэ (de Fontenay), посланник в Сеуле Коллен де Планси (Collin de Plancy), секретарь французской миссии в Сеуле, а затем вице-консул в Чемульпо Берто (Berteux), командир крейсера «Pascal» капитан 2-го ранга Виктор Сенэс (V. Senes), посланник в Токио Арман (Harmand), военный атташе в Японии барон де Корвизар (Corvisart), морской – лейтенант Мартини (Martini), консулы в Кобе (Ayme Martin), Нагасаки (Goudareau) и Иокогаме (Steenackers и Laroche), группа французских агентов И.Ф. Манасевича-Мануйлова, работавших в Западной Европе, и др. Трудно поверить, но в 1907 г. «за услуги, оказанные России во время минувшей войны» серебряные медали для ношения на груди на Аннинской ленте получили и японцы, канцелярские служащие французской миссии и консульств в Японии<sup>59</sup>.

В годы войны России с Японией другие европейские и азиатские государства официально заявили о своем нейтралитете, а воюющие стороны, в свою очередь, ревниво следили за его соблюдением. Однако нейтралитет нейтралитету рознь, и продуктивное сотрудничество российских официальных и неофициальных представителей с властями Франции, Дании или Голландии разительно отличалось от условий, в которых им приходилось работать в Великобритании, Турции либо в Китае. Независимо от этого, выяснение подлинных масштабов и самого факта деятельности российских спецслужб на территории даже дружественных России стран неминуемо грозило международным скандалом. Создавая в годы войны свои зарубежные резидентуры, российские контрразведчики сознательно использовали в качестве сотрудников преимущественно граждан иностранных государств. Это было вызвано как практическими соображениями – в этом случае отпадала необходимость натурализации агентов, снималась проблема языка и т.д., так и стремлением избежать международных осложнений. Отмечая «выгодность» привлечения французских агентов для слежки за японцами в Западной Европе, один из видных российских контрразведчиков, например, прямо писал, что «в случае обнаружения японцами учрежденной в их миссиях агентуры, ответственность будет нести французское правительство»<sup>60</sup>, а не российское.

Японскую разведку, как и мощь ее вооруженных сил в целом, в первое время недооценивали и другие современники. «Японская полиция и военные учреждения, конечно, имеют свою секретную службу, – писала в разгар войны “New York Times”, – но, конечно, она далеко

<sup>59</sup> В наградных документах указаны только их фамилии. Вот они: Судзуки, Фукуи, Кадзима, Хасегава и Камесима (АВПРИ. Ф. 187 (Посольство в Париже). Оп. 524. Д. 2587. Л. 161).

<sup>60</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (Департамент полиции, Особый отдел (ДП ОО)). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 3. Л. 7—7 об.

не столь вездесуща, как так называемое Третье отделение русской полиции»<sup>61</sup>. Лишь впоследствии обнаружилось, что Токио сумел создать значительно более разветвленную зарубежную разведывательную сеть, чем Петербург. Ее агенты работали в России, Китае, Корее, в Индокитае и Индонезии, в странах Западной Европы, на Балканах и в Малой Азии. Работу японских разведчиков направляли Генеральный штаб, МИД и Морской штаб. Под началом первого действовали японские военные атташе, внешнеполитическое ведомство руководило тайными операциями, которые осуществляли официальные представители Токио в зарубежных странах, отделение военно-морской разведки 3-го управления Морского штаба Японии, действуя в основном через военно-морской атташат, разрабатывало и осуществляло разведывательные и подрывные акции, главным объектом которых были российские военно-морские силы. Важнейшие вопросы докладывались микадо и рассматривались на заседаниях *гэнро* – совета старейших государственных деятелей, ближайших и пожизненных советников императора. Вдобавок, по данным российской контрразведки, в годы войны в Японии действовали межведомственные органы, в задачу которых входило общее руководство и координация разведывательной и пропагандистской работы – Центральный разведывательный департамент и Бюро прессы. Задолго до войны с Россией во многих странах мира и особенно в дальневосточном регионе Япония создала собственные нелегальные резидентуры, а непосредственно перед ее началом и в ходе ее самой широко практиковала разовые разведывательные и диверсионные операции в соседних с театром войны странах, которые, как правило, поручала офицерам своего Генерального штаба. Специальные представители японского правительства в содружестве с дипломатами осуществляли международные акции в пропагандистской сфере.

Методы работы японских разведывательных органов как на собственной территории, так и в зарубежных странах специалисты позднее назвали «массовым», или тотальным шпионажем. Сотрудник английской разведки Рональд Сет утверждал, что японский опыт в этой сфере в 1930-е годы целенаправленно изучали в нацистской Германии (якобы этой теме свою диссертацию посвятил «сам» Рудольф Гесс), и он был там использован<sup>62</sup>. Своеобразным признанием заслуг японской разведки начала XX в. стала легенда о «природной склонности» к шпионству всех японцев вообще – об этом писали и Р. Сет, и многие другие специалисты, в том числе непосредственные участники событий – русские разведчики и дипломаты, зарубежные журналисты<sup>63</sup>. Японская система тотального шпионажа, хотя и опиралась на патриотические чувства своих граждан, но в то же время требовала огромных финансовых средств, которые в десятки раз превосходили аналогичные траты других великих держав, включая Россию. Израсходовав на секретную агентуру 12 млн иен<sup>64</sup> в предвоенные годы, в годы самой войны с Россией Япония ассигновала на эти цели до 10% всего военного бюджета, или 120 млн иен в одном 1904 г.<sup>65</sup>

<sup>61</sup> The New York Times. 1904. May 29. Sunday Supplement. P. 12. Американская газета, конечно же, имела в виду Департамент полиции МВД – Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии к тому времени уже почти четверть века, как было упразднено.

<sup>62</sup> Сет Р. Тайные слуги: повесть о японском шпионаже. М., 1997. С. 109–116.

<sup>63</sup> Военный корреспондент газеты «Frankfurter Zeitung» по этому поводу в 1904 г. писал: «Большим подспорьем и помощью для японцев является их превосходно организованное шпионство. Японцы считают его весьма полезным и похвальным занятием. Японский шпион – это шпион совершенно иного типа, чем европейский. Самые способные офицеры Главного штаба официально командированы для шпионства, а, кроме того, вполне добровольно исполняются шпионские обязанности различными представителями японской интеллигенции. Путешествующий японский купец, посещающий Европу, японский студент в наших университетах, японский слуга в русской семье и бесчисленное количество представителей самых разнообразных кругов и профессий сообщают японским властям все, что они случайно могли узнать или увидеть» (Цит. по: Приамурские ведомости. 1904. 26 сент. (№ 692). С. 3). Об этом качестве японцев см. также: Bennet Berleigh. Empire of the East, or Japan and Russia at War, 1904–5. London, 1905. P. 72–73.

<sup>64</sup> В начале XX в. японская йена была почти равноценна рублю.

<sup>65</sup> Вотинов А. [П]. Указ. соч. С. 4. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. По сведениям Р. Сета, в 1934–1935 гг. японской секретной службе было ассигновано 800 тыс., а спустя 5 лет – 6 млн фунтов стерлингов. Расходы всей Британской империи на аналогичные цели в те же годы составили всего 200 и 250 тыс. фунтов стерлингов, а США – лишь 12,5 и 50 тыс. (Сет Р. Указ. соч. С. 120–121).



Насколько эффективной оказалась эта огромная и весьма дорогостоящая система на рубеже XIX—XX вв. и в годы русско-японской войны, читатель узнает из этой книги.

## Глава I

### В России: охота за «штабс-капитанами Рыбниковыми»

Деятельность японской агентуры в России и соответственно контрмеры с русской стороны начались еще перед войной. Само рождение российской контрразведки как института состоялось 21 января 1903 г., когда Николай II утвердил предложение военного министра генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина о создании Разведочного отделения Главного штаба. «Обнаружение государственных преступлений военного характера, – сообщал в своей записке министр, – до сего времени у нас являлось делом чистой случайности, результатом особой энергии отдельных личностей или стечением счастливых обстоятельств; ввиду сего является возможность предполагать, что большая часть этих преступлений остается нераскрытыми и совокупность их грозит существенной опасностью государству в случае войны»<sup>66</sup>. Как и все появившиеся позднее секретные структуры Департамента полиции, Разведочное отделение военного ведомства создавалось негласно. Это было вызвано как требованиями конспирации (в противном случае, по выражению Куропаткина, «терялся бы главный шанс на успешность его деятельности, именно тайна его существования»), так и стремлением обеспечить его сотрудникам свободу рук в их повседневной работе, которая включала слежку, подкуп, подслушивание, вскрытие частной корреспонденции и другие не вполне законные действия.

Главная задача Разведочного отделения заключалась в «охранении» военной тайны и выявлении лиц, выдающих ее иностранцам, а основным районом деятельности был определен Петербург и его окрестности, поскольку именно здесь, главным образом, функционировали представители зарубежного военного атташата – основной объект его наблюдения. По соглашению с министром внутренних дел и шефом Отдельного корпуса жандармов В.К. фон Плеве, на должность начальника вновь образованной службы был приглашен выпускник Второго Константиновского военного училища 33-летний ротмистр Владимир Николаевич Лавров, с момента поступления в Отдельный корпус жандармов в 1896 г. непрерывно служивший на Кавказе, в последние годы – начальником Тифлисского охранного отделения. В 1903 г. Отделение взяло в «разработку» военных атташе Австро-Венгрии и Германии и нескольких российских подданных, заподозренных в передаче им секретных данных (сведения о них были получены из «заграничных источников»)<sup>67</sup>. С начала сентября этого года объектом особо пристального внимания Отделения стал японский военный агент в Петербурге подполковник Акаси Мотодзиро<sup>68</sup>.

Познакомимся поближе с одним из наших главных героев, который в годы войны выступил фактическим руководителем японской разведывательно-подрывной работы против России в Западной Европе, а затем стал крупным военным и государственным деятелем Японии, известным на родине поэтом и художником. Кадровый офицер, М. Акаси (1864—1919) в 1880-е годы окончил в Токио Военную Академию и Штабной Колледж. В 1889 г., как один из лучших выпускников, он был причислен к Генеральному штабу, который в свою очередь в 1894 г. командировал его на учебу в Германию. Однако первый визит в Западную Европу продлился недолго. С началом японо-китайской войны 1894—1895 гг. Акаси был отозван на родину, где в качестве штабного офицера принял участие в подавлении антияпонского восстания на Формозе (Тайване), а в 1896—1900 гг. в составе группы японских военных инспекторов посетил

---

<sup>66</sup> Цит. по: Лубянка 2: из истории отечественной контрразведки / [рук. авт. кол. Я.Ф. Погоний]. М., 2001. С. 120—121.

<sup>67</sup> Алексеев М. Военная разведка России: от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 105—106.

<sup>68</sup> Там же. С. 125—126. В документах российских спецслужб этот офицер обычно именовался «Акаши».

французский Индокитай, аннексированные США Филиппины, а затем и Китай, охваченный восстанием *ихэтуаней*<sup>69</sup>.

В январе 1901 г. Акаси был назначен японским военным атташе во Франции, но уже осенью 1902 г. сменил место службы, переехав из Парижа в С.-Петербург. Существуют предположения, что своим назначением в Россию Акаси был обязан протекции незадолго перед тем созданного, но весьма влиятельного, хотя и тайного Общества Черного Дракона (*Кокурю-кай*), которое рассматривало великого северного соседа Японии в качестве главного препятствия для распространения влияния островной империи на материковую Азию. Согласно этим данным, свою разведывательную и подрывную работу Акаси выполнял, следуя указаниям не только официального Токио и в частности японского Генерального штаба, но и этого ультра-правого общества, которое также стремилось получать сведения военно-политического характера о России<sup>70</sup>. Связи Акаси с этим обществом носили неофициальный характер и в его опубликованных бумагах никак не отражены.

В начале февраля 1904 г. в связи с началом войны вместе со всем японским дипломатическим представительством Акаси покинул Россию и переехал в Стокгольм, где в течение нескольких месяцев числился военным атташе в Швеции. С назначением на этот пост в июне 1904 г. майора Ц. Нагао он избавился от рутинных обязанностей военного агента и получил свободу рук и передвижения для выполнения разведывательно-подрывной работы против России, которой и посвятил себя всецело, находясь в прямом и непосредственном подчинении своего Генерального штаба. Некоторые изменения претерпел и сам характер его деятельности. Если в первые месяцы своего пребывания в России, по указанию заместителя начальника Генштаба генерала И. Тамура, он в основном собирал информацию о российских вооруженных силах, то с конца 1903 г. и в течение всей войны, находясь уже в Западной Европе, главное внимание стал уделять организации подрывных операций против России, благодаря которым впоследствии и стал знаменит.

На родине результаты этой его миссии были оценены весьма высоко. По окончании войны он был награжден одним из высших японских орденов, а вскоре сделал быструю военную карьеру. Кстати, в той же, что и он, группе награжденных были полковник Утсунomia Таро, в годы войны – военный атташе в Великобритании, и майор (впоследствии генерал) Танака Гиити – до 1902 г. помощник военного атташе в России и будущий военный министр, а затем и премьер-министр Японии. В 1904–1905 гг. оба они активно действовали на разведывательном поприще<sup>71</sup>. В ноябре 1905 г. Акаси вернулся на родину, но пробыл там немногим более месяца. Уже в 1906 г. он продолжил военно-дипломатическую службу в Германии. Однако скомпрометированный публикацией своей тайной переписки с российскими революционерами и общественными деятелями, не оставшейся незамеченной немецкой прессой, менее чем через год был отозван домой. С тех пор в западноевропейские страны он не выезжал, но связей с Западной Европой не оставил, вплоть до 1908 г. продолжая оставаться членом Франко-японского общества в Париже.

В течение семи последующих лет (с 1907 по 1914 г.) Акаси возглавлял полицию и жандармерию Кореи, с конца 1905 г. находившейся под протекторатом Японии. Дипломатический чиновник России в Корее отметил роль генерал-лейтенанта Акаси в розыске и перенесении на родину останков российских солдат, погибших на полуострове в годы русско-японской

<sup>69</sup> Inaba Ch. Akashi's Career // Rakka ryūsui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War / Selected chapters translated by Ch. Inaba; edited by O. Falt, A. Kujala. Helsinki, 1988. P. 17. (Далее – Rr.); Inaba Ч. Японский резидент против Российской империи: полковник Акаси Мотодзиро и его миссия, 1904–1905 гг. М., 2013. Более подробный историографический обзор его деятельности помещен в главе III настоящей книги.

<sup>70</sup> Deacon R. A History of the Japanese Secret Service. London, 1982. P. 47.

<sup>71</sup> В годы самой войны Г. Танака служил в Генштабе, где занимался вопросами стратегического военного планирования, в частности, изучал пропускную способность российских железных дорог на основании данных японской разведки.

войны<sup>72</sup>. Церемония прощания, состоявшаяся в 1913 г. в Сеуле, была обставлена очень торжественно и сопровождалась всеми принятыми в таком случае воинскими почестями<sup>73</sup>. В годы Первой мировой войны Акаси работал заместителем начальника японского Генерального штаба. К этому периоду его жизни относится последнее из известных нам упоминаний о нем в официальных российских бумагах. В августе 1914 г. Акаси стал первым из представителей высшего военного руководства Японии, кто дал официальные заверения России в безопасности и неприкосновенности ее дальневосточных территорий и в готовности своей страны в условиях только что начавшейся мировой войны оказывать ей всестороннюю помощь (спустя год за практическую деятельность в этом направлении несколько высших японских офицеров, включая Акаси и генерала Г. Танака, получили русские ордена)<sup>74</sup>. В 1918—1919 гг. Акаси являлся главнокомандующим японскими войсками на Тайване и одновременно генерал-губернатором острова. Умер он, имея чин полного генерала и баронский титул.

Но вернемся к началу XX в. Несмотря на пристальное внимание русской контрразведки к японскому военному атташе, сведения о первых месяцах его пребывания в России скудны. «Подполковник Акаси, – отмечалось в отчете Разведочного отделения Главного штаба за 1903 г., – работает усердно, собирая сведения, видимо, по мелочам и ничем не пренебрегая: его несколько раз видели забегавшим в английское посольство, расспрашивающим о чем-то на улице шведско-норвежского военного агента ... и наблюдали в сношениях ... с целым рядом различных японцев»<sup>75</sup>. В общем, ничего значительного. Однако в самом конце 1903 г. Разведочное отделение ждала удача – его агенты перехватили письмо на имя японского полковника на русском языке, подписанное неким «И». Наружным наблюдением удалось установить, что автором послания был ротмистр Н.И. Ивков, штаб-офицер при Главном интенданте, который, как оказалось, регулярно навещался на квартиру помощника Акаси капитана Ю. Тано. Как сообщил на следствии сам Ивков, перешедший Акаси «по наследству» от его предшественника, генерала А. Мурата, он передал японцам информацию о маршрутах движения войск из Европейской России на Дальний Восток, расчет времени, необходимого для переброски туда 300-тысячной армии, и другие секретные сведения. 26 февраля 1904 г., т.е. через месяц после начала войны с Японией, Лавров под благовидным предлогом пригласил Ивкова в Охранное отделение и предъявил ему обвинение в шпионаже в пользу иностранного государства. После некоторых колебаний изменник признал себя виновным и вдобавок сообщил, что кроме Акаси покупателями его информации были также германский и австрийский военные агенты<sup>76</sup>. Всего за декабрь 1903 – январь 1904 г. японский военный атташе выплатил Ивкову свыше 2 тыс. рублей, причем намеревался пользоваться его услугами и с началом военных действий<sup>77</sup>. В середине марта, не дожидаясь окончания предварительного следствия, Ивков, находившийся в тюрьме, покончил жизнь самоубийством (по императорскому указу от 11 февраля

<sup>72</sup> По сравнению с основным, маньчжурским, театром войны, боевые действия в Корее были незначительными по количеству участников с обеих сторон. Всего убитыми и ранеными Россия потеряла здесь 2,7 тыс., а Япония – порядка 1 тыс. военнослужащих (см.: *Пак Чон Хё*. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 195–207). Общие же потери убитыми с русской стороны в годы русско-японской войны, по разным данным, составили от 25 до 50 тыс. солдат и офицеров (см.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: стат. исслед. / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 40, 42–43), а с японской – 47–49 тыс. По официальным данным японской военно-медицинской службы, в этой войне Япония по общему счету потеряла 218 429 человек убитыми и ранеными и 221 136 больными. См.: *The Japan Times*. 1905. November 25 (No. 2632). P. 2.

<sup>73</sup> АВПРИ. Ф. 191 (Миссия в Сеуле). Оп. 768. Д. 25. Л. 728–733.

<sup>74</sup> Подробнее об этом см.: *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014.

<sup>75</sup> Отчет об организации и деятельности Разведочного отделения Главного штаба за 1903 г., 11 декабря 1903 г. // Из истории русской контрразведки: сб. док. / сост. И. Никитинский. М., 1946. С. 28–29.

<sup>76</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). 1902. Д. 1111, ч. 5. Л. 1–3 об.; Лубянка 2. С. 126–127; *Алексеев М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 106–107.

<sup>77</sup> Diplomatic Record Office. Meiji 37 nen himitsu hi shiharai meisai (Выплаты из секретных фондов в 1904 г.). Akashi Motojiro Papers. No. 94.

1903 г. за «шпионство в высшей мере» ему все равно грозила смертная казнь). Информация об аресте и «казни» Ивкова попала даже в западноевропейскую печать<sup>78</sup>. Его разоблачение стало первой по-настоящему успешной операцией русской контрразведки.

Вместе с тем, многие японские тайные агенты, направленные в Россию под видом дипломатов или студентов еще до войны, остались контрразведке не известными. Среди них были генерал Фукусима, который еще в 1892—1893 гг. проехал через всю Сибирь<sup>79</sup>, Учида Риохей, в дальнейшем основатель упомянутого Общества Черного Дракона, и будущий японский военный атташе во Франции полковник Мачида, который жил в Петербурге и под предлогом изучения русского языка неоднократно путешествовал по России. Согласно позднейшим сведениям французского Главного штаба, которые передал российский военный агент в Париже полковник М.А. Адабаш, «Мачида чрезвычайно умело и успешно заведывал шпионством в России почти до начала военных действий и его особенно отличили за какую-то выдающуюся заслугу на этом поприще»<sup>80</sup>. Но обо всем этом в Петербурге узнали лишь в 1908 г. Позднее генерал НКВД И. Никитинский, глухо ссылаясь на данные Департамента полиции, утверждал, что к началу русско-японской войны на территории России действовало до пятисот японских секретных агентов<sup>81</sup>.

С февраля 1904 г. Отделение Лаврова взяло в активную «разработку» группу британцев – военного атташе подполковника Напира (H.D. Napier), военно-морского атташе капитана Артура Кальторпа (A. Calthorpe) и его переводчика и одновременно преподавателя английского языка в столичном Политехническом институте Джона Маршала<sup>82</sup>, которые, как выяснилось, занимались сбором секретной информации о русском военно-морском флоте. Наблюдая их связи, 6 мая филеры Отделения неожиданно обнаружили параллельную слежку за одним из их русских информаторов и, поскольку ее явно вели «свои» профессионалы, решили наблюдение на время прекратить. По наведенным справкам выяснилось, что незадолго до этого

<sup>78</sup> См.: The Times. 1904. March 21 (No. 37347). P. 5. Ротмистра Ивкова эта газета именвала “Cavalry Captain Irokoff”.

<sup>79</sup> Летом 1904 г. русские газеты перепечатали материал американского журнала “Independent”, посвященный пребыванию Фукусима в Германии в начале 1890-х годов на маневрах германской армии. В нем, в частности, говорилось: «Крохотного роста, с бегущими раскосыми глазами. ... Фукусима свободно говорил на семи европейских языках и так искусно скрывал это, что все при дворе и в свите императора Вильгельма считали его едва умеющим понимать по-немецки... На своих коллег – иностранных агентов он производил жалкое впечатление. Многие его считали за идиота. Так, по крайней мере, отзывался о нем благодушнейший британский посланник. Присылку такого военного представителя считали даже стыдом для японского правительства. Но Фукусима не дремал и делал свое дело. С 4 ч. утра Фукусима на своей лошадке наблюдал за кавалерийскими атаками, за всеми операциями войск, построениями мостов, артиллерийским примерным боем и все тщательно заносил в свою записную книжечку ... В один прекрасный день маленький Фукусима исчез, и через несколько месяцев о нем услышали, как о путешественнике, проехавшем через всю Сибирь, Монголию и Маньчжурию» (Приамурские ведомости. 1904. 25 июня (№ 652). С. 2. (Перепечатка из «Русского листка»)). В действительности, в Германии майор Фукусима Ясумаса (1852—1919) появился в качестве военного атташе еще в 1887 г. и пробыл там до 1891 г. В феврале 1892 г., находясь в Германии на маневрах, он, по заданию своего Генштаба, тайно отправился в Россию. Посетив Петербург, Москву, Иркутск, Владивосток и преодолев за полтора года путешествия верхом более 14 тыс. км, подполковник Фукусима через Шанхай вернулся на родину и 29 июня 1893 г. был триумфально встречен в Токио. Как утверждает С. Накамура, в бытность его в России в центре внимания Фукусима находилась дислокация русской армии (Накамура С. Японцы и русские. М., 1983).

<sup>80</sup> РГВИА. Ф. 2000 (Главное управление Генштаба (ГУГШ)). Оп. 1. Д. 4132. Л. 1 об. (Секретный рапорт вр. и.д. военного агента в Париже полковника Адабаша в Главное управление Генштаба, 9 февраля 1908 г. № 23).

<sup>81</sup> Никитинский И. Введение // Японский шпионаж в царской России: сб. док. М., 1944. С. 4.

<sup>82</sup> Джон Маршал был довольно любопытной фигурой. Окончив в 1880 г. Кембридж, где он изучал русский язык, для продолжения своих филологических занятий в 1888 г. он приехал в Петербург, где вплоть до описываемых событий находился почти безвыездно. На жизнь Маршал зарабатывал преподаванием английского языка в столичных частных школах, гимназиях и вузах, работая секретарем-переводчиком во многих частных компаниях и выполняя переводы для российских правительственных учреждений и судебных органов. С начала 1900-х годов Маршал стал переводчиком английского военного атташе полковника Бересфорда (Beresford) и военно-морского Пейджета (Paget), а затем и Кальторпа. В декабре 1904 г. через британского посла граф Ламздорф потребовал, чтобы Маршал покинул Россию (переводчика заподозрили в получении секретной информации о России и передаче ее за рубеж), и в январе 1905 г. он оказался вынужден вернуться на родину, убежденный, однако, в полной своей невиновности. См.: Библиотека Slavic-Eurasian Research Center (Hokkaido University). Foreign Office. Russia Correspondence (F.O. R.C.). 65/1720. P. 52—54 (Записка Маршала в Форин офис, Лондон, б/д [не ранее февраля 1905 г.]).

Департамент полиции без ведома военных контрразведчиков учредил собственную «небольшую организацию для наблюдения за морскими военными агентами в видах оказания помощи адмиралу Рожественскому»<sup>83</sup>, к тому времени командующему 2-й Тихоокеанской эскадрой, которая готовилась к отправке на Дальний Восток. Эта-то команда филеров и вела наблюдение за графиней Комаровской, на которую в Департаменте были получены «весьма серьезные сведения». Спустя две недели при похожих обстоятельствах лавровское Отделение к явному неудовольствию его начальника было отстранено от «разработки» Джона Маршала. Таким образом, едва начавшись, контрразведывательные операции чуть было не привели к межведомственному конфликту.

Через месяц, 8 июня 1904 г., Лавров встретился с представителем Департамента полиции. Между ними было достигнуто джентльменское соглашение о разграничении сфер деятельности – впредь Отделение Лаврова должно было заниматься наблюдением за военными агентами иностранных государств, а Департамент полиции – за военно-морскими. Созданная таким образом искусственная ситуация не могла продолжаться долго, и это, вероятно, вполне понимали в обоих заинтересованных ведомствах.

Вскоре Департамент полиции пошел еще дальше. В начале июля 1904 г. распоряжением директора А.А. Лопухина в составе Особого отдела было создано специальное Отделение по розыску о международном шпионстве. Инициатором создания Отделения и его первым руководителем стал чиновник особых поручений при министре внутренних дел титулярный советник И.Ф. Манасевич-Мануйлов, который недавно вернулся из многомесячной командировки в Париж. При содействии французских спецслужб – секретной полиции и «Разведочного бюро» МВД – он наладил получение документов из японской миссии в Париже, включая копии переписки японских дипломатов. «Проживая в Париже, – писал Мануйлов, – я имел возможность получать сведения о шпионских происках в России, и когда вернулся в Петербург, доложил директору Департамента полиции о необходимости организации для борьбы с международным шпионажем, направленным против нашего правительства. Мой проект был одобрен министром внутренних дел, и мне было поручено организовать особое отделение при Департаменте»<sup>84</sup>. В соответствии с его названием, мануйловское Отделение интересовали не только японцы, но вообще все иностранцы, проживавшие в Петербурге, чье поведение и связи вызывали подозрения. Одной из его главных задач стало добывание дипломатических шифров, а также перехват и расшифровка переписки представительств иностранных государств в России со своими правительствами.

Кроме самого Мануйлова в состав нового Отделения вошел отряд агентов наружного наблюдения, почерковед и фотограф, чиновник Департамента полиции коллежский советник Н.П. Зверев, видный специалист по криптографии и дешифровке В.И. Кривош-Неманич (его услугами также пользовались Военное министерство и МИД)<sup>85</sup>, переводчики А.А. Вилодаки, профессор Петербургского университета по кафедре китайского языка П.С. Попов (ранее многолетний драгоман российской миссии в Пекине), преподаватель японского языка того же университета Куроно Иосибуми<sup>86</sup>, а также нанятая Мануйловым «внутренняя агентура» –

<sup>83</sup> Цит. по: Лубянка 2. С. 128.

<sup>84</sup> Цит. по: Там же. С. 131.

<sup>85</sup> Этот 43-летний словак был не только талантливым криптографом и стенографом, но и полиглотом – он свободно владел всеми основными европейскими и азиатскими языками, включая китайский и японский. В 1924 г., будучи уже преклонных лет, но, по-прежнему работая переводчиком во внешнеполитическом ведомстве (конечно, советском – НКВД), он как «контрреволюционер» и «шпион» в административном порядке получил 10-летний срок и умер в Соловецком концлагере. Однако и на Соловках, где, к слову сказать, он занимался метеорологическими наблюдениями, его, по свидетельству очевидца, «глубоко уважали главным образом за то, что он бегло разговаривал практически на всех языках мира». См.: *Мальсагов С.А.* Адские острова: советская тюрьма на Дальнем Севере. Алма-Ата, 1990. С. 51.

<sup>86</sup> И. Куроно, к началу войны проживший в России уже около 20 лет, подготовил и опубликовал «Военный русско-японский толмач», вышедший на четвертый месяц войны с Японией. Сделан этот словарь был не вполне удачно (например, слово



в основном из обслуживающего персонала зарубежных посольств в Петербурге. Заместителем Мануйлова был назначен 34-летний выпускник Третьего Александровского военного училища, бывший артиллерист, а с 1904 г. жандармский ротмистр М.С. Комиссаров, владевший несколькими иностранными языками.

Отделение по розыску о международном шпионстве не имело установленного штатного расписания и каких-либо письменных инструкций и было не только совершенно секретным, но и временным образованием. С середины марта 1905 г. оно стало именоваться IV (секретным) Отделением дипломатической агентуры Особого отдела Департамента полиции с А.М. Гартингом во главе. С отъездом последнего в Париж в связи с назначением на должность заведующего Заграничной агентурой Департамента с сентября 1905 г. руководство Отделением перешло к Комиссарову. Начальник Отделения жил в Петербурге фактически на нелегальном положении, встречаясь со своей секретной агентурой на конспиративной квартире и выдавая себя за иностранца. Потому служащие зарубежных посольств, работавшие на него, не догадывались, что имеют дело с российским чиновником. К нему на квартиру они доставляли посольские бумаги, включая и дипломатические шифры, которые тут же по ночам Зверев копировал от руки или с помощью фотоаппарата. Пользуясь ими, дешифровщики и переводчики Отделения, которые работали на телеграфе, знакомились с содержанием секретной иностранной дипломатической корреспонденции. За все время своего существования Отделением было добыто 12 дипломатических шифров (включая американский, бельгийский и др.), а его расходы выросли с 23 тыс. рублей в 1904 г. до почти 28,5 тыс. рублей в 1906 г.<sup>87</sup> Когда летом 1906 г. за границу проникли слухи о существовании этого спецподразделения Департамента полиции, оно было срочно упразднено, причем была уничтожена и большая часть его секретного архива.

Мануйловское Отделение быстро развернуло работу, и в июле – августе 1904 г. им было установлено наблюдение и контроль за перепиской шведско-норвежского морского атташе Г.Ф. Краака, шведского военного агента барона К.-Г. Лейонхювуда, его итальянского коллеги графа П.П. Руджери, ряда американцев и англичан<sup>88</sup>. Результаты не заставили себя ждать. Филерское наблюдение за Крааком, например, обнаружило его частые встречи с американцем Х. Бергом, который по заданию российского Морского министерства заведовал постройкой подводной лодки на Балтийском судостроительном заводе. Перлюстрация же донесений в Стокгольм шведского морского агента показала, что ему известны некоторые секретные сведения, источником которых являлся все тот же Берг. В результате правительство отказалось от услуг американца, которому не помогли и его доверительные отношения с великим князем Александром Михайловичем, начальником Главного управления портов и торгового мореплавания<sup>89</sup>. Позднее Берг был перевербован, и отношения с ним морского ведомства возобновились<sup>90</sup>.

«теленки» было переведено в нем, как «быкин сын», «вал» – как «плотина», «кондуктор» – как «проводник» и т.д.), на что ему тогда же и указали рецензенты. Офицер же НКВД А.П. Вотинов усмотрел в этих ошибках «самое гнусное вредительство» и объявил Куроно агентом японской разведки (*Вотинов А. [П.] Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг.* М., 1939. С. 16). Думается, что на этот раз классовое чутье подвело чекиста. Впрочем, для Вотинова и А.М. Стессель – не только «бандит в генеральском чине», но и «японский шпион и провокатор» (Там же. С. 59). Комбриг Н.А. Левицкий, недолго думая, в этот же разряд зачислил Азефа и даже Гапона (*Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг.* Сокр. изд. М., 1938. С. 24). Такова «специфика» оценок отечественных авторов 1930-х годов. Летом 1904 г. Главный штаб издал в Петербурге новый «Военный русско-японский толмач и краткий систематический словарь», составленный В.П. Панаевым. Тогда же появился и первый самоучитель японского языка, опубликованный при содействии морского ведомства и Министерства финансов.

<sup>87</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП 3 д-во). 1895. Д. 1579 (Сметы денежных сумм на секретные расходы, 1895–1907 гг.); 1904. Д. 3654, т. 1.

<sup>88</sup> Там же. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 17. Л. 11, 13 об.

<sup>89</sup> Там же. Л. 58–58 об., 68.

<sup>90</sup> Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 1. Д. 3128. Л. 12.

Естественно, что все эти агентурные «разработки» быстро привели мануйловскую службу в соприкосновение с Разведочным отделением ротмистра Лаврова. 12 августа состоялась встреча этих контрразведчиков в здании Департамента полиции на Фонтанке, 16. «Господин Мануйлов, – пересказывал содержание состоявшегося здесь разговора Лавров, – объяснил, что ему поручено преобразовать организацию Департамента полиции по разведке шпионства на широких началах ... что они имеют уже свою местную и заграничную агентуру и что для заведывания этой организацией назначен особый жандармский обер-офицер». Поскольку, по словам Мануйлова, объединение его службы с Отделением Лаврова было лишь делом времени, в заключение он предложил ему «частным образом» «присоединить свое Отделение к их организации»<sup>91</sup>. Лавров это предложение отклонил, но уже в течение полутора следующих месяцев оказался вынужден окончательно свернуть «внутреннее» наблюдение за англичанином Маршалом и передать обоих своих агентов по этому делу Мануйлову.

В общем, военным контрразведчикам оказалось не под силу тягаться с коллегами из Департамента полиции, да и сложившееся дублирование их функций отнюдь не способствовало успеху дела. Вероятно, по договоренности Департамента полиции с Главным штабом, с осени 1904 г. деятельность Разведочного отделения замерла и возобновилась лишь летом 1906 г., вслед за упразднением Секретного отделения Департамента полиции. За успехи в борьбе с иностранным шпионажем в декабре 1908 г. Лавров был произведен в полковники. В 1910 г. он передал руководство военной контрразведкой подполковнику Отдельного корпуса жандармов В.А. Ерандакову. В межвоенные годы, проживая как «частное лицо» на юге Франции, он руководил агентурной сетью, занятой разведкой Германии. В отставку Лавров вышел в 1914 г. в чине генерал-майора.

Между тем, контрразведчики Департамента полиции активно занялись добыванием кодов иностранных представительств в Петербурге. Уже во второй половине августа 1904 г. Мануйлов представил своему начальству добытый «агентурным путем» шифр американского посольства, а в начале сентября – китайский, шведский и часть японского дипломатического шифра (последний, вероятно, был получен от французских спецслужб)<sup>92</sup>. В октябре 1904 г. в дополнение к ним было добыто четыре китайских кода, а также фотокопия книги донесений китайского посольства. В результате появилась возможность контролировать всю переписку этой миссии. Если же учесть, что через Петербург шли депеши МИД Китая к его представителям в странах Западной Европы, можно утверждать, что перехватывалась и большая часть корреспонденции китайского внешнеполитического ведомства, отправлявшаяся за рубеж. Еще раньше русское правительство получило в свое распоряжение шифр английского представительства, о чем посол Великобритании в России сэр Чарльз Хардинг (Ch. Hardinge) был приватно извещен неким российским политиком в начале июня 1904 г.<sup>93</sup> В результате, к октябрю 1904 г. в российском МИДе было расшифровано свыше 800 секретных депеш британских дипломатов, или вдвое больше, чем в течение всего 1901 г.<sup>94</sup>

Благодаря сохранившимся у Мануйлова особо доверительным отношениям с французскими коллегами, ему продолжала поступать весьма ценная информация из Парижа. «По полученным мною от начальника французского Разведочного бюро сведениям, – докладывал он директору Департамента полиции 19 августа 1904 г., – японское правительство наняло на свою

<sup>91</sup> Цит. по: Лубянка 2. С. 130.

<sup>92</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 17. Л. 105—105 об.; Д. 1, ч. 3. Л. 14; Д. 7. Л. 1.

<sup>93</sup> *Andrew Ch., Neilson K. Tsarist Codebreakers and British Codes // Intelligence and National Security. 1986. Vol. 1, no.1. P. 6—12.*

<sup>94</sup> Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802—2002: в 3 т. / под ред. И.С. Иванова. Т. 1: 860—1917 гг. М., 2002. С. 506. В ноябре 1904 г. Хардинг секретно сообщил в Лондон о «попытке посторонних лиц получить доступ к документам посольства его величества» и в этой связи просил выделить дополнительные средства на обеспечение безопасности здания и усиление его охраны (см.: F.O. R.C. 65/1724. P. 147—148 (Сов. секретная депеша Хардинга в Форин офис. Петербург, 18 ноября 1904 г.)). Нельзя исключать, что эта попытка явилась делом рук российской контрразведки.

службу бывшего агента означенного Бюро Ляжу с жалованьем в 3000 франков в месяц для учреждения непосредственной агентуры при российских миссиях в Европе, причем, по тем же сведениям, названному Ляжу удалось уже заручиться в некоторых миссиях содействием прислуги. Докладывая об изложенном Вашему превосходительству и имея в виду, что последствием этого явится оглашение конфиденциальных сведений, могущее принести вред российскому правительству, мне казалось бы крайне необходимым поставить об этом в известность Министерство иностранных дел»<sup>95</sup>.

Отставной унтер-офицер французской армии Лажу (Ляжу) был фигурой весьма колоритной и хорошо известной французским спецслужбам. Еще в 1891 г., будучи завербован в Брюсселе германской разведкой, он тут же предложил свои услуги французскому Генеральному штабу, от которого стал получать и передавать в Берлин «секретные» сведения о состоянии вооруженных сил Франции. К середине 1890-х годов, однако, Лажу перестали доверять обе стороны, из французской разведки он был уволен и за казенный счет сослан в Бразилию<sup>96</sup>. С началом русско-японской войны он вернулся в Западную Европу, где и поступил на японскую службу. Получив донесение Мануйлова, директор Департамента полиции Лопухин предписал немедленно передать информацию, полученную от французов, министру иностранных дел графу Ламздорфу, а тот, в свою очередь, предостерег российских дипломатов в западноевропейских столицах. Таким образом, последующие усилия японцев по вербовке агентов в российских миссиях оказались в значительной степени парализованы. Ни японские, ни российские источники, известные нам, не содержат каких-либо сведений о деятельности в годы русско-японской войны японских агентов в официальных российских представительствах за рубежом. В японских же миссиях в Европе российских тайных информаторов работало множество.

Если секретные спецподразделения Департамента полиции и Военного министерства действовали в центре, то на местах контрразведывательные операции проводили местные органы Департамента – Охранные отделения, а также Губернские жандармские управления (ГЖУ), подчиненные Департаменту в оперативном отношении. В первые месяцы войны они работали довольно рутинно и вяло, а их методы не отличались разнообразием. По большей части их деятельность заключалась в отслеживании и выяснении образа жизни и круга знакомств лиц так называемой «монгольской расы» – японцев, китайцев и корейцев. Характерно, что одним из основных источников информации в этом деле являлись сообщения патристически настроенных граждан, нередко анонимные, или низших полицейских чинов. В феврале 1904 г., основываясь на одном из таких сообщений, директор Департамента полиции распорядился «собрать сведения обо всех японцах, в Петербурге и Петербургской губернии проживающих, и об их занятиях», что и было исполнено. «Разработка» этих сведений, однако, редко приносила ощутимые плоды и, как правило, заканчивалась безрезультатными обысками подозреваемых в военном шпионаже. Тем не менее, уже в первые месяцы войны в распоряжении властей имелись списки большинства японцев, по тем или иным причинам находившихся на русской территории. За многими из них, а в Петербурге с февраля 1904 г. – за всеми было установлено негласное наблюдение. В начале февраля 1904 г. газеты сообщили о принудительном отъезде в Константинополь труппы японских акробатов, гастролировавшей в Крыму, в апреле – об аресте на железнодорожной станции Грязовец близ Вологды двух японцев, у которых были обнаружены карта Архангельска и непонятно для чего им понадобившийся план Соловецкого монастыря<sup>97</sup>, и т.д.

<sup>95</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 2—2 об.

<sup>96</sup> Роуан Р. Очерки секретной службы. Из истории разведки / сокр. пер. с англ. С. Займовского. М., 1946. С. 203—206.

<sup>97</sup> Новое время. 1904. 10 (23) февр. (№ 10034). С. 2; The Times. 1904. April 23 (No. 37376). P. 7.

Куратором розыскной работы по подозрению в «военном шпионстве» на территории Европейской России в первое время являлся помощник начальника столичного Охранного отделения жандармский ротмистр В.Ф. Модль, который действовал под непосредственным руководством директора Департамента полиции. Именно силами «общей» полиции в Петербурге были выслежены и в августе 1904 г. арестованы японцы Сиратори и М. Токаки, бывшие приказчики чайного магазина «Васильев и Дементьев» на Невском проспекте.

«Обхаживать» этот знаменитый своим экзотическим оформлением магазин японцы начали задолго до войны и делали это с разумной постепенностью. Еще в январе 1901 г. в качестве подручного приказчика на работу сюда был принят некто Хори-сан, а в декабре 1901 г. еще один японец – Миура Кензабуро. К осени 1902 г. оба они бросили чайную торговлю (Хори уехал в Москву, а Миура перешел на службу в японское посольство), но их место по их же рекомендации заняли их соотечественники – бывший морской офицер М. Токаки и его коллега Сиратори, философ по образованию. Обосновавшись в Петербурге, новые японские приказчики энергично занялись изучением русского языка, часто посещали японское, китайское, английское и американское посольства и завели знакомства в русских военных и морских кругах. В 1903 г. Сиратори даже женился на русской, для чего перешел в православие. С началом войны оба японца были уволены из магазина и за ними было установлено негласное наблюдение. Выяснилось, что они состояли в деятельной переписке с Гамбургом и Берлином, причем свои письма туда отправляли дипломатической почтой (через американское консульство), вкладывая внутрь конверты, адресованные в Токио. Обо всем этом пристав Чеважевский доложил ротмистру Модлю, и петербургское Охранное отделение санкционировало обыск в квартире японцев. Обыск был произведен в ночь на 8 августа 1904 г., накануне отъезда Токаки в Германию, в присутствии Модля, Мануйлова и его помощника Комиссарова. Результаты обыска вполне подтвердили подозрения в отношении занятий обоих японцев шпионской деятельностью – у них были найдены чертежи и рисунки мин, минных заграждений и разного рода кораблей, морская карта с нанесенными на нее маршрутами следования судов, а также заметки о состоянии русской армии; была обнаружена и значительная переписка на японском языке, причем неизвестный корреспондент бывших приказчиков настойчиво требовал от них соблюдения особой осторожности. Оба японца были арестованы, а 9 августа за решетку была отправлена и жена Сиратори – Елена Павловна (урожденная Никулова), дочь полковника<sup>98</sup>. Всем арестованным было предъявлено обвинение по статье 1035 Устава уголовного судопроизводства – военный шпионаж.

На Дальнем Востоке аресты японских агентов начались еще раньше – в конце 1890-х годов. Не прошло и полугода после вступления России на Квантунский полуостров, как в августе того же 1898 г. в Порт-Артуре был арестован японский «коммерсант» Хара Фуну, застигнутый за черчением крок крепости с нанесением батарей и расположения орудий<sup>99</sup>. В дальнейшем японский шпионаж принял на Дальнем Востоке особенно широкие размеры. До начала войны, свидетельствовал здешний российский военный следователь, японцы имели своих тайных агентов «во всех более или менее важных пунктах намеченного ими театра войны ... благодаря чему они были прекрасно осведомлены о действительном положении дел». В Уссурийском крае и Маньчжурии такими агентами являлись «по преимуществу японцы в виде торговцев, парикмахеров, содержателей гостиниц, меблированных комнат, публичных домов и т.п. учреждений». По сведениям “New York Times”, накануне войны в Порт-Артуре на японскую разведку работали и французские танцовщицы, которые «пленили сердца всех тамошних

<sup>98</sup> Донесение пристава 1-го участка Спасской части г. С.-Петербурга капитана Чеважевского Петербургскому градоначальнику от 12 августа 1904 г. и отношение директора Департамента полиции начальнику Петербургского ГЖУ // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 46—50.

<sup>99</sup> Письмо военного министра А.Н. Куропаткина министру юстиции Н.В. Муравьеву от 25 августа 1898 г. // Там же. С. 35—36.

русских офицеров»<sup>100</sup>. «Противник, – заключал русский военный следователь, – прекрасно был осведомлен как о состоянии наших войск, так и о внутреннем положении России»<sup>101</sup>. Другой очевидец, жандармский ротмистр Михайлов, служивший во Владивостоке, писал о «чрезвычайно искусно функционирующей сети японского шпионажа, очень правильно поставленной, охватывающей весь Дальний Восток и правильно организованной с большими затратами еще в мирное время. Тут было все – и тщательная подготовка еще задолго до войны переодетыми офицерами Генерального штаба, не брезговавшими содержать публичные дома, заниматься ремеслами и исполнять лакейские и поварские обязанности у высшего русского начальства ... кого тут только не было – и фельдшера, и китайские фокусники, и знахари, и купцы, и бродячие музыканты»<sup>102</sup>.

Но все это русские контрразведчики вполне осознали уже после подписания мира с Японией, а то, что им удалось обнаружить и обезвредить на Дальнем Востоке накануне или в ходе самой войны, было каплей в море. В начале июля 1902 г. на станции Черкасская Южно-Уссурийского округа были арестованы японцы К. Сивоко, З. Сузуки и М. Сивоя, которые выдавали себя за бродячих торговцев лекарствами. При обыске у них были найдены карты, зашифрованные записные книжки, счета японского пароходного общества «Ниппон Юсен Кайся» и переписка с Генеральным штабом в Токио. Выяснилось, что эти «торговцы», путешествуя по Приморской области и Маньчжурии, собирали сведения о составе и количестве русских войск, их дислокации и вооружении, заносили в записные книжки подробные описания дорог, фиксировали расстояния между населенными пунктами, номера телеграфных столбов, отмечали на карте военные посты, глубину и ширину рек и ручьев, встречавшихся по пути, броды, мосты, перевалы и горы, записывали число жителей в пройденных селениях, количество в них лошадей, рогатого скота, запасов топлива и даже сена. В октябре 1902 г. после нескольких месяцев тюремного заключения эти «негоцианты» были высланы из России в административном порядке<sup>103</sup>. В сентябре следующего, 1903 г. другая, но примерно таким же образом экипированная троица японских «торговцев» была задержана на станции Хайчон близ Порт-Артура<sup>104</sup>. Судя по сохранившимся письмам героя обороны Порт-Артура генерала Р.И. Кондратенко, в самой крепости успешно действовали японские тайные агенты, которых крепостная полиция оказалась не в силах нейтрализовать. «Мне удалось организовать разведку чрез китайцев, – писал Кондратенко в середине марта 1904 г., – и сегодня арестовали в самом порту корейцев по паспортам, но, в действительности, по всем признакам – японцев. Неудивительно, что японцы так хорошо осведомлены, где мы ставим минные заграждения, какие принимаем меры обороны и проч.»<sup>105</sup>.

На протяжении войны и русская, и зарубежная печать неоднократно сообщали об арестах и казнях японских лазутчиков и диверсантов, уличенных в сборе в Маньчжурии разведывательных сведений о русской армии или в попытках совершить диверсию или террористический акт. В ответ японская печать отговаривалась либо полным неведением, либо указаниями на то, что казненные были невинными «путешественниками», «негоциантами» или «студентами», изучающими русский язык. В конце февраля 1904 г. по приговору военно-полевого

<sup>100</sup> The New York Times. 1904. May 29. Sunday Supplement. P. 12.

<sup>101</sup> Доклад военного следователя 3-й Маньчжурской армии об организации японского шпионажа, 15 сентября 1905 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 16, 23.

<sup>102</sup> Совершенно секретная записка ротмистра Михайлова о японском шпионаже во Владивостоке, 28 июля 1906 г. // Там же. С. 24.

<sup>103</sup> Заключение по делу японских подданных Коноске Сивоко, Зуюзи Сузуки и Магосичи Сивоя, обвиняемых в шпионаже, 28 октября 1902 г. // Там же. С. 38–40.

<sup>104</sup> Там же. С. 40.

<sup>105</sup> Кондратенко Р.И. Из порт-артурских писем генерала Р.И. Кондратенко // Приамурские ведомости. 1905. 26 июня (№ 808). С. 2 (Письмо от 18 марта 1904 г.).

суда были повешены офицеры японского Генштаба полковник Ассаи, морской лейтенант Зуки Ашча и лейтенант Каурата – прямо у кульверта моста через реку Сунгари, который они, переодетые китайскими грузчиками-*кули*, готовились подорвать<sup>106</sup>. Тогда же, благодаря анонимному доносу, властям удалось предотвратить уничтожение доков владивостокского порта – по сообщению берлинской газеты «Post», этот взрыв готовили судовые рабочие-японцы, остававшиеся в городе<sup>107</sup>, несмотря на военное положение, объявленное в восточных районах страны.

В конце января 1904 г. военный губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант И.П. Надаров приказал учредить за всеми японцами, проживавшими здесь, «строгий надзор». Необходимость этой меры, которая получила одобрение императорского наместника на Дальнем Востоке, лицемерно мотивировалась «ограждением остающихся на жительстве в Забайкальской области японских подданных от всяких случайностей» под «покровительством властей»<sup>108</sup>. 20 февраля пришло сообщение из Благовещенска: «Здесь японцы спешно распродают свои пожитки. Им велено всем выезжать к Иркутску; крайним сроком для выезда назначено 25 февраля»<sup>109</sup>. Еще в начале февраля 1904 г. в Иркутске в доме японца-фотографа Саку было найдено несколько сот негативов снимков мостов, переправ рек, вокзалов и других построек Сибирской железной дороги, а также городов Мариинска, Красноярска, Томска и Иркутска с указанием на обороте численности населения в каждом из них, характеристикой промышленности и т.д. Вслед за тем, по распоряжению Иркутского военного генерал-губернатора, все японцы были высланы из города<sup>110</sup>, а по настоянию директора Департамента полиции, японским подданным было запрещено жить по всей линии Сибирской железной дороги.

Однако надзор, установленный за этой железной дорогой, далеко не всегда был эффективным. В сентябре 1904 г. Департаменту полиции стало известно, что «японским правительством был командирован в Россию для осмотра железных дорог агент, которому удалось подробно осмотреть Сибирскую железную дорогу вплоть до Байкала»<sup>111</sup>. Имя этого агента так и осталось нераскрытым, и, по свидетельству очевидца, японцы продолжали более или менее свободно наблюдать за переброской войск «на многих станциях Сибирской железной дороги»<sup>112</sup>. В марте 1904 г., по просьбе японского посланника в США, американский госсекретарь Джон Хэй (J. Hay) поручил послу в Петербурге Маккормику (R. McCormick) похлопотать перед российскими властями об облегчении возвращения на родину 40 тысячам японцам, проживавшим в Сибири<sup>113</sup>.

На юге России контрразведчикам удалось выйти на след бывшего японского консула в Одессе Ижима Каметаро. Если верить газете «Одесские новости», которая в свою очередь ссылалась на лицо, «близко стоявшее к японскому консульству в Одессе», еще до начала русско-японской войны Ижима имел тайных информаторов в Турции, Персии, Сербии, Болгарии и на Кавказе и вообще демонстрировал повышенный интерес к политике России на Балка-

<sup>106</sup> The Times. 1904. February 24 (No. 37325). P. 7.

<sup>107</sup> Новое время. 1904. 28 февр. (12 марта) (№ 10052). С. 4.

<sup>108</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 17. Л. 1.

<sup>109</sup> Новое время. 1904. 21 февр. (5 марта) (№ 10045). С. 2.

<sup>110</sup> Совершенно секретное донесение жандармского ротмистра Гаврилова директору Департамента полиции, 10 февраля 1904 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 40–41.

<sup>111</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 145.

<sup>112</sup> Японский шпионаж в царской России. С. 19.

<sup>113</sup> Новое время. 1904. 9 (22) марта (№ 10062). С. 2. Очевидно, в это газетное сообщение вкралась опечатка. И по русским (япониста П.Г. Васкевича), и по японским данным (торгового агента во Владивостоке Т. Каваками), на январь 1904 г. по всей Сибири проживало менее 6,5 тыс. японцев (6480 чел.), из которых 4207 были вывезены на родину уже в первых числах февраля 1904 г. на британском и немецком фрегатах. Из оставшихся двух с лишним тысяч переселенцев более 800 (в основном проститутки) в декабре 1904 г. на родину через Германию доставил буддийский миссионер во Владивостоке Ота Какумин. Подробнее об этом см.: *Мацумото Икуко*. Ота Какумин (1866–1944), настоятель буддийского храма во Владивостоке: взгляд на Россию, СССР и Японию // Русский сборник: исследования по истории России. Т. V. М., 2008. С. 217, 222–224; *Хохлов А.Н.* Положение японцев на русском Дальнем Востоке, 1904–1905 гг. // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 78–87.



нах<sup>114</sup>. С началом войны по распоряжению министра Дз. Комура вместе с другими сотрудниками консульства он покинул Россию и перебрался в Вену, где, по данным Департамента полиции, возглавил один из центров японской «разведочной службы» с агентурой в Харькове, Львове и Одессе<sup>115</sup>. Несмотря на предпринятые усилия, поиски агентов бывшего консула в Харькове и Львове успехом не увенчались, зато одного из его одесских информаторов, японца То-гаси Киичи, обезвредить удалось, что также следует занести в актив российской контрразведки. На след Тогаси, слуги Ижима, который официально оставался в Одессе для присмотра за имуществом консульства, Департамент полиции вывело одно из его донесений в Вену, перехваченное почтовой цензурой в мае 1904 г. В результате последующего «особого бдительного» наблюдения за Тогаси и его корреспонденцией в июне – июле было задержано еще четыре его донесения со сведениями о мобилизации и передвижениях русских войск, а также о подготовке японцами «злоумышлений» на Балтийском и Черноморском морях<sup>116</sup>. 31 июля 1904 г. Тогаси был арестован и, несмотря на попытку заступничества со стороны американского консула, выдворен из России.

Другие агенты Ижима на юге России – британский журналист Маккена (McKenna) и некий французский профессор, постоянно живший в Одессе, завербованные им незадолго до начала войны, – до 1905 г. оставались русской контрразведке не известны. По свидетельству историка Ч. Инаба, в эти годы они передали японцам много ценной информации о русском Черноморском флоте, а также о кораблях Добровольного флота, включенных в состав 2-й Тихоокеанской эскадры<sup>117</sup>. На протяжении всей войны Департамент полиции оставался в полном неведении и относительно других, действовавших в России секретных сотрудников японских дипломатов, которые работали в Западной Европе (на сведения одного из таких тайных информаторов летом 1904 г. в своей переписке ссылался посол Японии в Париже Мотоно<sup>118</sup>).

Интересны обстоятельства, при которых в Донской области был обезврежен австрийский авантюрист Т.В. фон-Подоски, еще в 1890-е годы предлагавший себя в «сотрудники» русским, австрийским, а позднее – германским и японским разведывательным органам. 27 сентября 1904 г. Главный штаб сообщил в Департамент полиции о том, что в Вене появился некто из Таганрога, передавший японскому посланнику Макино сведения о мобилизации 4-й Донской казачьей дивизии, которые в копии и прилагались<sup>119</sup>. Но не прошло и недели, как на Фонтанке было получено донесение начальника Донского областного жандармского управления по Таганрогскому округу, в котором было указано имя и подробности «разработки» этого загадочного шпиона, слежка за которым, как оказалось, велась уже с июля этого года. В результате через подставных лиц Подоски получил от российских контрразведчиков и отвез в Вену документы, которые действительно касались казачьей мобилизации, но были подготовлены окружным воинским начальником и никаких настоящих секретов, понятно, не содержали<sup>120</sup>. За тем же, что и Подоски, занятим в Екатеринославе были задержаны два других австрийца, которые и действовали по похожей схеме – от подкупленных писарей здешнего воинского

<sup>114</sup> Одесские новости. 1904. 27 апр.

<sup>115</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 193–193 об.

<sup>116</sup> Там же. Д. 15. Л. 1, 21, 22, 25, 187–187 об. (Переводы на русский язык писем К. Тогаси в Вену).

<sup>117</sup> Inaba Ch. The Question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War: The Struggle between Japan and Russia over the Passage of the Russian Volunteer Fleet in 1904 // *The Rising Sun and the Turkish Crescent: New Perspectives on the History of Japanese Turkish Relations* / S. Esenbel, Ch. Inaba (Eds.). Istanbul, 2003. P. 127.

<sup>118</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (I). Д. 1, ч. 3. Л. 70–70 об.

<sup>119</sup> Там же. Оп. 316. 1904 (II). Д. 15. Л. 119. Источник своих сведений Главный штаб при этом не сообщил. Скорее всего, его информатором явился полковник Альфред Редль, начальник отдела шпионажа и контршпионажа австрийского Генштаба, который с 1902 г. передавал секретные сведения России. В 1912 г. Редль продал российскому военному атташе полковнику Марченко мобилизационное расписание своей армии, вскоре был разоблачен и покончил жизнь самоубийством. См.: *Роуан Р.* Указ. соч. С. 224–235; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969. С. 237–238.

<sup>120</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 210. Л. 43–43 об., 50–53, 57–61 об., 78–81, 101–102 об.

начальника они получали сведения о ходе мобилизации, которые через Австрию пересылали в Японию.

В целом, несмотря на ряд частных успехов, борьбу с японской секретной агентурой на своей территории российская контрразведка очевидно проиграла – главным образом, в силу далеко неравных «стартовых» условий. Разведывательная сеть, которая была создана Японией в России в предвоенные годы, раскрыта и обезврежена ею не была. «Уже после объявления войны между Россией и Японией, – признавала близкая к правительственным кругам и весьма осведомленная газета “Новое время”, – обнаружилось, что эта последняя организовала целую систему шпионства, чрезвычайно тонко задуманного и искусно выполненного. Японские шпионы по единогласным отзывам являются образцовыми»<sup>121</sup>. Своеобразным отражением этих страхов явился образ японского шпиона, всепроникающего и внушающего ужас своей железной волей, дерзостью и целеустремленностью, который сложился в общественном сознании и психологически точно выведен А.И. Куприным в его тогда же написанном знаменитом рассказе «Штабс-капитан Рыбников»: у этого, внешне почти карикатурного «маленького, черномазого, странно болтливого, растрепанного и не особенно трезвого» человечка в русском общевойсковом офицерском мундире, бродящего по петербургским военным канцеляриям, герой Куприна умеет рассмотреть «злое, насмешливое, умное, пожалуй, даже высокомерное» выражение лица, «принадлежащее существу с другой планеты»<sup>122</sup>.

Лишь к середине лета 1904 г. российская контрразведка освоилась с новыми условиями, вызванными войной, и, пытаясь перехватить инициативу у японцев, начала работать с упреждением. В результате приостановки деятельности Разведочного отделения Главного штаба был положен конец в дублировании его функций с контрразведкой политической полиции. Наметилась тенденция к превращению Департамента полиции в орган, координирующий всю контрразведывательную работу в империи и за границей. С середины 1904 г. центр тяжести контрразведывательных операций переместился за пределы России, началась эпоха крупномасштабных акций и длительных командировок контрразведчиков за рубеж. С этого времени направление и ход этих операций становятся во все большую зависимость от военных событий на Дальнем Востоке.

---

<sup>121</sup> Новое время. 1904. 4 (17) марта (№ 10057). С. 3.

<sup>122</sup> Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1958. С. 6, 12.

## Глава II

### В Западной Европе, Малой Азии, Африке и Индокитае: охрана 2-й Тихоокеанской эскадры

На рубеже XIX—XX вв. Россия оставалась одной из великих военно-морских держав и по общему числу своих боевых кораблей уступала лишь «владычице морей» Англии и Франции. Накануне войны с Японией примерно треть из них находилась на Дальнем Востоке и составляла Тихоокеанскую эскадру. Под началом ее командующего вице-адмирала О.В. Старка состояло 7 броненосцев водоизмещением 12 674—13 000 т, 10 крейсеров 1-го и 2-го рангов, 2 минных крейсера, 7 мореходных канонерских лодок и 25 миноносцев. Основные силы эскадры базировались в Порт-Артуре, но некоторые (крейсер «Варяг» и несколько канонерских лодок, в том числе «Манджур» и «Кореец») стояли в иностранных портах. Помимо этого во Владивостоке базировался отдельный отряд контр-адмирала К.П. Иессена в составе 5 крейсеров (один вспомогательный) и 10 миноносцев<sup>123</sup>. 20-ти крупнотоннажным русским боевым судам на Дальнем Востоке противостояло 21 японское при соотношении в водоизмещении как 190 тысяч т у России к 260 тысячам у Японии. Последняя имела здесь 6 броненосцев водоизмещением 12 500—15 200 т, 15 броненосных и бронепалубных крейсеров<sup>124</sup> и 46 миноносцев.

В первые же месяцы войны многие из русских кораблей были потоплены или серьезно повреждены. Не желая сдаваться врагу, после боя с японцами экипажи крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» уничтожили свои суда. Первая торпедная атака японских миноносцев на корабли Тихоокеанской эскадры на рейде Порт-Артура в ночь на 27 января 1904 г. на полгода вывела из строя два лучших броненосца эскадры и повредила один крейсер. 29 января взорвался и затонул минный транспорт «Енисей» (погибло 95 матросов и офицеров, включая командира), через два дня на собственную подводную мину наскочил крейсер «Боярин» (погибла машинная команда), 31 марта на минной банке подорвался флагманский броненосец «Петропавловск» на котором вместе с 630 членами экипажа погиб и новый командующий Тихоокеанской эскадрой, один из самых талантливых российских флотоводцев того времени вице-адмирал С.О. Макаров. Несмотря на то, что тяжелые потери нес и японский военный флот<sup>125</sup>, к весне 1904 г. господство на море перешло к Японии, а остатки русской Тихоокеанской эскадры были вынуждены ограничиться почти исключительно оборонительными действиями.

Пользуясь превосходством своего военного флота, в апреле – июне 1904 г. Япония десантировала на материке крупные сухопутные соединения и начала наступление сразу в двух

---

<sup>123</sup> Состав русского флота на Дальнем Востоке к началу русско-японской войны // Из истории русско-японской войны 1904—1905 гг. / отв. сост. И.В. Карпеев; под ред. В.П. Козлова и др. Т. 2: Порт-Артур: воспоминания участников. М., 2008. С. 783 (Прил.).

<sup>124</sup> См.: Диаграмма русского и японского флотов на Дальнем Востоке / составил секретарь канцелярии барон Штакельберг 27 января 1904 г. // АВПРИ. Ф. 138 (Секретный архив министра). Оп. 467. Д. 217. Л. 1 об.—2.

<sup>125</sup> К лету 1904 г. японцы безвозвратно потеряли броненосцы «Хацуза» и «Ясима» (здесь и далее названия японских кораблей приведены в транскрипции источника), более десятка крейсеров разных классов, 22 миноносца и 10 контрминоносцев. Броненосцы «Асахи» и «Фудзи» получили серьезные повреждения и вернулись в строй только в июле 1904 г. По подсчетам «Московских ведомостей», только за неполный первый месяц военных действий Япония 9 судов потеряла безвозвратно (совокупным тоннажем в 12 000 т) и 5 – временно (отведены в доки; совокупный тоннаж 52 000 т), тогда как Россия – 2 (7700 т) и 2 (19 500 т) соответственно. Таким образом, заключала газета, «потери японцев слишком вдвое превосходят наши» (цит. по: Новое время. 1904. 22 февр. (6 марта) (№ 10046). С. 6). Япония тщательно скрывала данные о потерях боевых кораблей и все, что касалось своего ВМФ, обставляла особенно строгой тайной (потеря броненосцев “Hatsuse” и “Yashima”, например, была скрыта даже от собственных граждан). Стремясь ввести противника в заблуждение, японцы камуфлировали под броненосцы транспортные суда, сооружая на них бутафорские деревянные надстройки. См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 31 об., 112.

направлениях – против основной русской группировки и на Порт-Артур, который в апреле был блокирован, а в июле и осажден. Из-за низкой пропускной способности Сибирской железной дороги (в лучшее время на отдельных участках – не более 8–10 пар поездов в сутки, по японским оценкам – по 10–15 тыс. солдат в месяц<sup>126</sup>) Россия так же быстро перебрасывать подкрепления в Маньчжурию не могла, а это, в свою очередь, связывало руки российскому командованию и в целом предопределяло не в ее пользу исход борьбы и на сухопутном театре военных действий. Сказались и стратегические просчеты высшего российского военного руководства. Всего за год до начала войны, в феврале 1903 г., военный министр А.Н. Куропаткин убеждал Николая II, что Россия «отстоится» и с одними сухопутными силами, и чем дальше на материк заберется Япония, «тем поражение ее будет решительнее». Кроме того, министр был уверен, что в течение того же 1903 г. Порт-Артур «будет приведен в такое оборонительное состояние, что будет в силах выдержать осаду в полтора года»<sup>127</sup>. На практике все эти расчеты не подтвердились. «Сухопутная армия, выставленная Россией на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. в срок, который был ей предоставлен для борьбы с Японией, – признавал позднее и сам Куропаткин, – не могла победить японцев»<sup>128</sup>. Действительно, из-за допущенных просчетов Россия с ее многомиллионной армией вступила в войну, имея на ее основном театре менее 100 тыс. солдат, или около 8% ее состава мирного времени. На протяжении всего первого этапа войны (до Ляоянской операции августа 1904 г.) превосходство Японии в живой силе на суше было подавляющим – кратным.

В общем, к весне 1904 г. стало очевидно, что переломить течение неудачно начавшегося конфликта можно, лишь обеспечив господство на море, для чего требовалось отмотилизовать и отправить на Дальний Восток силы Балтийского и Черноморского флотов. Вопрос заключался лишь в том, когда и какие именно суда посылать и какую задачу перед ними ставить.

Оправившись от шапкозакидательских настроений первых недель войны, Россия с тревогой взирала на катастрофическое ослабление на Дальнем Востоке своих военно-морских сил. «Спала тогда пелена с глаз у многих, – вспоминал очевидец, – и вместо прежних равнодушных речей, сомневавшихся в надобности для России иметь сильный флот в Тихом океане, стали раздаваться страстные призывы, доказывавшие, что государственный интерес России властно требует немедленного усиления нашей морской силы в Желтом море»<sup>129</sup>. В консервативной и проправительственной печати стали появляться все более настойчивые требования о скорейшей отправке туда подкреплений из Балтики и Черного моря. Необычайно широкий общественный резонанс получили статьи во влиятельной петербургской газете «Новое время» профессора Николаевской морской академии капитана 2-го ранга Н.Л. Кладо, в которых тот резко критиковал Морское министерство и зажигательно призывал возможно скорее направить на Дальний Восток все военные суда, вплоть до транспортов и кораблей береговой обороны, которые дальше Финского залива в море не выходили (при этом, как признавал впоследствии один из сотрудников «Нового времени», редакция газеты «была осведомлена об истинном положении и полной неподготовленности посылаемых судов и их снаряжения»<sup>130</sup>).

Публика приняла предложения Кладо с восторгом, однако многие специалисты отнеслись к ним настороженно. В военно-морских кругах Кладо вообще недолюбливали и считали

<sup>126</sup> The Japan Times. 1904. September 18 (No. 2273). P. 6.

<sup>127</sup> Куропаткин А.Н. Дневник А.Н. Куропаткина / [под ред. М.Н. Покровского]. [Н. Новгород], 1923. С. 32.

<sup>128</sup> Его же. Русско-японская война, 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 177. Не желая называть подлинного виновника, Николай II, ответственность за это Куропаткин возложил на... 2-ю эскадру: «Поражение под Цусимой, – считал он, – предредило вступление на путь мирных переговоров и предредило заключение мира в то время, когда собранная миллионная армия уже готова была к энергичному переходу в наступление» (Там же. С. 210).

<sup>129</sup> Теплов В. Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 433. В том же 1905 г. эта серия статей В.А. Теплова была переиздана в Петербурге отдельной брошюрой.

<sup>130</sup> Снегсарева Н.В. Мираж «Нового времени». Почти роман. СПб., 1914. С. 67.

человеком небескорыстным, действовавшим в интересах вице-адмирала А.А. Бирилева, который мечтал о кресле морского министра и в конце июня 1905 г. действительно его получил – нечастый и в российской, и в мировой практике случай, когда в условиях еще продолжавшейся войны руководителем военно-морского ведомства назначался адмирал, не имевший боевого опыта<sup>131</sup>. Позднее личный секретарь адмирала З.П. Рожественского лейтенант Е.В. Свенторжецкий явно со слов своего шефа так комментировал публицистические выступления Кладо:

«Знаете ли Вы, что г. Кладо все свое гражданское мужество проявляет в надежде на воздаяние? Весь его литературный вопль – перепев бирилевского доклада от октября (или ноября) месяца 1904 года! Доклада, в котором наш “боевой” адмирал (где только он воевал?) доказывает полную возможность и даже необходимость посылки нам в подкрепление всякой рухляди ... Свалят [морского министра] Авелана, посадят на его место Бирилева – тут-то Кладо и расцветет!»<sup>132</sup>.

В общем, вокруг флотских дел закипели нешуточные страсти. На волне этих настроений 1 (14) февраля 1904 г. Николай II принял группу адмиралов – Рожественского, Абазу и великого князя Александра Михайловича, а спустя еще три недели заслушал «длинный морской доклад»<sup>133</sup>. Вскоре о подготовке похода части Балтийского флота во главе с Рожественским к японским берегам открыто заговорили и в Западной Европе<sup>134</sup>. Однако зарубежные комментаторы – британский авторитет в военно-морских вопросах У. Уилсон (W.H. Wilson), а за ним и другие западноевропейские эксперты – усомнились в способности будущей русской эскадры не только выполнить возложенную на нее боевую задачу, но даже добраться до цели, настолько труден и долог быть ее предполагаемый путь<sup>135</sup>.

Российскому императору понадобилось более двух месяцев, чтобы окончательно осознать, что в лице Японии Россия столкнулась вовсе не с таким заведомо слабым противником, как ему представлялось накануне войны. К практическому решению проблем своих военно-морских сил на Дальнем Востоке Николай II обратился в начале апреля 1904 г., едва, по собственному выражению, «опомнившись от ужасного несчастья» – гибели адмирала Макарова на броненосце «Петропавловск». 2 (15) апреля он принял бывшего командующего Тихоокеанской эскадрой адмирала Старка, 5 (18)-го выслушал очередной пространный «морской доклад», а 12 (25)-го долго беседовал с начальником Главного морского штаба контр-адмиралом свиты Рожественским, которому тогда особенно благоволил<sup>136</sup>. В ходе этих совещаний был принципиально решен как вопрос о формировании новой эскадры и посылке ее на Дальний Восток, так и проблема ее командующего. Еще 31 марта (12 апреля) в интервью французской газете «Petit Parisien» Рожественский признал, что вопрос о нем как командующем эскадрой, фактически, уже решен, причем на самом высоком уровне<sup>137</sup>. 17 (30) апреля дядя царя, генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович приказом по морскому ведомству распорядился именовать бывшую Тихоокеанскую эскадру 1-й, а суда, строящиеся на Балтике, – 2-й эскадрой флота Тихого океана. 19-го числа командующим новой эскадрой был утвержден Рожественский с оставлением в должности начальника Главного морского штаба. Инициатива этого назначения исходила от Николая II и его дяди, генерал-адмирала. Сам же Рожественский, судя по воспоминаниям его соратников и его собственным позднейшим документам, не хотел

<sup>131</sup> Исторической правды ради отметим, что этот выбор оказался не так сокрушительно плох, как это могло показаться на первый взгляд. Во всяком случае, именно в министерство Бирилева в России обязаны проведением морских реформ 1905—1914 гг.

<sup>132</sup> Цит. по: Семенов В.И. Расплата. [Ч. 1—2]. СПб., 1907. С. 377.

<sup>133</sup> Николай II, император. Дневник императора Николая II / под ред. К.Ф. Шацillo. М., 1991. С. 193—194, 197.

<sup>134</sup> См., напр.: The Times. 1904. February 26 (No. 37327). P. 3.

<sup>135</sup> Статья У. Уилсона в “Daily Mail” цит. по: The Japan Times. 1904. April 6 (№ 2131). P. 6.

<sup>136</sup> Николай II, император. Указ. соч. С. 203—204.

<sup>137</sup> Цит. по: The Times. 1904. April 12 (No. 37366). P. 3.

брать на себя эту тяжелую обузу, будучи вообще против посылки эскадры в планировавшемся составе. Однако, как человек чести и долга, он считал себя не вправе официально заявлять об этом и принял новое назначение.

В августе 1904 г. на секретном совещании в Петергофе 2-й эскадре была поставлена задача соединиться в Порт-Артуре с кораблями 1-й и, нанеся поражение главным силам японского флота, завоевать господство на море. Однако вскоре 1-я русская Тихоокеанская эскадра была окончательно обессилена, а 20 декабря 1904 г. после многомесячной осады пал и Порт-Артур. Вместо того, чтобы немедленно вернуть 2-ю эскадру из Индийского океана домой, смиряться с тем, что война проиграна, и начать переговоры о заключении «мира не унижительного» (первый мирный зондаж через своего посланника в Лондоне Япония предприняла уже в июле 1904 г.<sup>138</sup>, а в рассуждения относительно будущих мирных переговоров японская печать пустилась еще в марте того же года), Николай лично настоял на продолжении похода. Тогда же «Новое время» опубликовало большое письмо адмирала Бирилева, в котором тот доказывал, что «2-я эскадра есть огромная, хорошо сформированная и укомплектованная сила, равная силам японского флота и имеющая все шансы на полный успех в открытом бою»<sup>139</sup>. «Падение Порт-Артура ничего не изменило в неблагоприятную сторону в положении адмирала Рождественского ... Нет, жребий уже брошен, и надо испить чашу до дна ... Идти назад – нельзя», – вторил Бирилеву со страниц той же газеты его последователь «Прибой» (Кладо)<sup>140</sup>.

Между тем, здравомыслящие российские военные и военно-морские деятели понимали, что после падения Порт-Артура эскадра Рождественского теряет шансы на успех – именно об этом в конце декабря 1904 г. в интервью парижской «L'Écho de Paris» говорил вице-адмирал Ф.В. Дубасов<sup>141</sup>. По словам нововременского обозревателя, эта откровенность председателя Морского технического комитета России произвела на европейскую публику «огромное впечатление»<sup>142</sup> даже несмотря на то, что адмирал поспешил заявить, что журналисты его «неправильно поняли». Герой обороны самой крепости генерал Р.И. Кондратенко еще в середине сентября 1904 г. в частном письме начальнику Квантунского укрепрайона генерал-лейтенанту А.М. Стесселю отмечал, что «потеря Артура и находящегося здесь флота» приведет к «безвозвратному проигрышу» всей кампании; «единственный почетный выход из такого положения» Кондратенко видел в скорейшем «заключении теперь, до падения П[орт-]Артура мирных условий, которые несомненно можно (до падения Артура) установить не унижительные для народного самолюбия»<sup>143</sup>.

Русский император доводам Дубасова и его единомышленников не внял, и Петербург предписал Рождественскому добиваться намеченной в Петергофе цели самостоятельно. Фактически это означало, что его эскадре предстояло разгромить весь японский флот вблизи его берегов – с ходу, после многомесячного изнурительного почти кругосветного плавания, за тысячи миль от своих баз и во враждебном окружении, т.е. совершить почти невозможное.

<sup>138</sup> См.: История внешней политики России. Конеч XIX – начало XX века: (от русско-французского союза до Октябрьской революции) / под ред. А.В. Игнатъева. М., 1997. С. 166. Историк И.В. Лукоянов не исключает, что в действительности инициатива мирного зондажа исходила не от посланника Т. Хаяси, а от находившегося тогда в Западной Европе отставного министра финансов России Витте. См.: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 578–579.

<sup>139</sup> Новое время. 1904. 5 (18) дек. (№ 10333).

<sup>140</sup> Там же. 1905. 2 (15) янв. (№ 10361).

<sup>141</sup> Ранее Ф.В. Дубасов был одним из энергичных и убежденных сторонников посылки 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. В сентябре 1904 г. он писал императору, что эскадре Рождественского необходимо навязать японскому флоту генеральное сражение, разбить его, но на этом не останавливаться и тут же занять корейский порт Масанпо с тем, чтобы в дальнейшем превратить его в основную базу русского Тихоокеанского флота (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1622 (С.Ю. Витте). Оп. 1. Д. 265. Л. 1—11 (Всепопданнейшая записка Ф.В. Дубасова от 10 сентября 1904 г.)).

<sup>142</sup> Новое время. 1905. 3 (16) янв. (№ 10362).

<sup>143</sup> Hokkaido University. Slavic-Eurasian Research Centre library. Коллекция Б.И. Николаевского. Series 65. Box 110. Folder 5. 110:6 (Письмо Р.И. Кондратенко А.М. Стесселю, Порт-Артур, 18 сентября 1904 г.).



Невыполнимость этой задачи хорошо понимал и сам командующий 2-й эскадрой, который, получая телеграммы Морского министерства, приходил в бешенство и сдавленным голосом костил петербургских «предателей»<sup>144</sup>.

Но все это было много позже – уже в походе. Теперь же, весной 1904 г., положение Рожественского как командующего, по свидетельству его штабного офицера подполковника (впоследствии генерал-лейтенанта) по адмиралтейству В.А. Штенгера, «было совершенно отличное от обычного положения флагмана. Ему были даны обширные полномочия для изготовления и снабжения эскадры. С этого времени по всем делам эскадры адмирал со всеми учреждениями сносился непосредственно ... Морской министр, Главный морской штаб и все подведомственные учреждения почти прекращают связь с адмиралом, мало что зная о его планах»<sup>145</sup>. Тем не менее, командующий не мог игнорировать общественное настроение, созданное статьями Кладо, которое принесло его эскадре большой вред. Пользуясь им, заинтересованные лица из числа высших флотских чинов навязали Рожественскому включение в ее состав старых военных либо плохо приспособленных под военные коммерческих пароходов, а также покупку у частных компаний тихоходных транспортных судов, некоторые из которых по негодности были им отправлены домой в первые же дни похода. Считалось, что чем больше кораблей и моряков будет послано на Дальний Восток, тем лучше. «Наши мудрецы утверждают, что, перемножив между собою пушки, арбузы, мужиков, фиктивные скорости и т.д. ... – комментировал сложившуюся ситуацию старший штурман флагманского броненосца эскадры “Князь Суворов”, – они получают боевой коэффициент эскадры, не многим уступающий таковому же эскадры адмирала Того. Но это – не более, как обман несведущей, сухопутной публики. Обман злостный»<sup>146</sup>.

Николай II не сделал ровным счетом ничего, чтобы оградить командующего от посторонних влияний, хотя был единственным, кто не только мог, но был прямо обязан позаботиться об этом. Мало того, он сам до последнего момента колебался в правильности избранного курса и несколько раз то принимал «неизменное решение эскадры на Дальний Восток не посылать», то возвращался к плану, выработанному еще в апреле. Главными его советчиками и экспертами при решении этого вопроса выступали великий князь Александр Михайлович и руководители Морского министерства – адмирал Ф.К. Авелан и великий князь генерал-адмирал Алексей Александрович. Если верить троюродному брату Николая II, этот царский дядюшка управлял флотом «согласно традициям XVIII века», а относительно посылки флота на Дальний Восток сказать ничего не мог, «но имел гражданское мужество в этом признаться»<sup>147</sup>. Последний российский император не был наделен от природы большими дарованиями, но один «талант» имел несомненно – приближать к себе бездарностей либо проходимцев.

В итоге, к моменту выхода в море 2-я Тихоокеанская эскадра представляла собой не слаженный боевой организм, а скорее плохо управляемую армаду из 37 разномастных судов с многочисленным (около 12 тыс.), но недостаточно обученным и неопытным либо возрастным экипажем – судовые команды на две трети состояли из новобранцев и мобилизованных запасных. В военном отношении и те, и другие были подготовлены плохо. К тому же «молодые», как правило, боялись предстоящего похода, а многие «старики» и того хуже – были настроены пораженчески. В общем, моральный дух моряков оставлял желать много лучшего. Вести такую эскадру в бой было огромным риском, но чтобы заявить об этом открыто, требовалось большое гражданское мужество, на недостаток которого у Рожественского задним числом нашлось много желающих ему попенять. «Все знают, – с горькой иронией писал адмирал уже после

<sup>144</sup> Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 301.

<sup>145</sup> Штенгер В.А., *флота генерал*. Париж. Подготовка 2-й эскадры к плаванию // С эскадрой адмирала Рожественского: сб. ст. СПб., 1994. С. 32. (Русское военно-морское зарубежье; вып. 4).

<sup>146</sup> Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 262.

<sup>147</sup> Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания: две книги в одном томе. Кн. 1. М., 1999. С. 170, 214.

заклучения мира с Японией, – что до начала войны я был 10 месяцев начальником штаба, имел время пересоздать флот, перевоспитать офицера, обучить матроса, заготовить обилие средств и запасов, знают, что я ничего этого не сделал, а изменнически повел на убой неученых людей на нестройной эскадре. Будь у меня хоть искра гражданского мужества, я должен был кричать на весь мир: “Берегите эти последние ресурсы флота! Не посылайте их на истребление!...”»<sup>148</sup>. Однако и не посылать подмогу на Дальний Восток было нельзя – отказаться от этого фактически означало признать свое поражение. Между тем, пока держался Порт-Артур, шанс переломить ход войны у эскадры все-таки оставался.

Сразу после своего нового назначения Зиновий Петрович с головой погрузился в работу. Вот как тот же Штенгер описывал обычный рабочий день командующего: «Вставал он в 7 часов утра и в 8 часов уже сидел за бумагами в кабинете; при этом резолюции его ... почти никогда не ограничивались краткой подписью: “справку”, “к распоряжению” и т.п., а почти всегда составляли подробное и определенное решение, так редактированное, что можно было его целиком переписывать как ответные бумаги; нередко эти резолюции были очень резки, иногда в них проглядывала ирония, но всегда были определены. Почерк у адмирала был редко хороший, и все свои заметки и резолюции он всегда писал чернилами и всегда без поправок. Бесчисленное количество ... просителей он принимал обычно утром до 10 час.; с 10 же часов начинались доклады по делам Штаба и шли без перерыва до 1 часа дня. При этом телефон из других министерств действовал непрерывно, телеграммы в то тревожное время сыпались как из рога изобилия и решения по ним следовали немедленно. Тут же на ряду бывали сношения по вопросам, касающимся формирующейся эскадры и разных предложений изобретателей, самых разнообразных и подчас несуразных. Далее наступало время завтрака, но уже в 2 часа адмирала не было дома – он делал многочисленные визиты, участвовал в заседаниях и пр. В 4 часа он снова был дома, где его уже ждала полная приемная народу. Тут были и заводчики, и всякие иностранцы, и чины флота и Штаба, и опять это колесо вертелось до 7 часов вечера, когда адмирал обедал. В 8 часов обычно я снова бывал у него с последними бумагами и телеграммами и уходил не раньше 11 часов, притом нагруженный бесконечными приказаниями, экстренными поручениями и пр. и пр. – адмирал продолжал один работать и ежедневно около 2 часов ночи предупреждал меня по телефону, что посылает мне еще партию бумаг, давая по некоторым указаниям. Тут кончался его рабочий день»<sup>149</sup>.

Одной из важнейших задач, требовавшей скорейшего решения, была безопасность плавания 2-й Тихоокеанской эскадры на большей части ее долгого, в 18 тыс. миль, пути на Дальний Восток. Охрана эскадры явилась самой масштабной и продолжительной операцией российской контрразведки в годы русско-японской войны. Несмотря на это, современные военные историки, а также специалисты по истории отечественной военной, военно-политической и внешней разведки редко о ней вспоминают, видимо полагая, что поскольку беспримерный поход эскадры закончился цусимской катастрофой, об ее охране говорить неудобно. Военно-морские историки эту операцию тоже не жалуют. Вместе с зарубежными авторами они сходятся на том, что предостережения контрразведчиков – в первую очередь, А.М. Гартинга и И.Ф. Мануйлова – накалили обстановку на судах эскадры и взвинтили ее командующего до такой степени, что фактически спровоцировали обстрел российскими военными моряками английских рыбаков в ночь на 9 (22) октября 1904 г. на Доггер-банке в Северном (или «Немецком») море. Этот, крайне неприятный для России, инцидент, вошедший в историю под названием «гулльского» (от названия йоркширского города-порта *Hull*, места приписки английской рыбацкой флотилии), породил собственную значительную историографию. Уже более столетия продол-

<sup>148</sup> РГА ВМФ. Ф. 1233 (З.П. Рождественский). Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

<sup>149</sup> Штенгер В.А. Указ. соч. С. 30–31.

жается спор о том, кто спровоцировал его, каким образом и с какой целью, и конца этой дискуссии не видно. Попробуем разобраться в этой истории и мы.

К началу лета 1904 г. под личным руководством Рождественского особо доверенные офицеры из его ближайшего окружения разработали три варианта маршрута эскадры<sup>150</sup>. Однако в августе император утвердил смешанный вариант, согласно которому часть кораблей должна была идти через Средиземное море, Суэцкий канал и Красное море, а новые боевые суда с глубокой осадкой – двигаться вокруг западного побережья и южной оконечности Африки. Соединение эскадры предполагалось на Мадагаскаре. Все варианты разрабатывались в глубокой тайне, но даже беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы определить наиболее уязвимые с точки зрения безопасности места. Для балтийской части эскадры ими были балтийские проливы (Большой и Малый Бельты, Эресунн (Зунд) и Каттегат), а для черноморской – Босфор и Дарданеллы, а также Суэцкий канал и Красное море. Естественно, что в дальнейшем именно в эти районы были направлены российские контрразведчики. Поскольку главную ударную силу 2-й эскадры составляли новые эскадренные броненосцы, базировавшиеся на Балтике<sup>151</sup>, с самого начала особое внимание было обращено на скандинавские страны, мимо которых им предстояло пройти.

Впервые сведения о том, что купленные в Англии миноносцы Япония направляет в Швецию для действий против русского Балтийского флота, поступили в Департамент полиции в апреле 1904 г.<sup>152</sup> Кроме того, Петербург тревожило необычайное многолюдие японской дипломатической миссии в Стокгольме и особенно – частые визиты здешнего японского военно-морского атташе в шведские и датские порты. Выяснение обстоятельств дела директор Департамента полиции А.А. Лопухин поручил Мануйлову, однако что-либо конкретное тому разузнать не удалось. Тогда же, в апреле 1904 г., Главный морской штаб заинтересовался слухами о том, что на шведских верфях по заказу Японии строятся миноносцы. Для проверки слуха в Стокгольм был направлен военно-морской атташе в Германии капитан 2-го ранга князь А.А. Долгоруков, близко знакомый с дальневосточными делами по прежней службе – до своего назначения в Западную Европу он был старшим флаг-офицером начальника штаба эскадры Тихого океана и в этом качестве в 1900–1901 гг. участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае. Поскольку источником этой информации выступил российский посланник в Стокгольме тайный советник (ТС) Е.К. Бюцов, за «подробными указаниями» Долгорукову было предписано обратиться именно к нему<sup>153</sup>. Однако на месте эти слухи не подтвердились, и уже через неделю Долгоруков вернулся в Берлин. Когда в конце 1904 г. было установлено, что на шведских предприятиях японские военные заказы все-таки были размещены (например, на заводе «Бофорс» для Японии производились бронебойные 12-дюймовые артиллерийские снаряды), выяснением подробностей первоначально занялись военный агент в Скандинавии полковник А.М. Алексеев и Генеральный консул в Стокгольме В.А. Березников, но уже в январе

<sup>150</sup> Теоретически существовал и четвертый, наиболее для тех лет экзотический маршрут. 28 апреля 1904 г. на имя военного министра поступило письмо В. Русанова с изложением плана прохода эскадры на Дальний Восток через Северный Ледовитый океан (см.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2953). Немного раньше с аналогичным проектом в письме на «высочайшее» имя выступил капитан Кульчицкий. Капитан уверял, что, выйдя из Балтики в июне, экспедиция, в которой он был готов принять участие в качестве штурмана, уже в августе прибудет к месту назначения (см.: The Times. 1904. April 11 (No. 37365). P. 3). О том, что русская эскадра сделает попытку пройти на Дальний Восток «северо-восточным» путем в марте 1904 г. сообщила и парижская газета «Temps» (The Japan Times. 1904. March 12 (No. 2111). P. 3).

<sup>151</sup> Этих броненосцев было семь: «Наварин» (вошел в строй в 1891 г., водоизмещение 10,2 тыс. т), «Сисой Великий» (1894 г., 10,4 тыс. т), «Ослябя» (1898 г., 12,7 тыс. т), «Император Александр III» (1901 г., 13,5 тыс. т), «Орел» (1902 г., 13,5 тыс. т), «Князь Суворов» (1902 г., 13,5 тыс. т) и «Бородино» (1901 г., 13,5 тыс. т). Четыре новейших броненосца представляли собой последнее слово в военном кораблестроении.

<sup>152</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1. Л. 53.

<sup>153</sup> РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 201 (Шифрованная телеграмма контр-адмирала А.А. Вирениуса кн. А.А. Долгорукову в Берлин, Петербург, 20 апреля 1904 г.).

1905 г. вся их агентура по «бофорскому делу» была передана чиновнику Департамента полиции А.М. Гартингу<sup>154</sup>.

С конца мая – начала июня 1904 г. тревожные сообщения из-за рубежа относительно намерений японцев хлынули в Главный морской штаб уже потоком. Многочисленные, разные, никак не связанные между собой и порой весьма неожиданные источники были единодушны в том, что Япония готовит серию акций, призванных затруднить формирование и оснащение 2-й Тихоокеанской эскадры и ее предстоящий поход на Дальний Восток. Об этом в полевой штаб наместника на Дальнем Востоке и в Петербург доносили военные и военно-морские агенты из Китая (генерал-майор К.Н. Дессино<sup>155</sup>), Франции (полковник В.П. Лазарев), Дании и Швеции (полковник А.М. Алексеев), Великобритании (капитан 1-го ранга И.Ф. Бострем), телеграфировали из Шанхая бывший посланник в Корею А.И. Павлов и чиновник Министерства финансов Л.Ф. Давыдов, консулы в Кардиффе, Ньюкастле, Гонконге, Сингапуре, Джедде, чиновники МИД и дипломатические агенты в Турции, Египте и в других странах. Косвенно угрозу, нависшую над эскадрой, подкрепляли сообщения о тайной переброске японцами отрядов своих военных моряков через английские колонии в районы Средиземного, Черного и Балтийского морей, о закупках ими военных судов, радиостанций и другого специального оборудования для действий на севере Европы, а также в Красном море и Индийском океане. В донесениях приводились воинские звания, специальности и даже имена японских моряков, едущих в Европу, Малую Азию и на север Африки, маршруты их движения, говорилось о вероятном построении и методах действия японских кораблей на пути следования эскадры Рождественского. «Японские офицеры: командир миноносца Миоши, лейтенант Ватанабэ, минный офицер Уесуги и два водолазных офицера<sup>156</sup>, – телеграфировал из Гонконга консул Бологовский, – выехали [в] пятницу [21 мая 1904 г.] отсюда [на] английском пароходе “Роза Исса” в Аден, имея с собою 11 ящиков ... В каждом ящике по две мины, каждая весом 25 фунтов<sup>157</sup> ... На прошлой неделе [на] английском пароходе здесь проехали семь японских офицеров: четыре минных, три водолазных, направляясь [в] Лондон, затем [в] Христианию, а оттуда [в] Финский залив»<sup>158</sup>.

24 мая камергер Павлов сообщал из Шанхая: «По секретным сведениям генерала Дессино, японцы, независимо известных уже отправок в различные порты своих минных и водолазных офицеров, уже начали скупать и фрахтовать быстроходные иностранные коммерческие пароходы, которые они намерены снабдить беспроволочным телеграфом и ко времени выступления Балтийской эскадры держать под нейтральным флагом в море в тех местах, где, по предположениям японцев, эскадра будет проходить в сравнительно близком от берега расстоянии. В каждом таком месте предположено держать в крейсерстве несколько пароходов ... для осведомления японского правительства о точном времени прохода эскадры через данный

<sup>154</sup> Алексеев М. Военная разведка России: от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 120–121; ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (П). Д. 11, ч. 2. Л. 171–180.

<sup>155</sup> Генерал Дессино еще 18 апреля (1 мая) направил начальнику полевого штаба наместника секретный рапорт следующего содержания: «По полученным сведениям, Япония, чтобы воспрепятствовать приходу нашего Балтийского флота на Дальний Восток, решила отправлять партиями морских офицеров на путь следования этого флота и фрахтовать для них яхты для крейсерования, особенно в Красном море. 8 японских морских офицеров с английским механиком Henry R. Harvy на днях проехали через Шанхай. Кроме того, мне известно, что японцы ищут для покупки быстроходные пароходы. Вообще же Япония покупает много пароходов; постоянно можно видеть в Шанхае английские и американские экипажи, возвращающиеся домой пассажирами, вследствие продажи пароходов. Об отправлении японских офицеров на путь следования нашего флота я телеграфировал Главному штабу. Генерального штаба генерал-майор Дессино» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27262. Л. 135). 1 мая 1904 г. тот же военный агент направил в полевой штаб наместника следующую шифрованную телеграмму: «Япония, чтобы помешать нашему флоту из России придти сюда, шлет на предполагаемый путь партиями морских офицеров, которые будут разъезжать в особенности в Красном море на фрахтованных пароходах» (Там же. Л. 21 (Шифрованная депеша военного агента из Шанхая в Мукден генерал-квартирмейстеру штаба наместника генерал-майору Флугу, 1 мая 1904 г. № 439)).

<sup>156</sup> Вскоре их имена также были установлены – Иде и Мацумото.

<sup>157</sup> 10,2 кг.

<sup>158</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 123 (Шифрованная телеграмма консула К.Ф. Бологовского А.И. Павлову в Шанхай, Гонконг, 21 мая 1904 г.).

пункт. Весьма вероятно, что на этих же пароходах будут иметься бросательные мины»<sup>159</sup>. Такие действия японцев в западноевропейских водах казались тем вероятнее, что тогда же, в мае 1904 г., их быстроходные коммерческие паровые суда, оборудованные радиосвязью («беспроволочным телеграфом») и под английским флагом, курсировали вокруг российских дальневосточных портов, производя разведку местности и собирая сведения о русском флоте<sup>160</sup>.

Полковник Лазарев, ссылаясь на сведения некоего датского офицера, сообщал из Парижа, что из Лондона в Копенгаген выехали два японца с намерением «совершить покушение» на Балтийскую эскадру. Независимо от него полковник Алексеев, работавший в Скандинавии, писал, что, по его агентурным данным, такое «покушение» должно состояться в море, «между Норвегией и Англией» с применением минного аппарата, недавно изобретенного японским капитаном Ода – с его помощью можно было как «бросать» мины с борта судна, так и пускать торпеды с берега<sup>161</sup>. Суть изобретения Ода, пояснял консул Бологовский, состояла в том, что торпеды могли управляться «с береговой станции принципом воздушного телеграфа» и «безошибочно» попадать в движущуюся цель (он сам наблюдал секретные испытания прибора Ода в Гонконге)<sup>162</sup>. Речь, таким образом, шла о торпедо с дистанционным управлением. О готовящейся японцами торпедной («минной») атаке на суда 2-й эскадры Главный морской штаб информировал из Китая и лейтенант флота Головизнин.

В том же мае 1904 г. российский вице-консул в британском Кардиффе со слов капитана парохода “Kalfond” донес о попытке некоего японца, «говорящего на нескольких европейских языках, по-видимому, офицера», под видом простого матроса попасть в Кронштадт, куда отплывал этот норвежский угольщик (капитан отказался брать японца на борт)<sup>163</sup>. Попытки японцев проникнуть в российские военные порты для проведения диверсий чуть раньше получили подтверждение и на другом конце Европы – в Мадриде. Изабелла II, 74-летняя испанская вдовствующая королева-мать, в присутствии сына, Альфонсо XIII, просила российского посла ТС Д.Е. Шевича передать Николаю II, что, по сведениям ее источника, «в достоверности коего ее величеству не раз приходилось убеждаться», «в Кронштадтском порте есть подкупленные японцами изменники, коим поручено разрушить пожаром и взрывами находящиеся в порте военные сооружения и боевые суда»<sup>164</sup>. В начале июля 1904 г. Дессино и Головизнин порознь телеграфировали о планах японцев послать в Красное море для «перехвата наших добровольцев» (т.е. транспортных судов Добровольного флота) крейсера в сопровождении двух пароходов с углем, а несколько недель спустя консул в Джедде и дипломатический агент в Александрии почти одновременно и также независимо друг от друга сообщили, что в Красное море действительно «пришел японский бронированный крейсер с двумя другими судами»<sup>165</sup>.

Все эти и множество других аналогичных сообщений поступали в Главный морской штаб непосредственно либо через МИД и военное ведомство, но так или иначе ложились на стол адмирала Рожественского. Летом 1904 г. офицеры Главного морского штаба собрали эти депеши в особую сверхсекретную папку, которую называли «Собранием копий донесений относительно намерений японцев». В деталях полученные предостережения могли не совпадать, а некоторые при последующей проверке вообще оказались ложными. Еще больше ситуацию запутывало то, что в конце 1903 – начале 1904 г. Япония направила в Западную Европу

<sup>159</sup> РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 402.

<sup>160</sup> Могилевич А., Айрапетян М. Легенда и правда о «гулльском инциденте» 1904 года // Исторический журнал. 1940. № 6. С. 44.

<sup>161</sup> РГА ВМФ. Ф. 531 (2-я эскадра флота Тихого океана). Оп. 1. Д. 53. Л. 405.

<sup>162</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2978. Л. 17.

<sup>163</sup> Там же. Ф. 184 (Посольство в Лондоне). Оп. 520. Д. 1127. Л. 49 (Письмо вице-консула в Кардиффе Фуругельма в российское посольство в Лондоне, Кардифф, 7 (20) мая 1904 г. № 37).

<sup>164</sup> РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 354—354 об., 403.

<sup>165</sup> Там же. Л. 379, 380, 396, 452.

несколько групп своих морских офицеров для комплектования экипажей купленных там ею военных судов для их последующей переправки на Дальний Восток. Однако в целом угроза, нависшая над 2-й эскадрой, выглядела вполне реальной, и в этом отношении вырисовывалась убедительная и тревожная картина, игнорировать которую было бы преступлением.

Позднее эти данные получили подтверждение и из японских источников. От канцеляриста японского посольства в Гааге российский Департамент полиции получил черновики и копии несколько секретных депеш, которые тамошний посол Митцухаси во второй половине сентября 1904 г., т.е. накануне выхода эскадры Рожественского в море, направил своему министру иностранных дел Комура, японскому военно-морскому атташе во Франции Хисаматцу и посланнику в Бельгии Сенжитцу. «Прошу употребить все способы, – писал Митцухаси в Париж, – которые могли бы воспрепятствовать ходу эскадры. Всевозможные препятствия должны быть поставлены на пути, несмотря на риск жизнью наших служащих. Не обращая внимания ни на какую цену, средство может и должно быть доставлено и ничто я не считаю слишком дорогим ... С эскадрой идут несколько меньших судов с необходимыми припасами, которые также должны быть уничтожены, но главное внимание должно сосредоточить на эскадре. Там, я уверен, 6 броненосцев, коим и должны быть поставлены главные препятствия. Обдумайте способ постановки мин на пути, причем это нужно сделать с возможной конспиративностью»<sup>166</sup>.

«Мы имеем людей, – неделей раньше извещал Митцухаси свое руководство, – расположенных в разных местах, которые должны нам сообщать о всех движениях и по возможности препятствовать им. В официальных кругах говорят, что эскадра, которая должна идти на выручку, выйдет в море в этом месяце; поэтому мы приняли все меры, чтобы помешать этому. Конечно, Ваше превосходительство понимаете, что мы должны быть очень осторожны, чтобы не возбудить подозрений неприятеля и других наций»<sup>167</sup>. «Есть слух, – писал Митцухаси в тот же день коллеге в Брюссель, – что 29 судов будут сопровождать флот, чтобы снабжать его углем и продовольствием; конечно, мы будем следить за ними ... Есть большое сомнение, что плавание пройдет гладко, и мы надеемся, что недостатка в препятствиях не будет»<sup>168</sup>.

В том же духе о перспективах плавания эскадры Рожественского отзывались и в японском Генеральном консульстве в Шанхае. В середине ноября 1904 г. Павлов со ссылкой на своего секретного осведомителя в этом консульстве телеграфировал в МИД: «Японское правительство особенно опасается, что наша 2-я Тихоокеанская эскадра могла бы атаковать Формозу и Пескадорские острова, воспользоваться этими пунктами как базой для дальнейших операций. Японское правительство будто бы еще не теряет надежду, что благодаря принятым секретным мерам нашему флоту вовсе не удастся дойти до Формозы»<sup>169</sup>. Чуть раньше, в конце октября, Павлов получил такого же рода сведения и непосредственно из Японии. Самый осведомленный из всех работавших там российских тайных агентов, ссылаясь на секретные японские источники, «положительно подтверждал факт отправки за последние месяцы в Европу, в Красное море и на мыс Доброй Надежды весьма большого числа морских офицеров и нижних чинов с

<sup>166</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1. Л. 322–322 об.

<sup>167</sup> Там же. Д. 1, ч. 3. Л. 239–239 об.

<sup>168</sup> Там же. Л. 269. Уже упоминавшийся Н.В. Новиков, процитировав некоторые из этих писем, без колебаний объявил их «сфабрикованными Гартингом и его агентурой фальшивками» (*Новиков Н.В.* Гульский инцидент и царская охранка // *Морской сборник.* 1935. № 6. С. 102). На самом деле эти документы были добыты в японских западноевропейских миссиях Мануйловым (частью его собственной агентурой, частью получены им от французов). Что же касается Гартинга, то, ознакомившись с некоторыми из этих материалов, он предположил, что они «апокрифичны», другими словами, выразил сомнение в их подлинности. Чем было вызвано такое недоверие к информации Мануйлова, читатель узнает позднее. Здесь же уместно обратить внимание на приемы и методы работы с источниками, принятые в советской историографии, притом Н.В. Новиков – один из наиболее осведомленных и добросовестных специалистов по интересующей нас теме.

<sup>169</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 139 (Телеграмма Павлова в МИД, Шанхай, 12 ноября 1904 г. № 718).



расчетом предпринять ряд тайных нападений на нашу эскадру»<sup>170</sup>. Этим тайным агентом был француз Жан Бале (Jean C. Balet), корреспондент парижских газет «L'Illustration» и «Figaro».

За день до выхода эскадры Рождественского в море, 13 октября 1904 г. по новому стилю, германский посол в Великобритании П. Меттерних телеграфировал в Берлин: «Из достоверных источников мне было сообщено, что в случае выхода русского Балтийского флота в Зунде или Каттегате будут поставлены японскими агентами мины»<sup>171</sup>.

Как водится, не обошлось и без слухов, которые постепенно обрастали фантастичными подробностями. Летом 1904 г. в морских кругах Западной Европы упорно ходили разговоры о каком-то враждебном России «акте, задуманном англичанами». Офицеры австрийской канонерской лодки «Таурус», которая прибыла в Севастополь из Стамбула в конце июня, рассказывали, что англичане-де «готовят в Ламанше личный состав подводных лодок, обучая японцев управлению этими лодками. К моменту выхода русской эскадры из Кронштадта весь личный состав лодок, действующих в Ламанше, должен состоять уже из одних японцев, а самые лодки должны быть уступлены японскому правительству»<sup>172</sup>. На поверку все это оказалось вымыслом.

Призрак таинственных подводных лодок, невидимых с борта корабля и тем особенно опасных (бороться с ними тогда еще не умели), преследовал военных моряков обеих сторон на протяжении всей войны. Как японские, так и многие русские военно-морские специалисты были убеждены, что, например, броненосцы «Петропавловск» и «Хацуза» не подорвались на минах, как было в действительности, а стали жертвами нападения субмарин противника. Весной 1904 г. в печати появились сообщения о «блестящих результатах», которые дали опыты в Порт-Артуре с русскими подводными лодками, якобы совершенно «готовыми для активных целей»<sup>173</sup>. Напуганная этими сообщениями, японская печать вспомнила, что в 1899 г. на мирной международной конференции в Гааге «царь Николай II и русское правительство» заявили о «несовместимости использования субмарин с принципами, принятыми среди цивилизованных наций» и «предложили запретить не только их использование, но и постройку» (материалы на этот счет публиковались под рубрикой «Коварство московитов»)<sup>174</sup>. Поскольку японцы, к слову, также подписавшие Гаагские международные конвенции, после Гааги сами активно, хотя и тайно, строили свой подводный флот, возможно, в большей степени это была упреждающая пропагандистская акция.

От русской разведки не укрылись факты покупок японцами подводных лодок в Америке; ей также удалось проследить пути доставки этих судов на Дальний Восток, установить места сборки в самой Японии (они перевозились в разобранном виде), выяснить их вооружение и технические характеристики, ход испытаний и многие другие подробности – заводы-изготовители, фирмы-перевозчики, обслуживающий персонал и т.д.<sup>175</sup> Опасения относительно японского подводного флота несколько утихли только в марте 1905 г., когда тот же француз Бале, который имел надежные источники информации в японских военно-морских кругах, сообщил, что опыты японцев с подводными лодками «не привели к удовлетворительным результатам и ни одна из этих лодок не готова к действию»<sup>176</sup>. В общем, ни у России, ни у Японии тогдашние

<sup>170</sup> Там же. Д. 2979. Л. 11—11 об. (Телеграмма Павлова в главную квартиру наместника в Мукден и в МИД, Шанхай, 24 октября 1904 г. № 662).

<sup>171</sup> Цит. по: Могилевич А., Айрапетян М. Указ. соч. С. 45.

<sup>172</sup> Россия и Япония на заре XX столетия: аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / под ред. В.А. Золотарева. М., 1994. С. 526.

<sup>173</sup> Новое время. 1904. 14 (27) апр. (№ 10098). С. 2.

<sup>174</sup> The Japan Times. 1904. March 19 (No. 2117). P. 6. Перепечатка из газеты "Nichi-Nichi".

<sup>175</sup> Это не помешало японскому военно-морскому атташе в Лондоне М. Кобураги в апреле 1904 г. во всеуслышанье объявить, будто «в японском флоте нет подводных лодок» и морское ведомство его страны «придает главнейшее значение» не им, а «автоматическим минам». Цит. по: Киевлянин. 1904. 10 (23) апр. (№ 99).

<sup>176</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2980. Л. 46 об. (Шифрованная телеграмма Павлова главнокомандующему в Гунжулин, Шанхай, 19 марта 1905 г.).

тихоходные, маленькие, слабо вооруженные и вообще весьма несовершенные субмарины боевого применения в годы русско-японской войны не нашли.

Во второй половине 1904 г. в Петербург стали приходить сообщения, из которых следовало, что Япония готовит какие-то крупномасштабные акции и в других местах, мимо которых могла проследовать русская эскадра – в частности, на африканском побережье. В конце июля 1904 г. японский посол в Гааге писал: «Нам сообщают, что в Трансваале заметно брожение. Если таковое не будет успокоено, то мы не можем рассчитывать на помощь буров»<sup>177</sup>. В августе 1904 г. Бологовский сумел добыть и представить фотографию одного из японских минных офицеров (поручика Стурамотца), тайно переброшенного в Южную Африку через Гонконг<sup>178</sup>. В январе 1905 г., ссылаясь на сведения французского Министерства колоний, директор Департамента полиции Лопухин сообщил адмиралу Вирениусу, что «в водах Мозамбика замечены японские миноноски, а также замечено присутствие многих японских агентов, стремящихся поднять восстание на Мадагаскаре против Франции»<sup>179</sup>. Этим сообщениям, однако, в Петербурге не придали серьезного значения, да и стратегия контрразведывательных операций к тому времени в значительной степени была уже выработана. Их главными направлениями стали охрана эскадры в местах основного базирования, а также в наиболее уязвимых пунктах на пути следования – в балтийских и черноморских проливах, в Суэцком канале, Красном море, а затем и в Батавии, как тогда именовали голландскую Индонезию.

Еще в феврале – марте 1904 г. Морское министерство разработало программу мероприятий по охране российских военных и коммерческих портов в Черном и Балтийском морях. В конце апреля – начале мая 1904 г. Департамент полиции учредил в Петербурге небольшой филерский отряд для наблюдения за иностранными военно-морскими атташе «в помощь адмиралу Рождественскому», который в июле вошел в состав Отделения по розыску о международном шпионстве, созданного тем же Департаментом. 25 мая Рождественский писал своему помощнику по Главному морскому штабу контр-адмиралу А.А. Вирениусу: «По поводу сообщений Павлова и Десино следует, мне кажется, принять серьезные меры. 1). Прежде всего предупредить наши суда в Средиземном море, чтоб не зевали и держали себя везде ... на военном положении, не упуская сторожевой службы, заряжения орудий на ночь и должной бдительности как ночью, так и днем. 2). Сообщить Чухнину и Бирилеву, что настало время принимать соответствующие меры во всех портах Черного и Балтийского морей и повышать постепенно настороженность по мере приближения отхода эскадры». Далее адмирал предлагал «разбудить» российские консульства и посольства, а главное – обратиться в Департамент полиции, чтобы за счет Морского министерства командировал тайных агентов «для исследования шведских и норвежских шхер и мелких портов, а также местности по Бельтам и Зунду»<sup>180</sup>.

Эта программа Рождественского в Морском министерстве была принята, и именно оно выступило инициатором всех перечисленных мероприятий, взяв на себя и их финансирование. В начале июня 1904 г. соответствующие указания из Петербурга получили главный командир Балтийского флота вице-адмирал А.А. Бирилев и его коллега на Черном море вице-адмирал Г.П. Чухнин. В результате порты были надежно защищены и каких-либо серьезных инцидентов в годы войны там не произошло. Это подтвердила и негласная проверка охраны главной базы Черноморского флота, предпринятая в июле 1904 г. жандармским подполковником В.В. Тржецяком. «В Севастополе моряки приняли достаточные меры предосторожности, – докладывал он в Департамент полиции, – подсланные мною люди в район порта проникнуть не могли,

<sup>177</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 2. Л. 171 (Перевод полученной агентурным путем записки из японской миссии в Гааге).

<sup>178</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2979. Л. 76.

<sup>179</sup> РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3016. Л. 183.

<sup>180</sup> Там же. Д. 3017. Л. 77–78.

причем их чуть не побили»<sup>181</sup>. О том, что военные корабли в Николаеве и Севастополе тщательно охраняются днем и ночью, сообщала и зарубежная печать<sup>182</sup>.

В первых числах июля Рождественский обратился со специальным совершенно секретным письмом к капитану 1-го ранга О.Л. Радлову, командиру отряда транспортных судов 2-й эскадры, которые базировались в Черном море. «Все поступающие известия, – предостерегал адмирал, – дают возможность предположить, что со стороны Японии будут использованы самые разнообразные средства для нанесения вреда судам нашей эскадры и особенно транспортам, на которые напасть можно сравнительно безнаказанно при следовании чрез Проливы в Средиземное море. Надо полагать, что транспорты могут подвергнуться нападению со стороны коммерческих пароходов под нейтральным флагом, вооруженных главным образом минами». Далее адмирал формулировал конкретные рекомендации, которые следовало неуклонно выполнять: «1). По выходе из русских портов, при встрече даже в Черном море с коммерческими судами хотя бы и под нейтральным флагом, усиливать бдительность и тщательно следить за маневрированием их, дабы избежать преднамеренного столкновения<sup>183</sup>; 2). При встрече в море с судами, имеющими вид яхт или кажущиеся более быстроходными, чем обычно встречающиеся суда, посылать вперед конвоирующий миноносец и требовать, чтобы встречное судно отклонялось для расхождения с отрядом вне сферы минного выстрела; 3). Следуя Босфором и Дарданеллами и в особенности Суэцким каналом, помимо напряженного внимания к действиям встречных и попутно идущих судов, хотя бы и под нейтральным флагом ... иметь всегда на постах малые партии нижних чинов ... вооруженных ружьями с боевыми патронами в сумках. Посты эти, однако, должны быть скрыты извне»<sup>184</sup> и т.д.

Понимая недостаток сил своей армады в сравнении с японским флотом, Рождественский добивался включения в состав своей эскадры хотя бы двух-трех боевых судов Черноморского флота, но натолкнулся на упорное сопротивление дипломатов. В неизбежном в этой связи изменении режима черноморских проливов в ведомстве у Певческого моста (МИД) усматривали серьезнейшую опасность для международного положения России не только на Ближнем Востоке, но и в Европе в целом. «Можно быть уверенным в том, что выход части нашего Черноморского флота чрез проливы поведет к самым опасным для России осложнениям, вызвав со стороны некоторых держав, например, Англии, такие действия, которые неминуемо привели бы к новой войне, – предостерегал императора граф Ламздорф. – <...> Мера эта, открыв доступ иностранным судам в Черное море, в корне подорвала бы преимущественное политическое положение, которое ныне занимает Россия на Ближнем Востоке, и заставила бы ее навсегда отказаться от осуществления своей исторической задачи на берегах Босфора». Николай согласился с доводами руководителя своего внешнеполитического ведомства, собственноручно начертав на его записке: «Этот вопрос не предполагается подымать»<sup>185</sup>.

По просьбе Морского ведомства, Ламздорф предписал российскому послу в Берлине информировать правительство Германии «о возможном прибытии в один из германских портов партии японцев для приготовления покушения на суда ... 2-й эскадры», выразив при этом уверенность, что Германия не допустит подобного на своей территории<sup>186</sup>. Одновременно, по

<sup>181</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 21 об.

<sup>182</sup> См.: The New York Times. 1904. June 10 (No. 16984). P. 1.

<sup>183</sup> В одной из своих шифрованных телеграмм, направленных в Токио, японский дипломат писал из Парижа: «Лучше ожидать. Нужно ранее изучить все способы для устройства столкновения. Жду по этому поводу распоряжений» (ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 2. Л. 167). Телеграмма была перехвачена и расшифрована русской контрразведкой.

<sup>184</sup> РГА ВМФ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 93. Л. 2—3.

<sup>185</sup> АВПРИ. Ф. 167 (Посольство в Берлине). Оп. 509. Д. 18-ж. Л. 13 об.—14 (Копия всеподданнейшей записки Ламздорфа от 23 февраля 1905 г. с резолюцией Николая II).

<sup>186</sup> РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3015. Л. 450 (Срочное и весьма секретное письмо Ламздорфа Ф.К. Авелану, Петербург, 16 июля 1904 г. № 1220).

указаниям МИД, российскими миссиями в Египте и Турции было организовано секретное наблюдение за появлением японских судов в Адене и Порт-Саиде. Послам в Копенгагене и Стокгольме, Генеральному консулу в Лондоне и консулам на Востоке Ламздорф приказал бдительно следить за передвижениями японских офицеров<sup>187</sup>.

В начале июля 1904 г. российский Генеральный консул в Стокгольме В.А. Березников по поручению посла совершил объезд основных портов западного побережья Швеции и заручился обещанием здешних российских вице-консулов (все они были шведскими подданными) немедленно сообщать о прибытии в их район любого японца. Как показали последующие события, эта поездка Березникова явилась хорошим подспорьем для заведующего Берлинской агентурой Департамента полиции А.М. Гартинга, который вскоре был направлен в Скандинавию со специальной миссией. Однако и посол Бюцов, и сам Березников, и другие российские дипломаты, выполнявшие в это время аналогичные поручения своего министерства, не скрывали, что сведения, полученные от вице-консулов, не могут претендовать на абсолютную точность и полноту и имеют лишь вспомогательное значение. Для вербовки за рубежом секретной агентуры Бюцов советовал использовать чиновников российского МВД, а посол во Франции А.И. Нелидов через военно-морского атташе лейтенанта флота Г.А. Епанчина прямо рекомендовал «поручить все дело бывшему начальнику русской политической полиции в Париже Рачковскому», который «имеет большой опыт и способен дать делу серьезную организацию»<sup>188</sup>. К такой схеме организации закордонной агентурной работы подталкивало и почти полное отсутствие в распоряжении Главного морского штаба офицеров, способных обеспечить охрану эскадры в западноевропейских странах. «Своих немногочисленных агентов из бывших офицеров, – свидетельствует Штенгер, – [штабу] с трудом удалось подыскать и их послали в более отдаленные пункты – как например, в Красное море»<sup>189</sup>. Вероятно, именно это обстоятельство и навело Рожественского на мысль обратиться за содействием в Департамент полиции, по договоренности с которым с августа 1904 г. морское ведомство взяло на себя финансирование не только зарубежных российских резидентур, созданных по его прямому требованию, но и деятельность других тайных информаторов, завербованных чиновниками Департамента в западноевропейских японских дипломатических миссиях.

<sup>187</sup> АВПРИ. Ф. 150 (Японский стол). Оп. 493. Д. 265. Л. 13–14 об., 15–22 (Донесение посла в Швеции Е.К. Бюцова Ламздорфу, Стокгольм, 12 (25) июля 1904 г. № 509; копия с донесения Березникова Бюцову, (3) 16 июля 1904 г.).

<sup>188</sup> Цит. по: Новиков Н.В. Указ. соч. С. 97.

<sup>189</sup> Штенгер В.А. Указ. соч. С. 39.

## Миссия коллежского советника А.М. Гартинга

Советы дипломатов и пожелания военных моряков были встречены с пониманием, и дальнейшие шаги по линии МИД, Военного и Морского министерств стали мероприятиями, так сказать, второго плана. Основная же нагрузка по организации охраны 2-й Тихоокеанской эскадры в Западной и Южной Европе в итоге оказалась возложена на тайную политическую полицию. На эти цели полицейский Департамент в разное время получил от Морского ведомства 384 тыс. рублей из общего полумиллионного кредита, выделенного казной на охрану эскадры. В июне – июле 1904 г. за рубеж Департамент полиции командировал коллежского советника А.М. Гартинга и подполковника Отдельного корпуса жандармов В.В. Тржецяка, каждому из которых предстояло создать агентурную сеть для предотвращения ожидавшихся диверсий японцев, соответственно, на севере Европы и в районе черноморских проливов. Позднее, в середине октября 1904 г. секретное задание получил и другой полицейский чиновник – титулярный советник И.Ф. Манасевич-Мануйлов. На средства военно-морского ведомства он был направлен в Париж.

В отличие от большинства своих коллег во внешнеполитическом и военном министерствах, имевших официальный статус и пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью, чиновники Департамента полиции находились за рубежом на полулегальном или нелегальном положении, были снабжены подложными документами и свои донесения подписывали псевдонимами: Гартинг именовался англичанином «Арнольдом», а Тржецяк – служащим русского Добровольного флота «А.К. Цитовским». В своей переписке они пользовались либо русским «губернаторским» ключом, либо французским цифровым шифром. Мануйлов также свои донесения шифровал, но подписывал настоящим именем («Ivan»). Степень их «легальности» во многом зависела от характера взаимоотношений правительства данной страны и России, однако и в случае, когда эти взаимоотношения были вполне дружественными, они не могли действовать открыто во избежание международного скандала. Во всяком случае, продуктивная деятельность российских контрразведчиков часто была бы невозможна без неофициальной помощи со стороны высших должностных лиц ряда государств (в первую очередь, Франции и Дании) и без содействия российских штатских и военных дипломатов, с которыми у них, как правило, с самого начала складывались тесные деловые контакты.

Методы добывания информации, использовавшиеся ими, также могли быть не в ладах с законом. Помимо традиционного и неизбежного наружного наблюдения, если того требовали обстоятельства, практиковался подкуп должностных лиц и прислуги, подслушивание, перлюстрация частной и служебной корреспонденции, тайное копирование, а иногда и кража наиболее важных документов. В этом смысле российские контрразведчики были вполне солидарны со своими японскими коллегами – и те, и другие полагали, что в условиях войны «все средства допустимы», как заметил в одном из своих донесений Тржецяк<sup>190</sup>. Выбор именно этих чиновников для столь ответственной и деликатной миссии объяснялся не только их профессиональными качествами, но и опытом работы в подведомственном регионе: Гартинг к тому времени уже несколько лет заведовал агентурой Департамента полиции в Германии, а Тржецяк до 1903 г. в том же качестве работал на Балканах. Очевидно, что перед назначением кандидатуры всех троих были согласованы с адмиралом Рожественским и им одобрены.

А.М. Гартинг родился в 1861 г. в г. Пинске Минской губернии и до 33-х лет именовался потомственным почетным гражданином Авраамом-Аароном Мойшевичем Геккельманом. Как и некоторые другие крупные деятели российского тайного политического сыска, свою полицейскую карьеру он начал в качестве секретного сотрудника Петербургского охранного отде-

---

<sup>190</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 105.

ления и Департамента полиции; им он «освещал» деятельность столичных и эмигрантских студенческих и народовольческих кружков, в которых был известен под именем Ландезен. Затем Геккельман перешел в ведение заведующего Заграничной агентурой П.И. Рачковского, по указанию и на средства которого в 1890 г. с провокационной целью создал в Париже бомбовую мастерскую (за что французским судом был заочно приговорен к пяти годам тюрьмы). С тех пор он считался учеником Рачковского, который всецело ему доверял и неизменно покровительствовал. В 1894 г. император разрешил Геккельману, принявшему православие (крестным отцом был все тот же Рачковский), впредь именоваться Аркадием Михайловичем Гартингом, которого в 1895 г. Франция наградила орденом Почетного легиона. Во второй половине 1890-х годов «Аркаше», как его по-свойски называли в Департаменте полиции, доверяли уже настолько, что поручали охрану членов царствующего дома, включая самого Николая II и императрицу Александру Федоровну, во время их пребывания за границей. В 1901 г. по протекции Рачковского 40-летний Гартинг получает, наконец, самостоятельный пост – возглавляет созданную по инициативе того же Рачковского Берлинскую агентуру Департамента полиции. Вершиной его полицейской карьеры стало заведование Заграничной агентурой Департамента, которое продолжалось с 1905 по 1909 г. и прекратилось при скандальных обстоятельствах. Известный разоблачитель провокаторов, революционер-эмигрант В.Л. Бурцев установил, что Гартинг и создатель той самой, 1890-го г., парижской бомбовой лаборатории – одно лицо, и «Аркаше», к тому времени уже достигшему генеральских чинов (что для еврея было большой редкостью), пришлось бросить все и срочно «эвакуироваться» в Петербург. Через год он вышел в отставку, жил попеременно то в Петербурге, то за границей, где и осел окончательно после прихода к власти большевиков.

Район, в 1904 г. порученный наблюдению Гартинга, обнимал Балтийское и часть Северного моря и включал территориальные воды и прибрежную полосу четырех нейтральных государств: Дании, Швеции, Норвегии и Германии, причем обеспечивать безопасность эскадры ему предстояло как с суши, так и с моря. Категорическое предписание министра иностранных дел оказывать Гартингу «полное содействие» на всякий случай получили и российские консулы в Лондоне, Гулле, Ливерпуле и Кардиффе<sup>191</sup>. В июне 1904 г. Гартинг явился в Главный морской штаб с проектом организации охраны эскадры, но встретил там довольно прохладный прием. «При первом знакомстве с Гартингом, – вспоминал Штенгер, – он произвел на меня крайне отрицательное впечатление. Я определенно заявил сослуживцам, что этот чиновник в вицмундире не внушает доверия... Апломб у Гартинга был очень большой, говорил он очень много и развивал всякие планы, как он поведет охрану»<sup>192</sup>. Несмотря на это, проект Гартинга был принят. «При обсуждении в Главном морском штабе вопроса расходов, необходимых для организации вверенной мне охраны, – докладывал он, – полагалось, что охранная служба потребует около 30-ти человек и понадобится 2-3 парохода для крейсирования в Бельте, причем имелось в виду, что организация должна будет функционировать не более 3-х месяцев и расход был высчитан в 150 000 руб., каковая сумма была ассигнована Морским министерством»<sup>193</sup>. Более подробных инструкций Гартинг не получил («мне были преподаны указания лишь в общих чертах», – напишет он впоследствии) – все детали ему предстояло выяснить на месте и действовать в соответствии с обстановкой.

В начале июля Гартинг приехал в Копенгаген, устроил свой штаб в отеле «Феникс», развил кипучую деятельность и вскоре намного превзошел ранее намеченные масштабы своей организации. С помощью российских вице-консулов в приморских городах он создал свыше

<sup>191</sup> АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1127. Л. 86 (Шифрованная телеграмма секретаря российского посольства в Лондоне кн. П. Волконского российским консулам в Лондоне, Гулле, Ливерпуле и Кардиффе, Лондон, 2 (15) июня 1904 г.).

<sup>192</sup> Штенгер В.А. Указ. соч. С. 38.

<sup>193</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 2. Л. 165.

80 «сторожевых», или «наблюдательных» пунктов, в которых на него негласно работало до 100 человек местных жителей (вместо 30-ти запланированных); установил тесные связи с рядом шведских и датских пароходных и страховых обществ, 9 судов которых (вместо «2-3-х») были им зафрахтованы, чтобы с середины августа до середины октября 1904 г. крейсировать в датских и шведско-норвежских водах. Прежде, чем фрахтовать то или иное судно, Гартинг посылал его подробное описание и фотографию в Главный морской штаб, который и принимал окончательное решение о возможности его использования. Вообще по всем специальным морским вопросам Гартинг консультировался с Главным морским штабом, фактический глава которого, адмирал Вирениус, направлял ему свои ответные депеши от имени директора Департамента полиции Лопухина – конечно, с ведома последнего и по договоренности с ним<sup>194</sup>.

В момент прохождения основных сил 2-й эскадры число пароходов было увеличено до 12-ти, и Гартинг получил возможность непрерывно наблюдать в «своем» районе движение ее судов. Существенно облегчала его задачу поддержка, которой ему с помощью сотрудников российского посольства удалось заручиться в ряде датских министерств. В результате чиновники морского ведомства этой страны информировали Гартинга о подозрительных судах, замеченных в море с датских маяков, полицейские власти получили указание Министерства юстиции содействовать российскому агенту, а МИД и Министерство финансов, по его просьбе, требовали от таможи особо бдительно досматривать прибывающие из-за рубежа грузы и изымать взрывчатые вещества – напомним, что возможность минирования японцами балтийских проливов рассматривалась тогда как наиболее вероятная.

Одновременно с Гартингом и его агентурой в интересах охраны эскадры работали и сотрудники российских дипломатических миссий в Скандинавии. «Считаю долгом довести до сведения Вашего сиятельства, – писал в середине августа 1904 г. графу Ламздорфу российский посланник в Дании А.П. Извольский, – о разговоре, который я имел со здешним морским министром касательно предупреждения попыток со стороны японцев нанести вред нашей эскадре при предстоящем проходе ее из Балтийского в Немецкое море. Вице-адмирал Иёнке сказал мне, что, со своей стороны, им принят целый ряд мер для самого тщательного наблюдения за всем, что происходит в датских портах и водах: инструкции в этом смысле даны командирам всех датских военных судов, коронным лоцманам, чинам правительственной рыбной инспекции и служащим на маяках. О каждом подозрительном судне или другом явлении предписано доносить в Морское министерство, откуда сведения эти будут тотчас же сообщаться негласным образом вверенной мне миссии»<sup>195</sup>. Таким образом, датские военно-морские силы были негласно привлечены к обеспечению безопасности русской эскадры. По уверению датского корреспондента “Times”, в Копенгагене «никто не верил в реальную опасность» японских мин, благодаря чрезвычайным мерам предосторожности, принятым местными властями: «Даже в самых маленьких провинциальных городках ... каждый путешественник и иностранец наблюдался с бдительностью почти смехотворной»<sup>196</sup>.

Гартингу, однако, было не до шуток. Он регулярно, иногда по несколько раз в день докладывал Извольскому о ходе дела, сообщал ему имена датчан, характер и степень их участия в своей «сторожевой службе». В момент прохождения эскадры у берегов Дании такие доклады он делал российскому посланнику почти ежедневно, а тот, в свою очередь, информировал своего министра, а также императрицу-мать Марию Федоровну, датчанку по происхождению, которая

<sup>194</sup> Каждый из российских нелегальных агентов использовал свои способы тайной переписки с Петербургом. Тржецяк, например, многие свои донесения посылал на квартиру чиновника Департамента полиции В.С. Зыбина в виде частных писем, почему и не находил нужным их шифровать. Ответные шифрованные телеграммы направлялись ему на имя посла И.А. Зиновьева в российскую миссию в Константинополе без упоминания имен не только Тржецяка, но и Цитовского – о том, что депеша предназначалась Тржецяку, в посольстве узнавали по подписи «Lopoukchine».

<sup>195</sup> АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра). Оп. 470. Д. 24. Л. 103–104.

<sup>196</sup> The Times. 1904. October 24 (No. 37533). P. 3.



в тот момент гостила в Дании. Личная заинтересованность в этом деле вдовствующей императрицы лишала Гартинга возможности избавиться от такого назойливого и, по его мнению, чрезмерного внимания к своей персоне руководителя российской миссии в Копенгагене.

В Швеции под непосредственным руководством Гартинга действовал консул Березников, который по позднейшему отзыву Департамента полиции, «способствовал принятию мер к благополучному проследованию эскадры, причем для получения ближайших указаний неоднократно ездил в Копенгаген к командированному по этому делу чиновнику Департамента полиции»<sup>197</sup>. На это время в ведение консула был передан информатор из японской миссии в Стокгольме, который по заданию российского Департамента полиции был завербован агентом французского Разведочного бюро в августе 1904 г. («гонорары» этого информатора также оплачивались из секретных сумм Морского министерства). Содействие Гартингу оказывали военный атташе в странах Скандинавии полковник А.М. Алексеев и Генеральный консул России в Норвегии. «Шведское правительство, подобно датскому, – докладывал в Главный штаб полковник Алексеев, – с официальной стороны имеет наблюдение за деятельностью прибывающих в Скандинавию неурочных японцев»<sup>198</sup>.

Вскоре из Скандинавии в Петербург стали приходить тревожные известия. «Из поступивших за последние три недели донесений консулов и собранных сведений о появлении на берегах Балтийского моря японцев видно, что они продолжают прибывать поодиночке, по два ... и продолжают направляться в Швецию и Норвегию, – докладывал Алексеев. – <...> В чем заключается деятельность приезжих в Швецию, еще не констатировано, но можно думать, что она носит разведочный шпионский характер». «Организованное г-ном Гартингом фактическое наблюдение за побережьем скандинавских и датских вод ... уже вполне функционирует и получаемые им сведения направляются в Главный морской штаб», – заключал свой рапорт русский военный атташе<sup>199</sup>. Худшие опасения подтвердило появление в балтийских проливах миноносцев без опознавательных знаков, неоднократно зафиксированное наблюдателями Гартинга с моря и с суши. В начале сентября под видом туриста туда неожиданно явился японский военноморской атташе в Германии капитан Такикава в компании с двумя немцами. Один из них, отставной лейтенант прусского флота Цигер (Zieger), ночью с мыса Скаген тайно подавал кому-то фонарем сигналы в море, а сам Такикава сносился с секретарем японской миссии в Берлине шифрованными телеграммами. Японский офицер и его сообщники были сразу взяты под наблюдение, вскоре арестованы датскими властями и выдворены из страны. «Газеты пишут, что офицер японского флота арестован в Копенгагене по подозрению в шпионаже. Пожалуйста, ответьте, есть ли он наш военноморской атташе», – шифром запросил Митцухаси своих коллег в Берлине 8 (21) сентября<sup>200</sup>.

В Главном морском штабе на сообщения Гартинга реагировали двояко. Не имея возможности проконтролировать полицейского чиновника, штабные офицеры терзались сомнениями, не морочат ли им голову и не напрасно ли тратятся в Скандинавии казенные средства. По словам Штенгера, Гартинг «не упускал случая нам представлять все более и более страшные агентурные сведения, якобы им полученные. Денег он изводил уйму, уезжая в Швецию и организуя там охрану ... было ли это, однако, так в действительности, – сказать затрудняюсь. ... И хотя закрадывалось большое сомнение в справедливости его сведений, но надо отдать ему справедливость – он умел хорошо придать всему оттенок правдоподобия, а так как проверить его не было никаких средств, то и приходилось, поневоле, все же с его сообщениями считаться»<sup>201</sup>.

<sup>197</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 1, ч. 6. Л. 35–35 об.

<sup>198</sup> Рапорт военного агента в Копенгагене и Стокгольме Генерального штаба полковника Алексева начальнику военного статистического отдела Главного штаба, 17 августа 1904 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 188.

<sup>199</sup> Там же.

<sup>200</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 49. Л. 129.

<sup>201</sup> Штенгер В.А. Указ. соч. С. 38–39.

Оснований для подобных подозрений не было никаких, зато в полной мере сказывалась обычная «ревность» штабных к штатскому «чужаку». Судя по всему, несмотря на выдающуюся энергию и работоспособность самого Рожественского, в его штабе и тогда, и позднее царила рутинно-канцелярская обстановка, увы, типичная для такого рода учреждений. «Насколько адмирал, не пропускавший мимо ушей ни одного замечания, все помнивший, обо всем думавший, всецело отдававшийся мысли и заботе об успешном ходе военных действий, возбуждал симпатию... – свидетельствует очевидец, – настолько же его штаб производил впечатление типичного штаба мирного времени ... со всей его важностью и замкнутостью, мелкими интригами и той особой, ревнивой охраной своей части делопроизводства от всякого постороннего вторжения, которая служит главной основой канцелярской тайны. Не только сделать самостоятельный доклад, но даже просто в присутствии адмирала высказать свое мнение, подать совет по поводу какого-либо мероприятия, – значило возбудить против себя глубокое негодование соответственного специалиста»<sup>202</sup>. Формирование 2-й эскадры и подготовка ее к выходу в море сопровождались появлением огромного количества распоряжений, директив, приказов, схем, инструкций и прочих бумаг. С мая по сентябрь 1904 г. включительно штаб командующего издал свыше 400 циркуляров по самым разным вопросам, не считая тетради секретных схем<sup>203</sup>, которыми, казалось, была предусмотрена любая неожиданность и регламентирован каждый шаг моряков в походе. Однако, недоверчиво отнесясь к информации Гартинга, морские штабисты «забыли» сообщить ему систему сигналов для переговоров эскадры с кораблями его агентуры во время движения через балтийские проливы. Это упущение чуть было не обернулось серьезной аварией нескольких кораблей эскадры, включая флагманский броненосец.

Сам Рожественский, за плечами которого была хорошая школа военно-разведывательной работы (в 1891—1894 гг. он служил военно-морским атташе в Великобритании), другие старшие офицеры 2-й эскадры, а также руководитель Главного морского штаба адмирал Вирениус сведениям Гартинга доверяли, к его информации прислушивались и его усилия ценили. На прямой вопрос, что сделано для обеспечения безопасности эскадры, начальник штаба Рожественского заверил, что «все меры приняты»: «Помимо наблюдения со стороны датских военных судов, оберегающих нейтралитет своих территориальных вод, – сообщил капитан 1-го ранга К.К. Клапье-де-Колонг, – у нас организована и своя собственная охрана как с берега, так и на воде при посредстве специально зафрахтованных пароходов, которые крейсируют в проливе и будут смотреть, чтобы какие-нибудь подозрительные суда не набросали мин на пути эскадры перед самым ее проходом»<sup>204</sup>. Думается, что вполне разделял опасения Рожественского и император, которому МИД и МВД регулярно направляли переписку со своими чиновниками по этому вопросу, как и расшифрованные тексты секретных телеграмм японских дипломатов. За свою титаническую работу по формированию и оснащению 2-й эскадры и подготовке ее выхода в море ее командующий заслуживал поощрения еще до начала экспедиции («Если Балтийский флот оказался способен выйти в поход, то только благодаря Рожественскому и никому другому», – признавала даже “Times”<sup>205</sup>), но с этой наградой Николай предпочел несколько повременить. С присвоением звания вице-адмирала и «своим генерал-адъютантом» он поздравил его только, когда балтийские проливы были уже позади. Свой новый, вице-адмиральский флаг Рожественский поднял на «Князе Суворове» в полночь с 5 (18) на 6 (19) октября 1904 г.

Выход армады Рожественского в море неоднократно откладывался (согласно первоначальному плану, она должна была начать свой поход еще в июне), но 2 (15) октября 1904 г.,

<sup>202</sup> Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 236.

<sup>203</sup> Там же. С. 259.

<sup>204</sup> Там же. С. 242.

<sup>205</sup> Цит. по: The Japan Times. 1904. December 3 (No. 2334). P. 6.

наконец, состоялся. Из Либавы эскадра под водительством двух десятков датских лоцманов направилась к балтийским проливам, соблюдая меры предосторожности: впереди основных сил шли тральщики и отряды миноносцев, отгонявшие встречные суда, которые броненосцы провожали дулами своих орудий. Иностранные государства были официально извещены, что их коммерческие пароходы при встрече с русскими военными кораблями должны немедленно поднимать свои национальные флаги. Сторожевым катерам был отдан приказ стрелять в любое подозрительное судно, а основным силам – находиться в полной боевой готовности. Зарубежная печать привела случай, когда некая норвежская шхуна, которая немного промедлила с предъявлением эскадре своей национальности, тут же была «приведена в чувство» холостыми выстрелами<sup>206</sup>. Впрочем, от крутого адмиральского нрава не меньше доставалось и «своим» – стоило ледоколу «Ермак», который занимался тралением мин, замешкаться с выполнением какой-то команды флагмана, как Рождественский приказал стрелять ему под корму, но уже не холостыми, а боевыми снарядами.

Как ни странно, для иностранных наблюдателей выход эскадры Рождественского в море оказался неожиданностью. Так, японская печать (со ссылкой на британскую) экстренно сообщила о нем только 4 (17) октября, одновременно перепечатав информацию из Берлина, согласно которой русские корабли, едва выйдя из Либавы, тут же вернулись назад. Слухи об отъезде эскадры продолжали циркулировать в прессе и на следующий день; состав армады газеты и иностранные наблюдатели сообщали гадательно.

Еще до выхода в открытое море офицеры были предупреждены о грозящей эскадре опасности, и с первых дней похода на кораблях царила нервная обстановка: вглядывались в каждый встречный корабль, следили за горизонтом, тщательно исследовали «малейшее пятнышко на воде»<sup>207</sup>. На почтительном расстоянии от эскадры, но в пределах ее видимости, следовали пароходы и яхты «флотилии» Гартинга, непрерывно наблюдавшие за прохождением армады военных кораблей. Тут же находился датский крейсер, канонерские лодки и миноносцы. «Опасаясь мин, – записал в своем дневнике 3 (16) октября офицер крейсера “Алмаз” князь А. Чегодаев. – Японские мины могут ставиться на несколько часов, после чего они тонут; такие мины, брошенные впереди идущим кораблем ... могут взорвать нас»<sup>208</sup>. Все эти опасения оказались напрасными, и к 7 (20) октября суда эскадры благополучно миновали Большой Бельт и встали на якорь у мыса Скаген. 8 (21) октября из Гааги в Токио полетело шифрованное донесение Митцухаши: «4 броненосца, 8 крейсеров и 7 миноносцев прошли датские проливы»<sup>209</sup>. На следующее утро Митцухаши от имени своего правительства заявил датским властям официальный протест по поводу «обстоятельств», которыми сопровождался проход через датские воды русских военных кораблей (этот дипломат был одновременно аккредитован и в Гааге, и в Копенгагене).

Попутно с выполнением своей основной задачи сторожевые корабли Гартинга оказали эскадре Рождественского ряд других ценных услуг. Так, им удалось предотвратить аварию флагманского броненосца «Князь Суворов», едва не наскочившего на мель. «Это произошло следующим образом, – рассказывал Гартинг, – сторожевой пароход “Исбиорн” нес свою службу

<sup>206</sup> The Times. 1904. October 24 (No. 37533). P. 3.

<sup>207</sup> *Поликовский Е.С.* От Либавы до Цусимы: письма к жене флагманского корабельного инженера 2-й Тихоокеанской эскадры Е.С. Поликовского. Посмерт. изд. СПб., 1906. С. 3—8; РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3126. Л. 82—83 об. (Письмо младшего врача броненосца «Император Александр III» Б. Бертенсона к отцу от 10 октября 1904 г.); ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 49—49 об. (Письмо Неймана с крейсера «Алмаз» в Москву от 12 октября 1904 г. (перлюстрировано Департаментом полиции)).

<sup>208</sup> *Чегодаев-Саконский А., князь.* На «Алмазе». От Либавы через Цусиму – во Владивосток. М., 1910. С. 4. Качественно, о котором пишет этот мемуарист, обладали мины Уайтхеда (Whitehead), разработанные еще в 1880-е годы и в начале XX в. находившиеся на вооружении японского ВМФ.

<sup>209</sup> АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 49. Л. 136. На самом деле датские проливы на тот момент прошли 7 русских броненосцев, 6 крейсеров, 8 миноносцев и 5 транспортных судов.

вблизи Ревснес, недалеко от мелководной местности, называемой Хатербар, и заметил, что броненосец “Дмитрий Донской”<sup>210</sup> и транспорт “Корея” держали курс на эту мель, но, не имея достаточной быстроходности, “Исбиорн” не успел предупредить о сем указанные суда, но зато датский миноносец “Зебиорнен” пошел навстречу и сообщил о грозящей опасности. Сперва русские суда отнеслись недоверчиво к этому предупреждению, но затем, заметив свою ошибку, должны были повернуть обратно и обойти это место. Через несколько времени наш сторожевой пароход “Исбиорн”, видя, что и последующая часть броненосцев следует по тому же опасному направлению и не имея сигналов для переговоров с русской эскадрой, нашел единственный исход лечь поперек пути перед мелью Хатербар и этим маневром спас шедший во главе эскадры броненосец “Князь Суворов” от значительной аварии, заставив таковой после переговоров при посредстве одного из миноносцев совершенно изменить направление пути».

Миссия Гартинга закончилась в середине ноября 1904 г., вскоре после того, как подведомственный ему район благополучно миновал отряд капитана 1-го ранга Л.Ф. Добровольского, составленный из кораблей эскадры, по тем или иным причинам задержавшихся в Либаве. В общем, свою задачу Гартинг успешно выполнил, что он с законной гордостью и констатировал в своем итоговом докладе в Департамент полиции, одновременно заметив, что не только уложился в смету, утвержденную Морским министерством, но и сэкономил казенные средства, в общей сложности потратив на свою «агентуру» менее 125 тыс. рублей. Свой итоговый финансовый отчет он позднее представил в Главный морской штаб, который его и утвердил<sup>211</sup>. Уезжая из Копенгагена, Гартинг передал часть своей агентуры здешнему российскому военному атташе полковнику Алексееву, а сам вернулся к месту основной службы – в Берлин.

Как безусловно успешную его скандинавскую миссию оценили и в Петербурге. По ее итогам Гартинг получил щедрое денежное вознаграждение, вскоре был повышен в чине и в начале 1905 г. назначен начальником IV секретного отделения Особого отдела Департамента полиции. В том же 1905 г. он стал заведующим Заграничной агентурой Департамента, возглавив, таким образом, одно из ключевых подразделений российской тайной политической полиции. «Считаю приятным для себя долгом поставить Вас в известность, – писал ему в Берлин 20 декабря 1904 г. директор Департамента полиции Лопухин, – что по всеподданнейшем докладе Морским министерством 13 сего декабря его императорское величество соизволили разрешить выдать Вам денежное вознаграждение в размере 10 000 рублей за успешное и вместе с тем экономное исполнение столь тяжелой и сложной задачи по организации охраны пути следования 2-й эскадры флота Тихого океана ... Вместе с сим и.д. начальника Главного морского штаба контр-адмирал Вирениус просил передать Вам искреннюю его признательность за успешное ведение порученного Вам дела и то предупредительное отношение, с которым Вы шли всегда навстречу желаниям Морского министерства»<sup>212</sup>.

По представлению Гартинга, 25 его агентов шведов, немцев и норвежцев были награждены российскими орденами или получили ценные подарки «из кабинета его величества». Награждение его агентов-датчан прошло по ведомству Ламздорфа – на этом специально настоял Извольский. Не был забыт и консул Березников. Когда в апреле 1907 г. уже в чине статского советника он назначался вице-директором одного из департаментов МИД, особое внимание было обращено на его заслуги тех лет.

В позднейших исторических сочинениях нередко утверждалось, что своими сообщениями Гартинг по старой провокаторской привычке намеренно вводил в заблуждение петербургское начальство и этим фактически спровоцировал обстрел эскадрой Рождественского английских рыбаков. «Эскадра, – писал Н.В. Новиков, – попала во власть провокации». Согласно

<sup>210</sup> В действительности «Дмитрий Донской» классифицировался как броненосный крейсер.

<sup>211</sup> См.: РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3144. Л. 165–168 об.

<sup>212</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 11. Л. 173.

этой же точке зрения, скандинавские агенты Гартинга, его сторожевые корабли, «а с ними и суммы, издержанные на их содержание», имели «реальное значение» лишь в его отчетах<sup>213</sup>. В статье, опубликованной в 1935 г. в эмигрантских «Последних новостях», публицист А. Лукин вполне соглашался с выводами своего советского коллеги: «вокруг эскадры сплошной туман провокации», все сообщения Гартинга «являлись сплошной и наглейшей фальсификацией агентов охранки» и т.п.<sup>214</sup> Предоставляем читателю судить, мог ли Гартинг в описанных условиях желать и имел ли возможность поступать таким образом, и чем для него могли закончиться подобные «шалости». Нелишне обратить внимание и на то, что «гулльский инцидент» произошел далеко за пределами зоны ответственности его «охранной» службы и спустя несколько дней после выхода эскадры из нее. Если и обвинять кого-либо в «приведении адмирала Рожественского в нервное состояние», то одним этим полицейским чиновником ограничиться никак невозможно.

---

<sup>213</sup> Новиков Н.В. Указ. соч. С. 100, 103. Того же, что Новиков, мнения придерживаются В.Ю. Грибовский, В.П. Познахирев, И.Н. Кравцев, многие другие отечественные и все известные нам зарубежные исследователи. Разновидностью этой точки зрения является версия, изложенная авторами многотомных «Очерков истории российской внешней разведки», а вслед за ними и Е.Ю. Сергеевым (в вышеупомянутой англоязычной книге 2007 г. издания). Ни словом не помянув Гартинга в деле охраны 2-й Тихоокеанской эскадры (что само по себе требует большого искусства), всю ответственность за «гулльский инцидент» они возложили на Мануйлова, который, напомним, добыл некоторые документы, раскрывавшие замыслы японцев на этот счет. «Какой-либо реальной угрозы эскадре Рожественского со стороны японцев в европейских водах, конечно, не было и быть не могло (! – Д.П.), – утверждают специалисты по истории российской внешней разведки. – “Информация” Мануйлова, по всей видимости, представляла собой его собственную выдумку или ловко подsunутую дезинформацию противника, которая чуть не привела к разрыву дипломатических отношений с Великобританией» (Очерки истории российской внешней разведки. Т. 1. С. 211–212). Таким же фантастическим является сообщение Е.Ю. Сергеева о том, будто с японской стороны главным наблюдателем «всех маневров русской флотилии» после ее выхода из Либавы был... полковник М. Акаси (см.: *Sergeev E. Y. Russian Military Intelligence in the War with Japan, 1904–05: Secret Operations on Land and at Sea*. London; New York, 2007. P. 142). Его деятельности в России и Западной Европе посвящена следующая глава этой книги, здесь же отметим, что делами 2-й эскадры он вообще не занимался.

<sup>214</sup> Лукин А. «Гулльский инцидент» и охранка // Последние новости. 1935. 16 сент.

## Происшествия в Северном море

Утром в четверг 7 (20) октября 1904 г. к датскому мысу Скаген, где эскадра остановилась, чтобы пополнить запасы угля, подошел транспорт «Бакан», возвращавшийся из похода по охране промыслов в Ледовитом океане. Его командир рассказал Рождественскому, что накануне ночью видел в море четыре миноносца, шедших под одними топовыми огнями, «чтобы их издали принимали за суда рыбаков». Адмирал передал это известие командирам кораблей эскадры и приказал еще больше усилить бдительность. За последний месяц это был уже четвертый известный ему случай, когда в районе балтийских проливов капитаны судов разных стран, смотрители маяков или рыбаки замечали какие-то миноносцы. Все они выглядели необычно и вели себя подозрительно: не имели флагов, а часто (в темное время суток) – и огней, стремились действовать скрытно, на запросы не отвечали, а при попытке приблизиться к ним поспешно удалялись. При этом по наводившимся справкам оказывалось, что военные суда сопредельных стран (Дании, Швеции, Норвегии и Германии) в эти дни либо находились в других местах, либо в море вообще не выходили.

Обеспокоенный адмирал тут же решил изменить расписание движения эскадры. Днем 7 (20) октября с флагманского броненосца было отдано распоряжение немедленно прекратить погрузку топлива и подготовиться в дальнейший путь. Восемью орудийными выстрелами «Князя Суворова» командующий сигнализировал: «Усилить бдительность». «Среди офицеров и матросов, – вспоминал унтер-офицер А.С. Новиков с броненосца «Орел», – начались таинственные разговоры, передаваемые шепотом, с испугом в глазах. Оказалось, такая спешка была вызвана тревожными слухами о приближении к нам подозрительных миноносцев»<sup>215</sup>. Во второй половине того же дня, на сутки раньше запланированного срока и не закончив погрузку угля, армада Рождественского спешно снялась с якоря и вошла в Северное море, двигаясь шестью эшелонами. «Мы находились в душевном смятении, – пишет Новиков. – Сотни глаз пристально смотрели по сторонам, подозрительно провожали каждый встречный пароход, стараясь определить, не враг ли это приближается ... Офицеры и команда с минуты на минуту ждали нападения»<sup>216</sup>. С наступлением темноты огней на кораблях зажигать не стали, спать улеглась только часть команды – остальные дежурили у заряженных орудий. Однако ночью ничего подозрительного в море замечено не было.

День пятницы 8 (21) октября прошел без всяких происшествий, хотя русские корабли встретили множество иностранных рыболовных и коммерческих судов. Стремясь миновать оживленные торговые пути, адмирал повел эскадру не прямо на Ламанш, а взял на 50–60 миль севернее, в направлении Доггер-банки, на которой постоянно, круглый год шел лов трески, палтуса и сельди, и в этом, вероятно, заключался его главный промах<sup>217</sup>. Вечером отставший из-за поломки машины транспорт «Камчатка» по радио сообщил флагману, что его атакуют «около восьми» миноносцев, один из которых подошел «ближе кабельтова и более», т.е. почти вплотную, на расстояние менее 180 метров. На «Суворове» предположили, что противник, сбитый с толку более ранним, чем намечалось, уходом эскадры от Скагена, пустился вдогонку и в темноте ошибочно принял эту плавучую мастерскую за боевой корабль. Вместе с тем, полученное известие было до такой степени невероятно, вспоминал летописец эскадры, «что в первый момент вызвало только недоумение. В самом деле: если даже на нашем пути действительно были японцы, то разве только обладая даром ясновидения они могли признать в одиноко иду-

---

<sup>215</sup> Новиков-Прибой А. Цусима. Фрунзе, 1984. С. 76.

<sup>216</sup> Там же. С. 77.

<sup>217</sup> «Извиняет» Рождественского только то, что невозможно было заранее предугадать, в какой части этой обширной отмели (свыше 500 км в длину и около 70-ти в ширину) в тот момент находились рыбаки.

щей “Камчатке” корабль, принадлежащий к русской эскадре. Поручкой тому служила ее внешность коммерческого парохода (и к тому же пребезобразного!) ... Какой смысл было нападать на нее? Разве ее потопление могло бы остановить движение эскадры?»<sup>218</sup>.

Несмотря на эти сомнения, по отряду был дан сигнал командующего «Ожидать атаки миноносцев с кормы», на судах пробили боевую тревогу. Затем «Камчатка» телеграфировала, что уходит от вражеских миноносцев 12-узловым ходом. Это выглядело еще более невероятным: на флагмане знали, что в действительности она и на двух-то машинах едва тянула 10 узлов (12 узлов составляли «паспортную» скорость этого 7200-тонного транспорта), почему и отстала; во-вторых, оторваться от миноносцев даже со скоростью 12 узлов было невозможно – любой из них был способен двигаться по крайней мере вдвое быстрее. На «Суворова» заподозрили, что в его радиопереговорах участвует противник. Эти подозрения переросли в уверенность, когда «Камчатка», получив курсовое указание, тем не менее, стала настойчиво интересоваться координатами отряда броненосцев Рождественского. Запрашивать подобные сведения в открытом эфире вблизи противника было по меньшей мере легкомысленно. В ответ флагман запросил у «Камчатки» полные фамилию, имя и отчество одного из ее офицеров. Переговоры тотчас прекратились, и в 23:20 плавучая мастерская уже шифром телеграфировала, что нападавшие скрылись. Зато корабли одного из передовых отрядов вскоре передали, что «заметили четыре подозрительных миноносца без огней»<sup>219</sup>.

Прошло еще полтора часа, и уже глубокой ночью вахтенные «Князя Суворова», который возглавлял последний (шестой) отряд эскадры, разглядели «быстро надвигающиеся расходящимися курсами силуэты малых судов без всяких огней». Очевидно, это были те самые миноносцы, которых незадолго перед тем видели впереди, а еще раньше на «Камчатке». Рассмотрев их в ночные бинокли и осветив прожекторами, «Суворова», а за ним и остальные три броненосца отряда открыли огонь. Миноносцы шли на предельной скорости – это было заметно по тому, как низко стлался дым их коротких труб. В тот момент броненосцы Рождественского находились в нейтральных водах – на Доггер-банке, вблизи флотилии английских рыбацких баркасов. Эти маленькие парусно-паровые однотрубные пароходики неспешно (со скоростью 2—2,5 узла) маневрировали, рыбацкий «адмирал» с траулера “Ruff” зеленой ракетой дал сигнал к заброске сетей. Неподалеку, примерно в двух тысячах метров слева от колонны броненосцев, но невидимые в темноте и тумане попутным броненосцам курсом шли крейсера «Дмитрий Донской» и «Аврора» отряда младшего флагмана контр-адмирала О.А. Энkvиста. Об их присутствии на «Суворова» не подозревали – по плану этот отряд должен был находиться в 50-ти милях впереди (он замедлил ход, поджидая «Камчатку»), да и бортовых огней по-прежнему не зажигал.

Предоставим слово адмиралу Рождественскому для рассказа о том, что произошло потом: «Тотчас же уклонившись от курса, на котором могли быть брошены плавучие мины, “Суворова”, а за ним и весь отряд начал светить боевыми фонарями. Как только в луч прожектора попал паровой рыбацкий барказ, поднимавший топочные огни в то самое время, как был освещен. Несмотря на подозрительность действий этого барказа, луч правого прожектора был поднят на 45°, что означало “не стрелять по этой цели”. Соответствующую команду “не стрелять по паровому барказу” был остановлен на “Суворова” огонь правого борта, который уже не имел никакой другой цели, и отдано было приказание сделать общий сигнал “не стрелять по паровым барказам”».

В это время на левом траверзе зажглись два светивших на отряд прожектора крейсеров “Дмитрий Донской” и “Аврора”, и “Дмитрий Донской” показал свои позывные. Тогда из опасения, что перелетающие и рикошетирующие снаряды задних кораблей отряда могут попадать

<sup>218</sup> Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 253.

<sup>219</sup> Политовский Е.С. Указ. соч. С. 9.

в свои, на броненосце “Суворов” поднят был вверх также и луч боевого фонаря с левой стороны и сделан был общий сигнал “прекратить стрельбу”, что и было исполнено немедленно. ... Вся стрельба продолжалась менее десяти минут.

Результаты стрельбы неизвестны. По некоторым из собранных показаний, миноносец, бежавший по правому борту, должен был сильно пострадать, а левый скрылся удачно<sup>220</sup>. Могли пострадать и находившиеся на месте происшествия паровые бота рыбаков, но нельзя было не отгонять всеми средствами атакующих миноносцев из опасения причинить вред неосторожно вовлеченным в покушение судам мирных граждан, из которых некоторые, бросаясь поперек курса отряда, забывали на время зажигать свои отличительные огни рыболовных судов. Ввиду подозрительных движений рыбацких паровых барказов и не имея уверенности в том, что все участвовавшие в покушении миноносцы устранены, я предоставил участь пострадавших заборткам их товарищей»<sup>221</sup>.

Таинственные суда скрылись в темноте, а броненосцы продолжили путь, опасаясь повторения атаки. Суматоха на кораблях улеглась, и русские военные моряки начали гадать, что же с ними произошло. «Среди офицеров, собравшихся в кают-компаниях и горячо обсуждавших происшествие, – продолжает рассказ Рождественского другой очевидец с “Суворова”, – господствовало три разноречивых мнения. Одни утверждали, что своими глазами видели миноносцы, прикрывавшиеся рыбацкими пароходами и атаковавшие эскадру, что один из них был сильно поврежден, а другому попало. Среди них был и лейтенант В.<sup>222</sup>, человек достоверный, изрядно понюхавший пороху в прошлую, китайскую, кампанию, но особенно горячился старший доктор Н., главным образом напиравший на то, что он был зрителем, не командовал, не распоряжался, а только смотрел в бинокль; он утверждал, что нельзя же допустить, чтобы он, много плававший, хорошо знающий флот, не мог отличить рыбацкий пароход от такого характерного типа, как миноносец!.. Вторые высказывали мнение, что миноносцы, может быть, и были, но, будучи своевременно открыты, удрали и вместо них в горячке попало рыбацким судам. Наконец, третьи опасались, как бы вся история не оказалась прискорбным недоразумением ... Должен сознаться, что в то время я склонялся на сторону последних ... Впоследствии на основании вновь обнаружившихся фактов взгляды мои резко изменились»<sup>223</sup>.

Но злоключения эскадры в европейских водах этим не кончились. «9 октября около 3-х часов дня на меридиане Амстердама приблизительно, – писал 12 (25) октября офицер с крейсера “Алмаз”, – мы перехватили своим беспроволочным телеграфом депешу на голландском языке, латинскими буквами: “Завтра с рассветом Английским каналом проходит русский отряд из трех разведчиков – воспрепятствуйте проходу”. Телеграмма касалась, очевидно, нас. Сообщили на [крейсера] “Светлану” и “Жемчуг” и приготовились к отражению минной атаки. Зарядили орудия, потушили все огни, чтобы не быть заметными, придержались ближе к французским берегам – нейтральной зоне, и так ночью прошли благополучно – нас не заметили»<sup>224</sup>. В ночь на 13 (26) октября, когда броненосцы Рождественского подходили уже к испанскому

<sup>220</sup> Обращает на себя внимание сходство этого нападения (если оно действительно имело место) с действиями японских миноносцев против русских кораблей на рейде Порт-Артура поздним вечером 26 января 1904 г.: торпедная атака там также была проведена ночью, на цель миноносцы выходили с потушенными огнями и действовали поодиночке. Все это объяснялось господствовавшими тогда представлениями о возможностях боевого использования этого типа кораблей. По словам морского обозревателя газеты «Биржевые ведомости», миноносец – «это морской хищник, который может одолеть врага не в регулярном бою, а схватив его врасплох за горло» (Биржевые ведомости. 1904. 13 (26) окт. (№ 525)); «единственное разумное употребление миноносцев – это ночные атаки», – вторил ему «Прибой» (Н.Л. Кладов) со страниц «Нового времени» (Новое время. 1904. 6 (19) марта (№ 10059). С. 2). Близко подходить к цели миноносцы вынуждала не только плохая ночная видимость, но и ограниченная дальность тогдашних торпед, которая не превышала 10 кабельтовых, или примерно 2 км.

<sup>221</sup> Здесь и далее без специальных отсылок цитируются документы, помещенные в Приложении к настоящей книге.

<sup>222</sup> Имеется в виду П.А. Вырубов, младший минер на «Князе Суворове». Во время цусимского боя отказался покинуть тонущий броненосец и погиб от прямого попадания японского снаряда.

<sup>223</sup> Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1–2]. С. 257–259.

<sup>224</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 49 об.



порту Виго, рассказывал по горячим следам корреспонденту газеты «Русь» офицер «Вл.» (лейтенант П.Е. Владимирский?), «мы опять ясно видели (ночь была ясная, лунная) три миноносца. Они появились сзади эскадры и догоняли ее, но как только на концевом корабле открыли прожекторы, так миноносцы поспешно повернули и скрылись. Маневр вполне понятный, так как атаковать вдогонку – предприятие безумное»<sup>225</sup>. Отряд Добротворского, проходивший Северное море 11 (24) ноября, также столкнулся с некоторыми странностями. «Не раз в Немецком море, – докладывал командир отряда Рождественскому, – по беспроволочному телеграфу вызывались то [крейсер] Олег, то [миноносец] Грозный, то [крейсер] Рион с просьбой указать место нахождения, но так как мною было приказано делать позывные ... то ясно, что вызывали не наши суда, а кто-то другие, что впоследствии при встрече и подтвердилось»<sup>226</sup>. К счастью, у Добротворского этим дело и ограничилось.

Вскоре стало известно, что жертвами «гулльского инцидента» стали английские рыбаки. Двое из них (40-летний шкипер Джордж Смит (G.H. Smith) и матрос Уильям Легготт (W.R. Leggott) 28 лет) были убиты, шестеро англичан тяжело ранены; один рыболовный траулер («Crane») был потоплен, а пять других повреждены. Не избежали ущерба и русские военные корабли. Пять снарядов малого калибра, выпущенных броненосцами, перелетели цель и попали в крейсер «Аврора». Судовому батюшке иеромонаху о. Анастасию оторвало левую руку (через несколько дней от начавшейся гангрены он скончался и был похоронен в Танжере) и оказался легко ранен комендор Шатило. Таковы были первые потери 2-й эскадры на ее многотрудном, поистине крестном пути, который закончился в мае 1905 г. в Цусимском проливе гибелью половины ее личного состава и большинства кораблей.

Происшествие на Доггер-банке случилось в ночь на субботу 9 (22) октября, и хотя агентство Рейтер передало известие о «нападении русских военных кораблей на английских рыбаков» воскресным вечером 10 (23) октября (впопыхах вдвое преувеличив количество пострадавших англичан), мир узнал о нем из газет только в понедельник утром. В тот же понедельник 11 (24) октября Рейтер сообщил о возвращении домой рыбаков геймкокской и «великой северной» флотилии (*Game Cock and Great Northern Fleet*) и передал содержание взятого у них тут же интервью. «Пришедшие вчера вечером в док Св. Андрея рыболовные суда “Moulmein” и “Mino”<sup>227</sup>, – говорилось в телеграмме агентства, – представляли беспримерное зрелище. Суда были пробиты пулями ... Капитан “Moulmein” сообщил, что рыболовная флотилия стояла в час ночи на 22 октября в 220 милях к востоку от Спурхеда<sup>228</sup>. Несмотря на темноту и туман, были замечены очертания нескольких больших судов, идущих в кильватерной колонне. В то время, как рыбаки смотрели на эскадру<sup>229</sup>, внезапно засветили электрические прожектора. Рыбаки увидели, как приблизились суда, показавшиеся им миноносцами, как они подошли к “Moulmein” как будто для того, чтобы пристать к нему. Затем миноноски соединились с эскадрой, которая вслед за этим открыла огонь. Канонада длилась 20 минут. Эскадра прошла дальше на юг». Тут же рыбаки сделали еще одно важное заявление, переданное тем же агентством: «Когда русская эскадра удалилась, то один из ее кораблей остался на месте происшествия и наблюдал за рыболовными судами до 6 часов утра 22 октября»<sup>230</sup>. 22–23 октября из Гулля в Форин офис были направлены: телеграфом – официальное извещение о происшествии от владельца Геймкокской рыбацкой флотилии и почтой – письмо с описанием инцидента ее «адми-

<sup>225</sup> Русь. 1904. 26 окт. (8 нояб.) (№ 315).

<sup>226</sup> РГА ВМФ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 53. Л. 16.

<sup>227</sup> Официальное название этого траулера: “Minnow”.

<sup>228</sup> Правильно: “Spurn Head”.

<sup>229</sup> Как выяснилось впоследствии, многие из них приняли русские корабли за британские военные суда, которые возвращались домой с учений, – об этих маневрах накануне писали британские газеты.

<sup>230</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 436; The Times. 1904. October 24 (No. 37533). P. 7; October 25 (No. 37534). P. 8.

рала», 36-летнего Томаса Карра (Th. Carr). В три часа ночи 24 октября в Лондон прибыла делегация гульских рыбаков, чтобы представить правительству факты о произошедшей трагедии. Несмотря на ранний час, на платформе *King Cross* их уже поджидала толпа журналистов<sup>231</sup>.

В течение всей следующей недели, с понедельника 11 (24) до пятницы 15 (28) октября включительно, Европа жила в ожидании войны между Россией и Великобританией, которая казалась неизбежной, а сам «гульский инцидент» обсуждался как «гвоздевая» новость планеты. Газеты всего мира живо комментировали произошедшее, строили догадки, делали прогнозы, корреспонденты открыли настоящую охоту за сенсациями. Особенно неистовствовала британская печать, которая сразу назвала инцидент *outrage*, т.е. возмутительным случаем, грубейшим нарушением закона, надругательством. «Нападение на рыбаков, – отмечает современный английский историк, – было воспринято как покушение на статус и достоинство Великобритании одновременно как владычицы морей и великой державы»<sup>232</sup>.

«Непостижимо, чтобы любой военный моряк, считающий себя таковым, как бы напуган он ни был, мог в течение 20 минут обстреливать флотилию рыбацких судов, не пытаясь выяснить, кого он атакует, – негодовала “Times”. – Еще сложнее поверить, чтобы люди, которые носят форму офицеров цивилизованной державы и которые догадывались, что огнем орудий своей огромной флотилии они разделались с бедными рыбаками, покинули место происшествия, не попытавшись спасти жертв своей непростительной ошибки»<sup>233</sup>. «Известие о русском *outrage* в Немецком море вызвало изумление и негодование, – писала та же газета 12 (25) октября. – По всему видно, что реакция Великобритании будет быстрой и адекватной»<sup>234</sup>. «Ужас подобной постыдной демонстрации бездумной трусости и зверства потряс весь цивилизованный мир, – утверждал в номере от 16 (29) октября еженедельник “Homeward Mail”, владельцем которого был банкир и депутат британского парламента от Гулля сэр Генри Сеймур Кинг (H.S. King). – <...> Если на долгом пути в царство теней (которое и есть конечная цель Балтийского флота) любое нейтральное судно будет иметь несчастье обратить на себя внимание его сумасшедших офицеров и матросов, они заявляют о своем праве сметать их с пути без всяких церемоний ... Русские превратились в угрозу международному сообществу. Они так мало проникнуты идеями гуманности и цивилизации, не говоря уже о чувстве справедливости, что открыто попирают элементарные законы цивилизованного ведения войны». В заключение автор статьи предложил британскому правительству немедленно потребовать от России извинений и материальных компенсаций, а в случае отказа Петербурга требовал «потопить Балтийский флот»<sup>235</sup>.

«Подобного единодушия, – констатировала “Daily Telegraph”, – не бывало в Соединенном Королевстве со времен наполеоновских войн. Газеты всех направлений сошлись теперь во мнении, единогласно требуя, чтобы Англия не медлила долее, но приняла меры, дабы в интересах цивилизованного мира устранить опасность, грозящую всем неминуемо»<sup>236</sup>. К реальности российской угрозы английское общественное мнение к тому времени было уже основательно подготовлено. Еще с середины 1890-х годов британский книжный рынок заполнили триллеры, которые на разные лады расписывали ужасы вторжения в Англию «свиристых орд русских варваров»<sup>237</sup>.

<sup>231</sup> The Westminster Gazette. 1904. October 24.

<sup>232</sup> Connaughton R.M. The War of the Rising Sun and Tumbling Bear: A Military History of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London; New York, 1988. P. 247.

<sup>233</sup> Цит. по: Ibid.

<sup>234</sup> The Times. 1904. October 25 (No. 37534). P. 3.

<sup>235</sup> Цит. по: Skrine Francis H. The Incident on the Dogger Bank: Two Open Letters to Sir Henry Seymour King (M.P. for Central Hull). [London], 1904. P. 7–8.

<sup>236</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 440.

<sup>237</sup> Neilson K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894–1917. Oxford, 1995. P. 85–87.

Особое негодование Альбиона вызвало то, что русский миноносец, оставленный на месте происшествия до утра 9 (22) октября, не пришел на помощь пострадавшим рыбакам. В своей телеграмме Николаю II Эдуард VII специально подчеркнул это «отягчающее обстоятельство», премьер-министр Артур Бальфур (A.J. Balfour) говорил о «бесчеловечности» русского судна, которое отказалось спасти раненых рыбаков, а министр иностранных дел лорд Лансдоун (Lansdowne) в беседе с русским послом графом А.К. Бенкендорфом, как и посол Великобритании в Петербурге баронет сэр Чарльз Хардинг (Ch. Hardinge) на встрече с графом Ламздорфом, в этой связи выражали свою «особую озабоченность»<sup>238</sup>. Эту же тему охотно развивали и газеты. «Рождественский выказал грубое равнодушие, продолжив свой путь без заботы о последствиях обстрела судов», – писала “Standard”. «Самой верной и осторожной мерой, – настаивала “Daily Mail”, – было бы отозвать немедленно эту эскадру обратно, так как при настроении, выказанном ее офицерами и экипажем, вряд ли она в состоянии встретиться с опасностями в водах Дальнего Востока, а между тем она слишком опасна для нейтральных и торговых судов»<sup>239</sup>.

Японская пресса на события в Северном море отреагировала вяло, отговариваясь полным неведением, но зато подробно освещала как реакцию западных средств массовой информации на инцидент, так и ход его последующего международного расследования. Одна из влиятельных японских газет, токийская “Ji-Ji” в номере от 12 (25) октября 1904 г. заявила: «Мы в Японии ничего не знаем об отправке наших судов в те воды, но весьма вероятно, что русские суда, опасаясь рыбацких судов, ошибочно приняли таковые за японские, расставляющие мины, и произвели на них нападение»<sup>240</sup>. Обозреватель “Asahi” предположил, что за «гульским инцидентом» скрывается тайное намерение России вызвать «международные затруднения, под предлогом которых она могла бы выйти из войны с Японией»<sup>241</sup>. Умеренная “Nichi-Nichi” прокомментировала происшествие следующим образом: «Позволять себе подобное насилие над международно признанными нормами может только тот, кто не имеет ничего общего с цивилизованными народами. Этот вопиющий инцидент не мог быть следствием простой ошибки. Нет сомнения, что правительство пострадавшей стороны примет против России адекватные меры ... Всем уже хорошо известно, что русские негуманны. Им совершенно не свойственно человеколюбие – атрибут просвещенного ума»<sup>242</sup>. Близкая правительству газета “Kokumin” посчитала «неверным рассматривать инцидент относящимся только к русско-британским отношениям», поскольку он ставит на повестку дня «тройной вопрос – о цивилизации, гуманности и мире на всей планете»<sup>243</sup>. Устами своего посланника в Лондоне правительство Японии отрицало присутствие своих кораблей в европейских водах в момент инцидента, а мэр Токио Озаки Юкио и его коллега из Иокогамы Итихара по телеграфу выразили соболезнование пострадавшим английским рыбакам.

Примерно в том же духе высказывалась немецкая, бельгийская, итальянская и особенно американская печать. По словам автора еженедельного обзора мировой прессы “Times”, немецкие повременные издания квалифицировали действия русских моряков как «вызванные тремя обстоятельствами: 1. Паника, 2. Некомпетентность, 3. Водка»<sup>244</sup>. В статье под характерным

<sup>238</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 8—9 (Секретная телеграмма графа В.Н. Ламздорфа графу А.К. Бенкендорфу в Лондон, Петербург, 3 (20) ноября 1904 г.); Ф.О. Р.С. 65/1729. Р. 11 (Депеша маркиза Лансдоуна сэру Хардингу в Петербург, Лондон, 24 октября 1904 г.).

<sup>239</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 437—438.

<sup>240</sup> Цит. по: Новое время. 1904. 13 (26) окт. (№ 10280) (сообщение агентства Рейтер); The Times. 1904. October 26 (No. 37535). Р. 5.

<sup>241</sup> Цит. по: The Japan Times. 1904. October 27 (No. 2304). Р. 6.

<sup>242</sup> Цит. по: The Times. 1904. October 27 (No. 37536). Р. 3.

<sup>243</sup> Цит. по: The Japan Times. 1904. October 30 (No. 2307). Р. 6.

<sup>244</sup> Цит. по: Гребенищикова Г.А. Инцидент в Северном море // Гангут: науч.-попул. сб. ст. по истории флота и судостроения. СПб., 2007. № 41. С. 117.

заглавием «Сумасшедший, выпущенный на свободу» “New York Times” писала: «Невозможно допустить, чтобы по морям плавал флот под командованием адмирала, истребляющего торговые и каботажные суда Европы, Азии и Африки (? – Д.П.)»<sup>245</sup>. Швеция ограничилась тем, что поспешила решительно опровергнуть информацию газет о том, что в ее территориальных водах находились японские миноносцы. О своем полном неведении на этот счет шведское внешнеполитическое ведомство заявило и британскому послу в Стокгольме, который сделал соответствующий запрос по требованию своего правительства.

Агрессивный и откровенно антироссийский тон, первоначально усвоенный зарубежными обозревателями, в какой-то степени был объясним. В первые дни происшествия в Северном море повсеместно трактовалось в изначальной редакции агентства Рейтер, именно – как «нападение» русских военных на мирных английских рыбаков. Официальный Петербург сделал ряд успокоительных и миролюбивых заявлений, 12 (25) октября император Николай II направил свои сожаления и соболезнования (но не извинения) по поводу случившегося королю Эдуарду VII; то же в специальной ноте сделал российский МИД и, в устной и письменной форме, посол в Лондоне Бенкендорф. Но по существу вопроса Петербург несколько дней отмалчивался, резонно ссылаясь на отсутствие сведений от командующего своей эскадрой. Наконец, 14 (27) октября военно-морской атташе в Лондоне И.Ф. Бострем от имени Рождественского опубликовал в английских газетах две телеграммы русского адмирала (свой, цитированный выше, «строевой рапорт» Рождественский направил в Петербург из Виго с оказией днем позже – 15 (28) октября). «Сегодня, наконец, получены телеграммы от генерал-адъютанта Рождественского об инциденте в Северном море ... которые пролили совершенно новый на свет на столкновение наших военных судов с рыбацкой флотилией и сняли с эскадры Рождественского все те обвинения, которые с легкомысленной поспешностью были возведены на нее не только английской печатью, но, к нашему глубокому сожалению, и некоторыми из видных политических деятелей Англии», – успокаивали своих читателей русские газеты<sup>246</sup>.

Адмирал писал: «Случай в Немецком море был вызван двумя миноносцами, шедшими в атаку без огней под прикрытием темноты на головной корабль отряда ... Английская пресса возмущена тем, что эскадренный миноносец, оставленный до утра на месте происшествия, не подавал помощи потерпевшим. При отряде не было ни одного миноносца и никто на месте происшествия не был оставлен; следовательно, оставался до утра при мелких паровых судах тот из двух миноносцев, который не был утоплен, а лишь поврежден. Отряд не подавал помощи мелким паровым судам, подозревая их в соучастии ввиду упорного стремления прорезать строй судов; некоторые совсем не открывали огней, другие очень поздно». «Если на месте происшествия оказались также и рыбаки, неосторожно вовлеченные в предприятие, – заключал адмирал, – то прошу от лица всей эскадры выразить искреннее сожаление несчастным жертвам обстановки, в которой ни один военный корабль, даже среди глубокого мира, не мог поступить иначе»<sup>247</sup>.

Японский посланник в Лондоне Хаяси нашел эти объяснения «настолько смехотворными, что они не стоят даже того, чтобы пытаться опровергать их»<sup>248</sup>. Так же недоверчиво на заявления Рождественского отреагировали и на Даунинг-стрит. Маркиз Лансдоун заявил российскому послу, что Британия «совершенно не может принять объяснения адмирала»<sup>249</sup>, а премьер-министр Бальфур прокомментировал их следующим образом: «История, рассказанная русским адмиралом, представляет собою чистую фантазию ... Надо было бы преследовать и

<sup>245</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 438.

<sup>246</sup> Русь. 1904. 15 (28) окт. (№ 304).

<sup>247</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 442–443.

<sup>248</sup> The Times. 1904. October 29.

<sup>249</sup> F.O. R.C. 65/1729. P. 202 (Депеша Лансдоуна Хардингу в Петербург, Лондон, 27 октября 1904 г.).

уничтожить (! – Д.П.) всякий флот, который понимает свои права так, как понял их русский адмирал»<sup>250</sup>. Эту оценку подхватила английская печать, но, хотя брань в адрес 2-й эскадры заявления Рождественского не прекратили, сюжет о русском миноносце, оставленном на Доггер-банке до утра 9 (22) октября, мгновенно исчез и с газетных полос, и из британской дипломатической переписки. Между тем, английские журналисты, узнав, где находится русская эскадра, бросились в Виго, но на борт «Князя Суворова» попасть удалось только двоим из них – корреспондентам агентства *Central News* и газеты “Daily Chronicle”<sup>251</sup>. В интервью им Рождественский подтвердил свою версию инцидента в Северном море и снова заявил, что вместе со всеми офицерами эскадры «глубоко сожалеет о невинно пострадавших». Но на вопрос, как бы он поступил, если бы английский флот преградил ему путь, адмирал заверил, что «он немедленно направил бы против флота огонь всех своих орудий»<sup>252</sup>.

Британские торгово-промышленные и финансовые круги дальнейшего обострения отношений с Россией пытались избежать – если верить французскому «Journal des Debats», в лондонском Сити войны «не хотели ни одной минуты»; о том же сообщал в Петербург российский военный атташе<sup>253</sup>. Начальник Генштаба лорд Робертс (Roberts) секретно доносил членам кабинета, что «в настоящее время мы, конечно, не в состоянии выставить большую сухопутную армию»<sup>254</sup>. Но в парламенте и на Даунинг-стрит, похоже, до поры до времени были настроены более решительно. «Британская пресса и многие члены парламента, – сообщает историк Дж. Вествуд, – делали все, чтобы вынудить свое правительство объявить России войну. Газеты на протяжении нескольких дней писали о варварстве русских и о “русском флоте бешеной собаки” ... “Настоящее объяснение возмутительного случая в Немецком море, – утверждала “Outlook”, – следует искать в природном варварстве и высокомерии русского правящего класса ... Уважительное отношение к окружающим народам им можно внушить только силой»»<sup>255</sup>. 14 (27) октября лидер парламентской оппозиции сэр Генри Кэмпбелл-Баннерман (H. Campbell-Bannerman), выступая в Норвиче, подчеркнул, что «жестокое нападение» русских на английских рыбаков не могло быть «ни несчастной случайностью, ни недоразумением»<sup>256</sup>. «Война может быть вопросом только нескольких часов ... – пророчествовала “Times”, — Англии остается лишь один путь, а именно: потребовать немедленного отзыва Рождественского и настоять на примерном его наказании»<sup>257</sup>. Устами этой газеты, бесспорно, говорила сама английская дипломатия – по свидетельству современного исследователя, сэр Валентин Чирол (V. Chiról), тогдашний глава международного отдела “Times”, не только состоял в личных друзьях сэра

<sup>250</sup> Цит. по: Теплов В. Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905. Март (№ 3). С. 343.

<sup>251</sup> Среди репортеров-«неудачников» оказался и знаменитый впоследствии сценарист, драматург и кинодеятель Эдгар Уоллес (E. Wallace), тогда – никому еще не известный 29-летний корреспондент лондонской “Daily Mail”. Редакционное задание ему надо было выполнить во что бы то ни стало, и Уоллес «нашел» на берегу двух младших офицеров с русской эскадры (в борделе, конечно) и, подпоив, «узнал» по секрету, что адмиралу Рождественскому на Доггер-банке было «видение», под влиянием которого он якобы и приказал открыть огонь. В следующем пункте стоянки эскадры, Танжере, Уоллес «своих» русских отыскать не смог и пришел к выводу, что «вычисленные» командованием, оба уже покоятся на дне морском. Вся эта совершенно невероятная и дикая история была тут же опубликована “Daily Mail”, а оттуда преспокойно переключалась на страницы книги современного английского автора (Westwood J.N. Russia against Japan, 1904–05: A New Look at the Russo-Japanese War. London, 1986. P. 141–142).

<sup>252</sup> Цит. по: Крымский вестник. 1904. 22 окт. (№ 270); Теплов В. Происшествие в Северном море // Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 852–853.

<sup>253</sup> «В финансовых и деловых сферах, в публике войны не желают», – рапортовал из Лондона генерал Н.С. Ермолов в конце октября 1904 г. (Цит. по: Сергеев Е.Ю., Улунян Ар.А. Военные агенты Российской империи в Европе, 1900–1914. М., 1999. С. 66). Позднее английский исследователь Артур Мардер характеризовал тогдашнюю воинственность британских властей как «восхитительную оперу-буфф» (цит. по: Neilson K. ‘A Dangerous Game of American Poker’: The Russo-Japanese War and British Policy // The Journal of Strategic Studies. 1989. March. Vol. 12, no. 1. P. 80), в чем, однако, с ним трудно согласиться.

<sup>254</sup> Цит. по: Neilson K. Britain and the Last Tsar. P. 248.

<sup>255</sup> Westwood J.N. Op. cit. P. 141.

<sup>256</sup> Цит. по: Русь. 1904. 15 (28) окт. (№ 304).

<sup>257</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 441.

Хардинга, но был чрезвычайно influential и во внешнеполитическом ведомстве Великобритании

В общем, непреднамеренное убийство двух английских рыбаков на Доггер-банке и ранение еще шестерых сознательно раздувалось до масштабов общенационального унижения Великобритании и катастрофы европейского уровня. Королева Александра, а по ее примеру и многие британские аристократы стали демонстративно жертвовать в пользу семей погибших и раненых гульских рыбаков. 12 (25) октября Адмиралтейство приказало командующему Средиземноморской эскадрой немедленно направить шесть своих броненосцев, все броненосные крейсера и миноносцы в Гибралтар<sup>258</sup>. На следующий день, 13 (26) октября, броненосцы “Victorious”, “Illustrious”, “Majestic” и крейсера “Lancaster”, “Theseus” и “Endymion” флота Канала (Channel Fleet) под командой вице-адмирала лорда Чарльза Бересфорда (Ch. Beresford) вышли в море, чтобы сопровождать (на английском морском жаргоне – «нянчить», “to nurse”) русскую эскадру<sup>259</sup>; миноносцы также были приведены в боевую готовность. В тот же день началась мобилизация морских резервистов в количестве 25 тыс. человек. «28 современных судов королевского военно-морского флота, – пишет историк Коннотон, – с командами из самых, бесспорно, профессиональных в мире моряков, стали собираться из разных портов в ожидании приказа Лондона уничтожить русский флот»<sup>260</sup>. 14 (27) октября Адмиралтейство шифром предупредило адмирала Бересфорда: «Возможно, Вам придется остановить Балтийский флот методами убеждения (*by persuasion*), но если это не удастся – то силой», для чего в его распоряжение передавалась армада, только что передислоцированная из Средиземного моря; пяти крейсерам отряда контр-адмирала Уокера (Walker) было предписано отслеживать передвижения русской эскадры, но так, чтобы русские могли видеть только один крейсер (остальным следовало держаться в отдалении)<sup>261</sup>. 15 (28) октября британские консулы в прибрежных испанских и португальских городах получили указание Лондона «продолжать информировать старшего морского офицера в Гибралтаре по телеграфу обо всех передвижениях русских военных кораблей»<sup>262</sup>. Таким образом, в эти дни Европа балансировала на грани войны.

Но в субботу 16 (29) октября страсти заметно утихли – английские политики, в течение всей предыдущей недели неустанно нагнетавшие обстановку, неожиданно взяли более спокойный тон. Речь, произнесенная в этот день Бальфуrom в Саутгемптоне, была окрашена миролюбием. «Прискорбное событие прошлой пятницы, – заявил премьер-министр, – не приведет к одной из тех великих ... войн, которые, хотя, будучи время от времени необходимы (? – Д.П.), оставляют после себя прискорбные следы и неизбежно задерживают прогресс гуманности и цивилизации ... Период затруднений миновал»<sup>263</sup>. В ту же субботу Адмиралтейство предписало Бересфорду впредь «избегать каких-либо демонстраций, которые могли бы осложнить международные отношения», поскольку «Россия согласилась на наше требование учредить международное расследование и задержать движение судов, замешанных в трагедии»<sup>264</sup>.

<sup>258</sup> F.O. R.C. 65/1729. P. 343 (Шифрованная телеграмма Адмиралтейства командующему Средиземноморской эскадрой, Лондон, 25 октября 1904 г.).

<sup>259</sup> Любопытно, что британское Адмиралтейство сочло необходимым указать своему адмиралу на «панические настроения», которым «подвержены» русские моряки, особенно ночью. См.: Ibid. 65/1729. P. 271 (Телеграмма Адмиралтейства командующему флотом Канала, Лондон, 28 октября 1904 г.).

<sup>260</sup> Connaughton R.M. Op. cit. P. 247.

<sup>261</sup> F.O. R.C. 65/1729. P. 343—344 (Шифрованная телеграмма Адмиралтейства командующему флотом Канала, Лондон, 27 октября 1904 г.); P. 227 (Шифрованная телеграмма командующего флотом Канала в Адмиралтейство, Гибралтар, 2 ноября 1904 г.).

<sup>262</sup> Ibid. P. 270 (Телеграмма британским консулам в Барселоне, Бильбао, Малаге, Корунье, Лиссабоне, Лондон, 28 октября 1904 г.).

<sup>263</sup> Цит. по: Крымский вестник. 1904. 16 окт. (№ 266).

<sup>264</sup> F.O. R.C. 65/1729. P. 410 (Телеграмма Адмиралтейства командующему флотом Канала, Лондон, 29 октября 1904 г.).

18 (31) октября адмирал сэра Джон Фишер (J. Fisher) написал жене: «Чуть было снова не началась война. Действительно, мы были на пороге ее, но русские отступили»<sup>265</sup>.

Между тем, из-за близкого присутствия английских военных судов обстановка вокруг самой русской эскадры еще несколько дней была накалена до предела. Когда утром 19 октября (1 ноября) корабли Рождественского салютовали, выходя из бухты Виго, дружелюбно настроенные к России испанцы приняли орудийный салют за перестрелку с находившимся поблизости английским крейсером “Lancaster” (вне рейда стояли еще шесть британских военных кораблей). Но на русской эскадре, свидетельствует лейтенант флота Б.Б. Жерве, «боялись не сражения с несравненно сильнеешим английским флотом, а позорного возвращения домой»<sup>266</sup>. Петербург же по-прежнему делал все, чтобы любой ценой избежать дальнейшего обострения русско-английских отношений. Стоило сэру Хардингу опротестовать вполне правдивые сообщения «Нового времени» о том, что английский флот следует по пятам эскадры Рождественского, и деланно возмутиться ими<sup>267</sup>, как окрик из «сфер» тут же заткнул газете рот. Позднее русской прессе было категорически запрещено сообщать вообще какие-либо сведения о движении эскадры, включая информацию на этот счет зарубежных информационных агентств.

Известие об уходе русских кораблей из Виго вызвало очередную бурю в английской печати. Своих вновь взволновавшихся было сограждан Форин офис успокоил заверением, что русская эскадра продолжила поход по соглашению между Россией и Англией. Как бы там ни было, к середине следующей недели угроза англо-русской войны, а вслед за ней и общеевропейского военного конфликта миновала.

По мере того, как в прессе появлялись все новые и новые подробности происшествия на Доггер-банке, европейское общественное мнение разделилось. Если большая часть западных журналистов, государственных деятелей и политиков продолжала стоять на прежних позициях, то симпатии военных обозревателей, юристов и особенно военных моряков стали склоняться на сторону Рождественского. Британский специалист по международному праву Фредерик Пуллок отметил на страницах “Daily Chronicle”: «Вероломное нападение японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре, до объявления войны, дало вице-адмиралу Рождественскому полное право заподозрить повторение такого же поступка в Северном море. Командующий русской эскадрой тем более был прав ... что на русских судах не заметили никаких огненных сигналов с рыболовных судов». Отставной вице-адмирал германского флота Кюне в докладе, прочитанном в Любеке в конце октября, призывал с большим доверием отнестись к свидетельствам русского флотоводца; немецкий военный обозреватель граф Пфейль со страниц газеты «Münchener Neueste Nachrichten» констатировал, что «русский флот, защищаясь от коварного нападения врага, нанес, конечно, не желая этого, вред английским рыбакам» («когда Япония без объявления войны предательски напала на русский флот, – напомнил публицист, – то молчали все те, кто кричит теперь»). Итальянский капитан Ронкальи, разбирая на страницах газеты «Popolo Romano» обвинения, выдвинутые в печати против Рождественского, писал: «Существует полное вероятие, что русский огонь был вызван именно японскими миноносцами ... Варварскую жестокость проявили не русские, поставленные в положение законной обороны, а те два судна, которые предательски навлекли на рыбаков выстрелы, направленные против злоумышленников»<sup>268</sup>. Германская газета «Vossische Zeitung» на шумиху британской прессы, поднятую вокруг инцидента, ответила статьей «Много шума из ничего»; в ноябре 1904 г. влиятельный британский публицист и историк Фрэнсис Скрайн (F. Skrine) направил несколько открытых писем в адрес гульсбургского банкира Сеймура Кинга. Назвав инцидент в Северном море «недоразу-

<sup>265</sup> Цит. по: Connaughton R.M. Op. cit. P. 249.

<sup>266</sup> Жерве Б.Б. Гульсбургский инцидент // Военная энциклопедия. Т. 8. СПб., 1912. С. 531.

<sup>267</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 63. Л. 195—197 об.

<sup>268</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 443—448; Февр. (№ 2). С. 853.

мением», он выступил против агрессивного антирусского тона публикаций принадлежавших тому изданий (в конце 1904 г. свои послания Кингу Скрайн опубликовал отдельной брошюрой).

Наиболее уважаемые и опытные британские военно-морские деятели, утверждал со страниц «Нового времени» ее лондонский корреспондент, «составили себе мнение о совершенной правоте Рождественского. Мне достоверно известно, что адмирал Ламбтон высказал это на аудиенции у короля и что то же говорил адмирал Фишер, прибавив, что никакой начальник британского флота не мог бы в подобном случае действовать иначе. А морской адъютант короля принц Баттенбергский (Prince Louis of Battenberg), исследовавший дело в Гулле, в рапорте королю выразил то же самое»<sup>269</sup>. «Если бы я увидел, – заявил Фишер, – что к вверенной мне эскадре приближается какой-то миноносец, то я сначала выстрелами потопил бы его, а уже затем спросил, какой он был националь ности»<sup>270</sup>. Аналогичным образом высказывались и другие авторитетные западноевропейские военно-морские деятели.

В общем, действия Рождественского на Доггер-банке стали постепенно выходить из-под огня критики, но вопрос о том, что спровоцировало стрельбу в Северном море, оставался по-прежнему открытым. Именно этот вопрос впоследствии стал предметом разбирательства особой следственной комиссии.

---

<sup>269</sup> *Аргус*. Миноноски, нападавшие на балтийскую эскадру, Лондон, 27 января (9 февраля) // Новое время. 1905. 4 (17) февр. (№ 10387). С. 4. Вместе с тем, в своей секретной записке в Форин офис Луи Баттенбергский засвидетельствовал, что, по данным британской военно-морской разведки, никаких не только японских или английских, но миноносцев и других стран в момент инцидента на Доггер-банке не было. При этом принц не исключал, что сообщение Рождественского о том, что никакой корабль его эскадры не был оставлен на месте происшествия до утра следующего дня, является «абсолютно ложным». См.: *Neilson K. Britain and the Last Tsar*. P. 257; F.O. R.C. 65/1729. P. 236—237 (Записка Луи Баттенбергского по поводу телеграмм Рождественского от 27 октября 1904 г.).

<sup>270</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 865; Апр. (№ 4). С. 719.



## Международное расследование

В Петербурге об инциденте в Северном море стало известно из агентских телеграмм и газет во вторник 12 (25) октября. Первым из российских официальных лиц о нем узнал посол в Великобритании граф А.К. Бенкендорф, который вечером 11 (24) октября вернулся в Лондон из поездки на континент и был крайне удивлен, увидев на площади вокзала Виктория множество полицейских и толпу, которая, окружив его, начала свистеть, потрясать кулаками и даже пытаться разбить окна его экипажа. Толпа провожала его карету до ворот посольства, где, спев «Правь, Британия!», рассеялась. «Полиция охраняла российское посольство, как если бы это была английская крепость», – сообщали газеты<sup>271</sup>.

Несмотря на столь недружелюбный прием, утром следующего дня Бенкендорф, не мешкая, направил телеграфный запрос в Петербург, а сам отправился в Форин офис, где ему была вручена нота, в которой кроме описания самого происшествия содержались требования немедленных извинений перед Британией, «полного удовлетворения», а также «достаточных гарантий против повторения такого инцидента». Российский посол ответил, что «не предвидит никаких затруднений ни в вопросе об извинении за прискорбное происшествие, ни в деле о вознаграждении пострадавших»<sup>272</sup>. Аналогичные требования глава Форин офис еще накануне телеграфировал в Петербург Хардингу. Передавая Ламздорфу это послание своего правительства, восходящая звезда британской дипломатии и будущий вице-король Индии позволил себе «частным образом», «как друг, а не посол его величества», дать российскому министру совет: «ради сохранения дружественных отношений между двумя странами была бы желательна со стороны русского правительства декларация о том, что потерпевшим будет дано полное вознаграждение», а виновные «будут подвергнуты соответствующему наказанию». В ответ Ламздорф заверил Хардинга, что как только в Петербурге будут получены известия от Роже-ственского, инцидент будет «тщательно исследован», виновные наказаны, а пострадавшие вознаграждены<sup>273</sup>. Действительно, на следующий день король и МИД Великобритании получили из Петербурга официальные сожаления и соболезнования, но не извинения, которых, вопреки бытующему в историографии мнению<sup>274</sup>, не последовало, да и быть не могло (по причинам, которые скоро будут ясны).

Между тем, англичане настаивали на немедленном выполнении своих условий в полном объеме<sup>275</sup>, напряжение росло с каждым часом, и уже утром 13 (26) октября Лансдоун на очередной встрече с Бенкендорфом потребовал, чтобы движение русской эскадры было остановлено, а «если ей будет позволено продолжить путь», «то между нами до истечения недели может начаться война». В тот же день британский министр в собственноручном послании Бенкендорфу вновь потребовал от России не только провести тщательное расследование «прискорбной атаки русским флотом британских траулеров» и «примерного наказания» виновных, но и принятия мер к тому, чтобы подобное не могло случиться впредь. «Офицеры, охваченные паникой, отдав приказ об атаке, считали и, вероятно, считают до сих пор, – писал Лан-

<sup>271</sup> The New York Times. 1904. October 25 (No. 17101). P. 1.

<sup>272</sup> F.O. R.C. 65/1729. P. 72 (Депеша Лансдоуна Хардингу в Петербург, Лондон, 25 октября 1904 г.).

<sup>273</sup> Ibid. P. 34 (Конфиденциальная депеша Хардинга Лансдоуну в Лондон, Петербург, 24 октября 1904 г.).

<sup>274</sup> См., напр.: Pleshakov Constantine. The Tsar's Last Armada: the epic journey to the Battle of Tsushima. N.Y.: Basic Books, 2002. P. 109; Luntinen P., Menning B. The Russian Navy at War, 1904–05 // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1. Leiden; Boston, 2005. P. 247–248.

<sup>275</sup> Имелись в виду четыре условия: (1) принесение официальных извинений Великобритании, (2) полное возмещение ущерба пострадавшим, (3) наказание виновных офицеров независимо от чина и должности (в первую очередь подразумевался командующий русской эскадрой) и (4) гарантии неповторения подобного в ходе дальнейшего похода эскадры. См.: F.O. R.C. 65/1729. P. 343 (Шифрованная телеграмма Адмиралтейства командующему флотом Канала, Лондон, 27 октября 1904 г.).

сдоун, – что имеют право обращаться с любым невинным судном, встреченным на пути на Дальний Восток, как с вражеским только потому, что оно показалось им замаскированным японским. Нет нужды особо указывать, к каким последствиям может привести подобное состояние умов»<sup>276</sup>.

Объяснения Рождественского, опубликованные 14 (27) октября, не разрядили обстановку, зато его решимость без колебаний вступить в бой с английским флотом, выраженная в уже известном нам интервью английским журналистам 15 (28) числа, очевидно, подействовала на лондонских «ястребов» отрезвляюще. Утром 14 (27) октября Ламздорф пригласил к себе Хардинга. «Этот самый вежливый на свете человек, – вспоминал ту встречу много лет спустя британский дипломат, – был почти груб со мной». Министр зачитал послу телеграммы Рождественского и затем «в течение часа бранил Англию, Японию и коварство японцев». Хардинг счел за благо отмолчаться, понимая, что Ламздорф «не в себе». Но уже на следующий день министр, бросившись послу на шею, «со слезами на глазах» горячо благодарил Хардинга за его сдержанность, проявленную накануне. Всю предыдущую ночь, объяснил Ламздорф, он провел на заседании Совета министров, «сражаясь» с господствовавшей там «воинственной атмосферой», но все равно получил указание в ответ на «одно слово угрозы» от Лансдоуна или Хардинга решительно заявить британской стороне:

«Вы хотели войны, вы ее получите!». Теперь собеседники сошлись во мнении, что «недостойно ставить риск перспективы долгой и ужасной войны между двумя великими державами в зависимость от того, что сделает или скажет один правительственный чиновник»<sup>277</sup>.

Между тем, в Лондоне 14 (27) октября Бенкендорф направил Лансдоуну предложение российского императора передать дело на «всестороннее рассмотрение международной следственной комиссии» и британский кабинет немедленно согласился<sup>278</sup> – такой способ разрешения межгосударственных споров был предусмотрен международной Гаагской конвенцией, подписанной в 1899 г. «Вчера посланное нами в Англию предложение передать рассмотрение дела о стрельбе в Немецком море [в ведение] Гаагского суда – возымело действие. Паршивые враги наши сразу сбавили спеси и согласились», – записал в своем дневнике 16 (29) октября обычно немногословный и сдержанный российский император, а вечером следующего дня прибавил: «От 2 до 3 час. принимал англ. посла Hardinge по поводу последнего недоразумения. Поговорил с ним крепко»<sup>279</sup>. Смысл состоявшегося разговора со ссылкой на петербургского корреспондента «L'Écho de Paris» передала «Times»: «В ходе состоявшейся вчера беседы сэра Чарльза Хардинга с императором его величество выразил удовлетворение разрешением кризиса, отметив, что он твердо уверен, что русский флот был атакован японцами»<sup>280</sup>. Сам Хардинг в донесении в Лондон сообщил, что был принят в Царском Селе «весьма любезно», и своей часовой беседой с Николаем II оказался удовлетворен настолько, что отчет о ней закончил словами: «К сожалению, беседы, подобные той, которой я удостоился, – явление редкое и исключительное, и в вопросах внешней политики его величество вынужден полагаться на информацию и мнения своих зарубежных представителей и министра иностранных дел, а из некоторых замечаний его величества, сделанных мне, видно, что эти мнения не всегда находятся в согласии с фактами»<sup>281</sup>. «Когда я рассказал ему (императору. – Д.П.) обо всем, что

<sup>276</sup> АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1158. Л. 24–25 об. (Письмо Лансдоуна Бенкендорфу, Лондон, 13 (26) октября 1904 г.).

<sup>277</sup> *Hardinge Charles. Old Diplomacy. London, 1947. Цит. по: The Russo-Japanese War, 1904–5: A Collection of 8 vols. / Compiled & introduced by Ian Nish. Vol. 1. Folkestone: Global Orient, 2003. P. 122.*

<sup>278</sup> F.O. R.C. 65/1729. P. 268–269 (Записка Лансдоуна Бенкендорфу, Лондон, 28 октября 1904 г.). Накануне сам Лансдоун почти то же предлагал русской стороне. Но, как признал в своих только что цитированных мемуарах Хардинг, инициатива в данном вопросе все-таки исходила от России.

<sup>279</sup> *Николай II, император. Указ. соч. С. 234.*

<sup>280</sup> *The Times. 1904. November 3 (No. 37542). P. 3.*

<sup>281</sup> F.O. R.C. 65/1730. P. 84–93 (Конфиденциальная депеша Хардинга Лансдоуну в Лондон, Петербург, 31 октября

произошло между Ламздорфом и мной и как близко мы находились от самого серьезного кризиса, – вспоминал впоследствии Хардинг, – его глаза наполнились слезами и он заявил, что никогда бы не допустил войны между Англией и Россией»<sup>282</sup>. В качестве ответного жеста доброй воли российский посол 19 октября (1 ноября) был приглашен на 20-минутную аудиенцию в Букингемский дворец.

Напряжение в отношениях между Россией и Великобританией сразу заметно спало; вечером 20 октября (2 ноября) в Лондоне было объявлено о прекращении мобилизации морских и сухопутных резервистов, следующим утром командующий флотом Канала получил приказ Адмиралтейства прекратить преследование русской эскадры – теперь задача следить за ней была возложена на британских консулов в Африке, а также на старшего морского начальника отряда у мыса Доброй Надежды<sup>283</sup>. 3 ноября лондонский корреспондент «Нового времени» вместе с президентом Ассоциации зарубежной прессы (*Foreign Press Association, London*) направили издателю “Times” благодарственное письмо за дружелюбный к России тон последних публикаций его газеты в связи с решением об образовании международной комиссии для расследования «гульского инцидента»<sup>284</sup>. Возвращаясь к этим драматическим событиям в начале 1905 г., та же “Times” приписала «улажение столь опасного для мира происшествия прямоте и искренности обоих правительств, а также драгоценному созданию Гаагской конференцией аппарата для мирного решения международных разногласий. Без этого столкновение неминуемо привело бы к войне»<sup>285</sup>. Напоминать читателям о том, что инициатором созыва самой этой мирной конференции 1899 г. и всех ее «драгоценных созданий» была именно Россия<sup>286</sup>, лондонский официоз не стал.

17 (30) октября 1904 г. для дачи показаний в будущей комиссии с судов эскадры были списаны и отправлены в Петербург свидетели:

капитан 2-го ранга Н.Л. Кладо (флагманский броненосец «Суворов»), лейтенанты вахтенный начальник И.Н. Эллис (броненосец «Александр III») и минный офицер В.Н. Шрамченко (броненосец «Бородино») и мичман Н. Отт (транспорт «Анадырь»). Позднее к ним присоединился лейтенант В.К. Вальронд с транспорта «Камчатка». Вслед за тем российские дипломаты заявили английским коллегам, что оснований задерживать эскадру в Виго более нет, те согласились<sup>287</sup>, но стали настаивать на предоставлении международной комиссии права «возложить на кого следует ответственность и порицание» (*responsibility and blame*) за инци-

1904 г.).

<sup>282</sup> *Hardinge Charles. Old Diplomacy.* Цит. по: *The Russo-Japanese War, 1904–5: A Collection of 8 vols. Vol. 1. P. 123.*

<sup>283</sup> F.O. R.C. 65/1730. P. 348; 65/1731. P. 373, 374 (Конфиденциальные телеграммы Адмиралтейства командующему флотом Канала в Гибралтар (Лондон, 3 ноября 1904 г.), командующему эскадрой у мыса Доброй Надежды и в Форин офис (Лондон, 17 ноября 1904 г.)).

<sup>284</sup> *The Times.* 1904. November 4 (No. 37543). P. 8.

<sup>285</sup> Цит. по: *Новое время.* 1905. 2 (15) февр. (№ 10385). С. 2.

<sup>286</sup> Подробнее о созыве и работе этой конференции см.: *Рыбачёнок И.С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2004.

<sup>287</sup> Это согласие последовало не сразу. 18 (31) октября Лансдоун, излагая Хардингу содержание своей только что состоявшейся беседы с Бенкендорфом, сообщил, что особо подчеркивал, что в числе офицеров-свидетелей должны быть отдавшие приказ открыть огонь в ночь на 22 октября на Доггер-банке и что британская сторона «не может удовлетвориться только подчиненными офицерами» (см.: F.O. R.C. 65/1730. P. 29—30). Вечером того же дня британское Адмиралтейство секретно известило командующих средиземноморской эскадрой и флота Канала, что «ситуация снова обострилась», поскольку «русские пытаются минимизировать свои уступки» (Ibid. P. 69). Однако российская сторона недвусмысленные намеки англичан на привлечение своего командующего в качестве сначала свидетеля, а затем, возможно, и обвиняемого, проигнорировала и окончательный список своих свидетелей-моряков представила Лансдоуну только 2 ноября, когда армада Рождественского уже покинула испанский порт. Попытка Лондона «отыграть назад» увязла в спорах о том, можно ли смысл слова “*responsible*” (ответственный) свести к понятию “*eye-witness*” (очевидец); практических последствий эта «лингвистическая» полемика уже не имела. Хотя 1 ноября в своей телеграмме в Лондон адмирал Бересфорд высказал решимость потопить русский флот в случае, если тот не подчинится его (Бересфорда) приказу вернуться из Танжера в Гибралтар, Адмиралтейство ответило в успокоительном смысле: «ситуация должна скоро улучшиться»: Ibid. P. 221—224 (Секретная телеграфная переписка Адмиралтейства с командующим флотом Канала, 1—2 ноября 1904 г.).

дент. Российская сторона такую редакцию ее полномочий опротестовала, но понимая, что самое страшное уже позади, а дискуссии о составе и компетенции будущей комиссии могут длиться неопределенный долго, разрешила Рождественскому продолжить поход («высочайшая» санкция на это последовала 18 (31) октября). В 7 часов утра 19 октября (1 ноября) эскадра покинула Виго и двинулась в Танжер под аккомпанемент проклятий и улюлюканье британской печати.

Обсуждение полномочий международной комиссии действительно заняло без малого месяц, и совместная декларация о ее образовании была подписана в Петербурге Ламздорфом и Хардингом только 12 (25) ноября. Ключевой в этом 8-статейном документе стала статья вторая: «Комиссия должна произвести расследование и составить доклад обо всех обстоятельствах, относящихся к трагедии в Северном море, и в частности, по вопросу об ответственности, а также о степени порицания того, на ком, согласно расследованию, лежит ответственность»<sup>288</sup>. Как видим, в итоговый документ не вошла фраза о «нападении на рыбацкую флотилию», на которой первоначально настаивали англичане, вопрос об ответственности виновных получил значительно более мягкую формулировку, а общий обвинительный (в отношении России) уклон совершенно испарился – теоретически «ответственность и порицание» могли теперь распространяться как на российских, так и британских подданных и даже на граждан других государств.

Вопреки первоначально предположенной Гааги местом заседания комиссии был определен дружественный России Париж (свои посреднические услуги Франция предложила еще в середине октября), а вскоре были обговорены еще два важных вопроса – о странах, которые должны были быть представлены в комиссии, и список самих «комиссаров». Кроме России (вице-адмирал Н.И. Казнаков) и Великобритании (57-летний вице-адмирал сэр Льюис Энтони Бомон (L.A. Beaumont), его личный секретарь Колвилл Барклей (C. Barclay) и сэр Эдвард Фрай (E. Fry) в качестве юрисконсульта)<sup>289</sup>, в ее состав вошли представители США (вице-адмирал Чарльз Генри Дэвис (Ch.H. Davis)), Франции (вице-адмирал Фурнье (Fournier)) и Австрии (вице-адмирал барон фон Шпаун (Spraun)). Какие-либо судебные функции на «комиссаров» не возлагались. Проведя расследование, им надлежало лишь сформулировать рекомендации относительно наказания (или порицания) виновных. Вопросы о мере и порядке применения этого наказания в их компетенцию не входили и должны были решаться заинтересованными правительствами самостоятельно на основе собственного законодательства. Все это, вместе с публичным характером большинства заседаний, придавало работе комиссии главным образом пропагандистскую окраску, превращая ее в своего рода общеевропейское «ток-шоу» с острым политическим подтекстом. «Инцидент на *Dogger-Bank*» в сущности уже исчерпан, – резонно заключал высокопоставленный российский дипломат, – и цель Комиссии, с нашей точки зрения, должна заключаться лишь в том, чтобы, рассмотрев спокойно и беспристрастно факты происшествия, дать торжественную международную санкцию достигнутому уже *de facto* успокоению умов и молчаливому соглашению обоих тяжущихся сторон»<sup>290</sup>. В таких условиях о новых попытках остановить русскую эскадру или «примерно наказать» ее командующего, как недавно советовала «Таймс», уже не могло быть речи.

Едва подписав петербургскую декларацию, «высокие договаривающиеся стороны» открыли охоту за новыми свидетелями. «Сюда, – сообщал из Копенгагена Извольский 14 (27) ноября, – прибыл датский уроженец, ныне русский подданный Лунд, находившийся в каче-

<sup>288</sup> Ibid. P. 38–40 (Текст англо-русской декларации 12 (25) ноября 1904 г.).

<sup>289</sup> 24 января 1905 г. им в помощь из Лондона прибыли морской офицер капитан Роджер Кейес (R.N. Keyes) и представитель Департамента военно-морской разведки (*Naval Intelligence Department*) майор Эдвард Дэниел (E.Y. Daniel). См.: Ibid. 65/1734. P. 167.

<sup>290</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 1 об. (Донесение советника посольства во Франции Неклюдова послу в Париже Нелидову, Париж, 22 декабря 1904 г. (6 января 1905 г.)).

стве вольнонаемного капельмейстера на крейсере “Аврора” и высадившийся с судна в Танжере. Английский поверенный в делах настойчиво предлагает ему ехать в Лондон, дабы затем явиться свидетелем международной комиссии, предлагая ему, по словам Лунда, не только средства на поездку, но и дальнейшее обеспечение». Сделка состоялась, и в тот же день бывший капельмейстер отправился в Лондон с большими конспирациями и в сопровождении секретаря английской миссии<sup>291</sup>.

В Париже, однако, выступить ему так и не довелось. Вероятно, этому в последний момент воспротивился сам Лунд – хотя при расставании в Танжере командир «Авроры» капитан 1-го ранга Егорьев разрешил ему свободно говорить о происшествии в Северном море где угодно, тот все равно маниакально опасался мести со стороны русских властей<sup>292</sup>.

Впрочем, главной проблемой англичан был не поиск новых свидетелей, а подготовка к процессу уже имевшихся – для этого в их распоряжении имелась вся геймкокская рыбацья флотилия. В Гулле была образована особая внутренняя следственная комиссия (*Inquiry of the Board of Trade*), на которой, как впоследствии выразился один русский дипломат, свидетелям «заранее втолковывались произвольные объяснения того, что было ими действительно видено»<sup>293</sup>. Непосредственными результатами работы этой *Inquiry* стало, во-первых, появление 276-страничного альбома с отображением положения рыбацких судов во время инцидента и, во-вторых, – отказ рыбаков от заявлений, которые они сделали 10 (23) октября сразу по возвращении в док Св. Андрея. В этом сказалось как давление судовладельцев, так и, вероятно, другие обстоятельства, на которые намекала британская “Universe”: «Смело можно утверждать, – писала газета, – что если бы команда “Moulmein” не поспешила со своим правдивым заявлением о виденных ею в ночь на 9 (22) октября миноносцах, то ей бы наверное хорошо заплатили за молчание. Пожалуй, и теперь еще попытаются прибегнуть к этому могучему средству»<sup>294</sup>. «Очень важно, что гульская следственная комиссия беспристрастно доказала отсутствие реальных или импровизированных миноносцев между рыбацкими судами ночью 21 октября, и это – важнейший пункт против доводов русских, – читаем в подготовительных документах английской делегации в Париже. – ... в ходе, так сказать, воссоздания условий и обстоятельств [инцидента] в их последовательности в показаниях каждого следующего свидетеля их сведениям было придано известное направление, к которому они подсознательно склонялись»<sup>295</sup>.

В итоге, попытки русских представителей найти в Гулле подходящих свидетелей (т.е. тех, кто был бы готов под присягой подтвердить свои собственные заявления от 10 (23) октября) оказались блокированы. Одного-единственного, которого по горячим следам удалось тайно уговорить дать такие показания, гульская печать тут же обнаружила и объявила подкупленным русскими пьяницей. Вслед за ней и вся английская пресса заговорила о «попытках русских тайных агентов подкупить гульских рыбаков с тем, чтобы те поклялись, что миноносцы среди их траулеров появлялись»<sup>296</sup>. Негласно посланный в Гуль из Брюсселя капитан Арфетен также вернулся ни с чем, объяснив, что «большинство лиц, могущих представить доказатель-

<sup>291</sup> Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 180, 187. Повышенное внимание к скромной фигуре Карла Лунда, проявленное британским Адмиралтейством, а затем и Форин офис, объяснялось тем, что, благодаря ему, в Лондоне впервые стало известно, что несколько снарядов, выпущенных российскими кораблями на Доггер-банке, как мы уже знаем, попали в «Аврору», на которой тот служил. Возникла мысль привлечь его в качестве свидетеля на будущем международном разбирательстве – поверенный в делах в Копенгагене Лич (Leech) получил указание заполучить Лунда в таковые «всеми возможными способами» и без оглядки на финансовую сторону дела. См.: F.O. R.C. 65/1732. P. 24 (депеша Адмиралтейства в Форин офис, Лондон, 22 ноября 1904 г.); P. 42—43 (телеграмма Лансдоуна Личу в Копенгаген, Лондон, 24 ноября 1904 г.).

<sup>292</sup> Ibid. P. 96 (Конфиденциальная телеграмма Лича Лансдоуну в Лондон, Копенгаген, 25 ноября 1904 г.).

<sup>293</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 25—25 об.

<sup>294</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 860.

<sup>295</sup> F.O. R.C. 65/1734. P. 126.

<sup>296</sup> Цит. по: The Japan Times. 1904. December 23 (No. 2351). P. 3.

ства, благоприятные для России, воздержатся в настоящее время от подачи такого рода показаний во избежание ссор и нападков в местных трактирах и харчевнях, где собираются рыбаки и всякий праздный люд»<sup>297</sup>. Впоследствии нужных людей удалось-таки разыскать, но ни одного из них российская сторона выставить в качестве официального свидетеля в Париже не решилась – как заметил в приватном разговоре с бароном М.А. Таубе Рачковский, «все “свидетели”, выловленные моим бывшим подчиненным Мануйловым из разных английских, голландских и скандинавских трущоб, не стоят, как говорится, ни гроша»<sup>298</sup>.

Готовясь к международному расследованию и в ходе его самой английской сторона потратила немало усилий на изучение отчетной документации своих таможенных, портовых служб и маяков восточного побережья и конфиденциальный опрос их служащих. На вопрос, не наблюдали ли они в середине – второй половине октября 1904 г. какие-либо подозрительные миноносцы или подобные им суда в море или в британских портах, те (в отличие от своих французских и датских коллег) неизменно отвечали отрицательно. Эти материалы английская сторона сочла необходимым включить в документальное приложение в своему докладу<sup>299</sup>. Так же тщательно был изучен вопрос о присутствии в районе Доггер-банка в дни инцидента своих или зарубежных военных кораблей, и с тем же отрицательным результатом. В итоге ключевой вопрос относительно возможности тайной покупки японцами миноносцев или их постройки на частных английских верфях прямо либо через подставных лиц так и остался не разрешенным. Луи Баттенбергский поспешил поставить точку: «Нам уже известно, что ничего подобного не происходило и не могло произойти без нашего ведома, коль скоро речь идет об этой стране»<sup>300</sup>. В случае, если свидетельские показания ставили под сомнение только что процитированное утверждение принца Луи, реакция британской делегации в Париже всегда была одной и той же – англичане стремились не столько опровергнуть такие показания, сколько скомпрометировать их источник (т.е. свидетеля), благо, при умелом подходе, это не составляло большого труда.

В Петербурге проблемой свидетелей также озаботились еще в октябре. 17 (30) октября Ламздорф телеграфом потребовал от посла Бенкендорфа «тотчас же поручить подведомственным консулам и агентам немедленно собрать точные сведения о числе японцев, находящихся в восточных портах Англии, особенно в Гулле и Ньюкастле»<sup>301</sup>. В конце этого же месяца Вирениус запросил Лопухина о возможности предъявить международной комиссии показания капитанов судов «флотилии» Гартинга, а Лопухин, в свою очередь, обратился с этим же вопросом к нему самому. Гартинг категорически рекомендовал отказаться от этой затеи. Во-первых, потому, что «невозможно быть уверенным», что эти свидетели «сумеют умолчать о своей службе в нашей сторожевой организации», а, во-вторых, в связи с тем, что и без того

<sup>297</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2551. Л. 15 об. (Письмо посланника в Брюсселе Н.Н. Гирса А.И. Нелидову в Париж, Брюссель, 10 (23) декабря 1904 г.).

<sup>298</sup> Таубе М.А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 64. В числе найденных Мануйловым свидетелей были: швед П. Лёфстрём (P. Lofstrom), слесарь-механик, очутившийся в Англии «без заработка» (утверждал, что поздним вечером 19 октября на морском берегу близ Ньюкастля встретил знакомого японца с сообщником, которые на его глазах пересели с лодки на двухтрубный миноносец неизвестной национальности); британец Томас Игл (Th.D. Eagle), матрос гульбского траулера “Ava” (сначала «наблюдал» на Доггер-банке какой-то миноносец, затем заявил, что высказал это в пьяном виде); матросы-англичане Уэлш (Welsh) и Бен-нет (Bennet), которых какой-то японец якобы нанимал на ночь инцидента «для опасного предприятия» в море, но те проспали условленный час в доме терпимости, и тому подобная публика. Один из членов русской делегации в Париже в этой связи верно заметил, что «показания подобных свидетелей не только не прибавят ничего к нашим доводам, но, напротив того, уменьшат в глазах комиссаров то безусловно выгодное впечатление, которое произвели показания наших офицеров» (АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 36). Из всех этих свидетельств в документальное приложение к российскому докладу вошли только показания Лёфстрёма и Игла, но и свидетельства этого последнего барон Таубе оказался вынужден признать «ничего не стоящими»: F.O. R.C. 65/1735. P. 48 (Депеша О’Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 2 февраля 1905 г.).

<sup>299</sup> См.: Ibid. 65/1734. P. 72, 85, 131, 159; 65/1735. P. 78.

<sup>300</sup> Ibid. 65/1729. P. 236–237 (Записка Луи Баттенбергского по поводу телеграмм Рождественского от 27 октября 1904 г.).

<sup>301</sup> АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1191. Л. 8 об.

несколько десятков датчан (экипажи кораблей его агентуры и датских военных судов, чиновники датского Морского министерства, жители приморских поселков) могли догадываться или даже определенно знать, чем в действительности занимался Гартинг на территории этой нейтральной страны<sup>302</sup>. Все это, по его мнению, могло иметь крайне неблагоприятные последствия как для России, так и для самой Дании. Департамент полиции, а затем и Главный морской штаб с доводами Гартинга согласились.

Исключение было сделано только для шхуны «Эллен» из «флотилии» Гартинга – ранее ее капитану пришлось по постороннему поводу объясняться с полицией, это попало в печать, и его работа на русскую контрразведку уже не составляла секрета – к большому неудовольствию контрразведчиков. С капитана «Эллен» и членов ее экипажа были сняты и нотариально заверены показания о неизвестных миноносцах, встреченных ими в море во время крейсерования. 6 (19) ноября. Извольский переправил эти показания Ламздорфу, а тот передал чиновнику МИД, намеченному в состав российской делегации в Париже<sup>303</sup>. Позднее туда же попали показания капитана норвежского парохода «Adela» и его штурмана Эндре-Кристиана Христиансена, которые 6 (19) и 7 (20) октября у берегов Норвегии одно за другим видели два неизвестных судна, причем были уверены, что встретили миноносцы, и подробно описали их внешний вид. Свои услуги России предложил и У. Лукас (W. Lucas), штурман английского коммерческого парохода “Titania”, который рано утром 2 (15) октября на пути из Антверпена в Великобританию, в 25-ти милях от плавучего маяка *Newarp* встретил два миноносца без флагов и огней. Лукас выразил готовность дать соответствующие показания и даже изобразил один из замеченных кораблей на бумаге. Правда, на этом, сохранившемся в АВПРИ, рисунке, выполненном корявой рукой моряка, оказалось изображено нечто, на миноносец вовсе не похоже.

В поисках новых и притом «легальных» (т.е. не связанных с секретной агентурой) свидетелей Петербург решил прибегнуть к не совсем обычному способу. 26—27 октября российские послы в Париже и Лондоне получили указание своего министра поместить в газетах сообщение о том, что русское правительство «щедро вознаградит» всех, кто способен доказать, что в ночь на 9 (22) октября на Доггер-банке находились японские миноносцы, а те, в свою очередь, проинформировали об этом своих консулов<sup>304</sup>. Однако в ответ посол во Франции Нелидов, с подачи Мануйлова, сообщил в Петербург, что подобная публикация опасна тем, что русское правительство рискует стать объектом шантажа или нежелательных спекуляций в западноевропейской печати<sup>305</sup>. Взамен нужные сведения Нелидов предложил собрать агентурным путем – с помощью все того же Мануйлова, но Лопухин категорически запретил последнему приниматься за это дело<sup>306</sup>. Вместо него в Париж был направлен Рачковский, который явился во французскую столицу в первых числах декабря 1904 г. и пробыл там вплоть до 20 января 1905 г. Кстати, с негласного участия в разборе «гульского инцидента» началось его «второе пришествие» в Департамент полиции – по возвращении в Петербург Рачковский был сначала назначен чиновником особых поручений товарища министра внутренних дел, а с лета 1905 г.

<sup>302</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 31—32, 37—37 об.

<sup>303</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 56.

<sup>304</sup> Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1158. Л. 65—65 об.

<sup>305</sup> Несмотря на предостережения Нелидова, обещания награды свидетелям от имени русского правительства все-таки были напечатаны в немецких и датских газетах, выходивших в заштатных портовых городах, и очень скоро опасения Нелидова подтвердились. 2 (15) ноября в газете «Standard» были опубликованы «сногшибательные» материалы по «гульскому делу» – донесение мифического русского агента в Лондоне, якобы целиком взятое из секретной депеши японского посла Хаяси в Токио, с детальным описанием подготовки японских миноносцев к нападению на суда Рождественского и их действий на самой Доггер-банке. Нелидов быстро установил, что эта публикация – «суть произведение известного лжеца и авантюриста Николая Нотовича», который «способен на интригу и в пользу Японии». Царь, также знавший Нотовича за «весьма ненадежного человека», согласился с тем, что предъявлять эту публикацию следствию для России чревато неприятными последствиями (Там же. Ф. 143. Оп. 491. Д. 63. Л. 16).

<sup>306</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 19. Л. 45—45 об., 48.

фактически возглавил весь политический розыск в империи. По-прежнему не особо доверяя друг другу, в Париже Рачковский и Мануйлов выполняли функции «разведки» русской делегации.

В начале ноября 1904 г. для выяснения обстоятельств произошедшего на Доггер-банке в Париж направился сам директор Департамента полиции. В ходе неофициальных консультаций с президентом Республики, министром иностранных дел и руководителями французских секретных служб Лопухин выяснил готовность Франции в рамках франко-русского союза и впредь оказывать услуги российской контрразведке. Усилиями французов была пополнена и без того изрядная «коллекция» иностранных свидетелей, наблюдавших в Северном море таинственные корабли без флагов и огней. На этот раз миноносец был замечен «лежащим на воде совершенно неподвижно» близ маяка Гросс-Занд – в 17:30 8 (21) октября его видел капитан французского судна «Св. Андрей» Жан-Батист Эсноль (J.-B. Espol), который выразил готовность подтвердить это под присягой. Вместе с ранее зафиксированными, теперь таких случаев по общему счету стало уже семь.

Не сидели сложа руки и японцы. 6 ноября (по новому стилю) во французской газете «L'Écho de Paris» появилась статья, в которой указывалось, что в Северном море против русской эскадры действовали японские миноносцы. Мануйлов утверждал, что эта публикация, перепечатанный другими европейскими газетами, вызвала в японской миссии в Гааге «большой переполох», и «посланник Митцухаши приказал служащему в канцелярии (русскому агенту. – Д.П.) перенести все документы в свою спальню, где он запер их в железный шкаф»<sup>307</sup>. На следующий день Митцухаши собрал у себя своих коллег-дипломатов в Бельгии и Голландии<sup>308</sup>. Нетрудно догадаться, что помимо общеполитической ситуации, созданной «гульским инцидентом», предметом их обсуждения стало то, как сохранить в тайне свои козни против русской эскадры. Подробности этой встречи не известны, однако 8 ноября сразу в двух голландских газетах (местной «Dagblad» и влиятельной роттердамской «Nieuwe Rotterdamsche Courant») появились официальные опровержения упомянутого сообщения «L'Écho de Paris». В тот же день Митцухаши получил из Великобритании от некоего Кокаиме (Kokaime) депешу следующего содержания: «Несколько слов, чтобы уведомить Вас, что я прибыл в Гуль и тотчас же принялся за работу. В “L'Écho de Paris” было напечатано, что, без сомнения, миноноски принадлежали нам, те, которые были замечены в Немецком море, но думаю, что это им доказать не удастся ... Буду немедленно телеграфировать о результате, как только все нужные меры будут приняты»<sup>309</sup>.

14 ноября 1904 г. микадо призвал к себе высших военных и морских чинов. Весьма осведомленный корреспондент “Times” утверждал, что речь на этом секретном совещании шла о том, «как перехватить Балтийский флот, когда тот появится в дальневосточных водах»<sup>310</sup>.

\* \* \*

Слякотным и промозглым субботним вечером 4 (17) декабря 1904 г. на Варшавском вокзале Петербурга под парами стоял *Nord Express*. На перроне собрались две толпы провожающих. В одной сгрудились восторженные поклонники знаменитой актрисы и певицы Аделины Патти. Она возвращалась домой после благотворительных концертов в российской столице в пользу раненых воинов. В другой шумели многочисленные почитатели, сослуживцы и друзья капитана Кладо, который отправлялся в Париж свидетелем по делу «гульского

<sup>307</sup> Там же. Д. 1, ч. 4. Л. 206.

<sup>308</sup> Там же. Д. 1, ч. 5. Л. 91 (Разбор шифрованной телеграммы Мануйлова из Парижа от 5 ноября 1904 г.).

<sup>309</sup> Там же. Л. 419 (Перевод с японского языка записки от 8 ноября 1904 г. на имя Митцухаши).

<sup>310</sup> The Times. 1904. November 16 (No. 37553). P. 5.



инцидента». Накануне его чествовали в Военном и Морском клубах, вечером коллеги-новомременцы создали прощальный ужин, говорили прочувствованные речи, стихотворные экспромты, на память поднесли художественно исполненный серебряный ковш. После вчерашних бесчисленных тостов у капитана побаливала голова, но он был весел и приветлив. Как переменчива судьба! Еще месяц назад, сразу по приезде из Виги в Петербург, его пригласили в Царское Село, где он подробно рассказал обо всем случившемся в Северном море самому императору, а потом Морское министерство осмелилось закатать его, старшего офицера и «высочайше» обласканного всенародного любимца, на двухнедельную гауптвахту за «распространение ложных сведений в печати». Теперь же, освобожденный из тюрьмы по повелению императора, в ореоле мученика-правдолюбца и в окружении поклонников и поклонниц он едет в Париж главным свидетелем на сенсационном процессе. Впереди – блестящее, как всегда, выступление и уже европейская известность!

Ожидая отхода поезда, по перрону прогуливался высокий старик с черными адмиральскими двуглавыми орлами на погонах. Это был генерал-адъютант Н.И. Казнаков – глава российской делегации. Позади почтительно следовали его адъютанты, лейтенант гвардейского экипажа Волков и Казнаков-младший, тоже морской офицер, и секретарь – 43-летний Василий Штенгер из Ученого отдела Главного морского штаба. В руках подполковник сжимал пухлый портфель, в котором лежала та самая сверхсекретная папка с документами «относительно намерений японцев» – в пути Штенгер не собирался расставаться с ней даже ночью. Поодаль, не решаясь приблизиться к величественному адмиралу, курили остальные свидетели – лейтенанты Эллис и Шрамченко и мичман Отт. Два других российских делегата – делопроизводитель II департамента МИД, 35-летний экстраординарный профессор Петербургского университета, коллежский советник барон М.А. Таубе и его сверстник, драгоман российского посольства в Константинополе надворный советник А.Н. Мандельштам, оба – доктора международного права, сидели уже в купе (на улице было слишком ветрено) и обсуждали последние мидовские слухи. Барон слушал невнимательно и был рассеян: накануне его коллега и учитель профессор Ф.Ф. Мартенс сообщил по секрету, что его «старые испытанные» английские друзья утверждают «под честным словом, что никаких японцев в районе Доггер-Банки при переходе эскадры адмирала Рожественского не было, что с ней случилось крупное недоразумение» и потому российскую делегацию в Париже ждет «огромный конфуз на весь мир». Ничего другого не остается, заключил для себя барон, как «*faire bonne mine à mauvais jeu*» (делать хорошую мину при плохой игре)<sup>311</sup>. Впрочем, ставить в известность «милейшего Андрея Николаевича» (Мандельштама) о своих тревогах и дурных предчувствиях почтенный Михаил Александрович счел излишним.

Утром 6 (19) декабря *Nord Express* сделал 10-минутную остановку во французском Льеже, где русских делегатов уже ждали репортеры, которые примчались из Парижа. Но Казнаков от интервью отказался наотрез (европейские газеты потом отмечали «умелую скрытность» адмирала), а Штенгер, сжимая заветный портфель, даже прятался от назойливых журналистов в туалете. Один Кладо охотно делился с подсевшим к нему в купе корреспондентом «*L'Écho de Paris*» своими впечатлениями о войне, попутно разбирая пачку приветственных телеграмм, адресов и писем почитателей. Беседовали, конечно, по-французски. Подоспевшему корреспонденту “*Times*” Кладо самонадеянно заявил, что «гульский инцидент», по его мнению, не должен мешать грядущему англо-русскому сближению<sup>312</sup>.

В Париж экспресс прибыл ровно в четыре часа дня. С *Gare du Nord* делегаты в сопровождении советника российского посольства А.В. Неклюдова, военно-морского атташе Г.А. Епанчина и приехавшего накануне Рачковского отправились на *Rue de la Paix* в гостиницу

<sup>311</sup> Таубе М.А. Указ. соч. С. 54–55.

<sup>312</sup> The Times. 1904. December 21 (No. 37583). P. 3.

«Мирабо», а вечером вся компания ужинала у Епанчина дома. Праздновали приезд и поздравляли Казнакова, который оказался именинником вдвойне: во-первых, поскольку звался Николаем (на дворе был Николин день), а во-вторых, потому, что в этот именно день в свое время он получил бриллиантовые знаки к ордену Св. Александра Невского. Отметим и недавнее производство Гавриила Епанчина в капитаны 2-го ранга. После третьего бокала адмирал заснул, но этого никто не заметил: всех очаровала юная жена военно-морского атташе.

Утром адмирал с адъютантами отправился в Елисейский дворец представляться президенту Лубэ, а затем на набережную *d'Orsay* в Министерство иностранных дел, в бело-золотом (в стиле Людовика XV) зале которого в тот же день под его, как старшего по чину, председательством должно было состояться первое распорядительное заседание международной следственной комиссии. Штенгер и Таубе засели в гостиничном номере составлять описание инцидента – *L'Exposé des faits*. Писали с русского черновика сразу по-французски, которым барон владел в совершенстве. Свидетели-офицеры, коротая время и согреваясь вином (третьеразрядная гостиница плохо отапливалась), разбрелись по комнатам и глазели на парижскую жизнь. Окна их номеров выходили прямо на ярко освещенный четырехэтажный дом – салон модного портного, дамского «идола» Ворта, в подъезд которого из подкатывавших один за другим богатых экипажей и роскошных автомобилей впархивали изящные парижанки. Устоять перед парижскими соблазнами оказалось под силу не всем.

Казнаков получил назначение в Париж не случайно. Он имел репутацию не только многоопытного моряка и специалиста в вопросах морского права, но и знатока англо-саксонского флотского мира – в 1903 г. именно ему было доверено командование русской эскадрой, направленной с дружеским визитом в США; к тому же он свободно говорил по-английски. Беда была в том, что 70-летний адмирал был стар и дряхл. Он плохо слышал, много путал и говорил невпопад, быстро утомлялся и внезапно засыпал. Если верить Таубе, Казнаков, например, усиленно расспрашивал коллег-адмиралов, «кто собственно был этот загадочный Мирабо, по имени которого был назван старый отель на рю де ла Пэ, в котором все мы остановились»; адмирал Фурнье превратился у него в «Мурнье» и т.д.<sup>313</sup> В общем, скоро стало ясно, что ему требуется замена. Чтобы не обижать заслуженного человека, по совету Нелидова под благовидным предлогом (для «доклада») император отозвал его в Петербург, и 18 (31) декабря адмирал уехал в полной уверенности, что своим внезапным отзывом обязан «проделкам императора Вильгельма», с которым морская судьба столкнула его в каком-то иностранном порту чуть не 20 лет назад. После отъезда Казнакова председательство в комиссии перешло к французам Фурнье.

24 декабря (6 января) на смену престарелому адмиралу в Париж тем же Северным экспрессом прибыл 59-летний вице-адмирал Ф.В. Дубасов. На работах международной комиссии эти перемещения никак не отразились – после двух заседаний 7 (20) и 9 (22) декабря «комиссары» решили сделать перерыв и разъехались до конца рождественских праздников по домам. Дубасов поспел как раз к первому после этих каникул заседанию комиссии 27 декабря (9 января), когда был окончательно утвержден ее *Règlement de procédure*. Какие указания русский адмирал получил перед отъездом из Петербурга, не известно, но с его появлением дело пошло ходко – было очевидно, что Россия стремится завершить расследование как можно скорее и ради этого готова пойти на дальнейшие уступки, всячески при этом избегая «вносить новое раздражение в общественное мнение России и Англии»<sup>314</sup>, как выразился Неклюдов. В новой комбинации роль негласного дирижера российской делегации была возложена на посла в Париже Нелидова. О ходе работы следственной комиссии этот сановник, ни разу не почтивший ее заседания личным присутствием, узнавал из конфиденциальных донесений советника своего посольства Неклюдова, который выступал на ней в качестве официального представи-

<sup>313</sup> Таубе М.А. Указ. соч. С. 60.

<sup>314</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 1 об. (Записка Неклюдова Нелидову, Париж, 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.)).

теля российского МИД. Всего таких донесений сохранилось семь, и все они – весьма ценный и не известный до сих пор источник для изучения тайных пружин деятельности российской делегации на интересующем нас международном форуме.

Нелидов же утвердил и общую инструкцию делегатам. В ней говорилось: «Не желая вводить в работы Комиссии нового повода к распре и к возбуждению общественного мнения Англии, мы не должны непременно доказывать, что миноносцы, произведшие нападение на нашу эскадру, были куплены или снаряжены в Англии, или что английские моряки вербовались на эти суда; мы можем ограничиться лишь настойчивым утверждением того факта, что нападение действительно было, а для подобного утверждения вполне достаточными являются подробные, ясные и твердые показания наших трех морских офицеров; в дополнение же к этим показаниям весьма ценно свидетельство лоцмана Христиансена, видевшего накануне происшествия вблизи от Доггер-Банка два неизвестной национальности миноносца, совершенно соответствующих по внешнему виду тем, которые произвели нападение на нашу эскадру; само собой разумеется, что, выказывая столь умеренный образ действий, мы вправе ожидать и с английской стороны умеренного и беспристрастного отношения к делу; в противном же случае, то есть если бы англичане стали стремиться во что бы то ни стало доказать, что никаких неприятельских судов вблизи места происшествия быть не могло и что наша эскадра ошиблась самым грубым образом, приняв именно рыбацьи пароходы за японские миноносцы, – то мы можем выдвинуть новый ряд свидетелей, показания коих указывают, хотя и несколько голословно, но весьма правдоподобно, на тайное снаряжение в Англии судов с неприязненною против русской эскадры целью и на вербовку английских матросов для этого предприятия»<sup>315</sup>.

Рассмотрение скандального происшествия внесло в этот план некоторые коррективы, но главное – подчеркнуто примирительный тон русской делегации и ее стремление ограничить расследование рамками самого инцидента – остались магистральной линией ее поведения в течение всего времени работы парижской комиссии. В известной мере это миролюбие, очевидно, отвечало намерениям и потерпевшей стороны – профессор Мартенс, ссылаясь на тех же своих «хорошо осведомленных в политических вопросах» английских доверителей, утверждал, что «*Foreign Office* совершенно не намерен серьезно ссориться с нами из-за этого глупого дела»<sup>316</sup>. Русские делегаты в беседах с британскими коллегами неоднократно подчеркивали свое нежелание «обострять вопрос, особенно публично, новыми и относящимися лишь косвенно к делу препирательствами касательно каких бы то ни было происков, неблагоприятных вербовок и т.д.»<sup>317</sup>. Все эти заверения имели одну цель – убедить представителей потерпевшей стороны, что, как бы ни складывалось расследование, российская делегация сделает все от нее зависящее, чтобы не нанести ущерба престижу Великобритании и не поставить под удар английских подданных.

Действия британской делегации в Париже направлял будущий советник посольства Великобритании в Петербурге, а тогда – 1-й секретарь британской миссии в Париже 38-летний сэр Хью О'Берн (Н. О'Веирне). Свои подробные донесения он слал в Лондон почти ежедневно – сначала на имя постоянного госсекретаря по иностранным делам Томаса Сандерсона (Т.Н. Sanderson), а затем и самого министра Лансдоуна; от них же получал и указания по всем вопросам. Эта переписка, сохранившаяся в бумагах Форин офис, в совокупности с упомянутыми конфиденциальными докладами Неклюдова и сообщениями повременной печати дает возможность подробно и достоверно изучить ход работы парижской следственной комиссии и оценить ее результаты.

<sup>315</sup> Там же. Л. 17 об.—18 об.

<sup>316</sup> Таубе М.А. Указ. соч. С. 54.

<sup>317</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 29 об. (Заявление Таубе на одном из закрытых заседаний международной следственной комиссии в Париже в январе 1905 г.).

Пока адмиралы-«комиссары» отмечали дома Рождество, гульские рыбаки определялись с финансовыми претензиями к русскому правительству. К концу декабря потерпевшими объявили себя 399 человек (при, напомним, восьми непосредственно пострадавших), общая сумма иска которых составила без малого 104 тыс. фунтов стерлингов, или 960 тыс. рублей. Сами собой установились и «тарифы»: за легкую рану, полученную на Доггер-банке, – по 5 тыс. рублей, за испытанные здесь «нервное потрясение и испуг» – по 450 рублей, за то же членам семей на берегу – 28 тыс. рублей в общей сложности, за «спасение получивших повреждения баркасов» – по 4500 рублей за каждый и т.д.<sup>318</sup> Те рыбаки, которые в ночь на 9 (22) октября находились в море, но далеко от места происшествия, в обоснование своих финансовых претензий в один голос стали утверждать, будто были обстреляны неким русским судном ранним утром следующего дня. Сумма их иска показалась чрезмерной даже комиссии, специально назначенной британским кабинетом, которая уменьшила ее до 60 тыс. 23 фунтов. Русский император и после этого нашел выставленный англичанами счет «чудовищным»<sup>319</sup>, но Петербург его оспаривать не стал, и 23 февраля (8 марта) 1905 г. граф Бенкендорф от имени своего правительства переправил лорду Лансдоуну чек на 65 тыс. фунтов стерлингов. Таким образом, вопрос о возмещении убытков гульским рыбакам, принципиально оговоренный задолго до созыва международной комиссии, был окончательно разрешен в результате непосредственных переговоров Лондона и Петербурга без участия парижских «комиссаров», хотя и с учетом их окончательного вердикта. В собственноручной расписке, выданной Бенкендорфу, Лансдоун подтвердил получение «компенсации пострадавшим в ходе инцидента 21—22 прошедшего октября» и, от лица своего кабинета, гарантировал русскому правительству, что «каких-либо последующих претензий в связи с упомянутым инцидентом» не будет<sup>320</sup>. 60 тыс. фунтов были выплачены из сумм российского Морского министерства, а оставшиеся пять тысяч царь внес из личных средств.

В 15:30 6 (19) января 1905 г. международная комиссия впервые собралась в полном составе на свое первое публичное заседание в здании французского МИД. «В зале присутствовала многочисленная публика, в том числе много элегантно одетых дам и дипломатов, а также секретарь японского посольства и журналисты», – описывал увиденное нововременский корреспондент<sup>321</sup>. Британский, а затем и российский представители зачитали свои «Заключения», предварительно напечатанные и розданные «комиссарам». Сэр Хью О'Берн никаких нарушений международных правил и даже просто странностей в действиях своих рыболовов не заметил и присутствие на Доггер-банке миноносцев категорически отрицал. Действительный статский советник (ДСС) Анатолий Неклюдов исходил из обратного и утверждал, что вице-адмирал Рожественский «не только имел право, но находился в абсолютной необходимости действовать именно так, как он действовал ... чтобы истребить миноносцы, атаковавшие его эскадру». «Замечательно, – отметил корреспондент “Нового времени”, – что русское изложение ограничивается подтверждением лишь факта нападения, основательно не вдаваясь в вопрос, откуда явились миноносцы. Таким образом, защита русской точки зрения отнюдь не переходит в обвинение подданных какого-либо нейтрального государства в соучастии в нападении на русскую эскадру»<sup>322</sup>. «Изложение великобританского агента, прочитанное первым, – делился Неклюдов со своим шефом впечатлениями от первого дня публичных слушаний, – составлено, в сущности, в очень умеренных выражениях ... Изложение это страдает некоторою

<sup>318</sup> Крымский вестник. 1904. 12 (25) дек. (№ 318); Русский вестник. 1905. Апр. (№ 4). С. 695—696.

<sup>319</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 64. Л. 171 (Резолюция Николая II на секретной телеграмме Бенкендорфа из Лондона в МИД от 13 (26) февраля 1905 г.).

<sup>320</sup> Там же. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1158. Л. 171 (Письмо Лансдоуна Бенкендорфу, Лондон, 23 февраля (8 марта) 1905 г. Автограф).

<sup>321</sup> Новое время. 1905. 7 (20) янв. (№ 10359).

<sup>322</sup> Там же. 15 (28) янв. (№ 10367).

запутанностью ... Напротив того, наше изложение представляет собою вполне ясный и связанный рассказ о происшествии, причем отнюдь не затрагивается щекотливый вопрос о возможном подготовке нападения в великобританских портах или об участии в этом нападении со стороны пароходов английской рыбацкой флотилии»<sup>323</sup>. Несмотря на это, в Форин офис документальные материалы, представленные русской стороной, вызвали раздражение: «они, – комментировали их из Лондона О'Берну, – в основном состоят из докладов, призванных показать, что японская атака в Северном море была подготовлена»<sup>324</sup> (по смыслу – в Великобритании. – Д.П.).

На заседаниях 12 (25)—14 (27) января перед «комиссарами» выступали свидетели потерпевшей стороны. Заслушивать показания 27 рыбаков оказалось делом утомительным и «снотворным», и не только для убежденных седидами «комиссаров». «Все это до такой степени надоело, – вспоминал барон Таубе, – что к концу показаний свидетелей с английской стороны зал заседания представлял из себя “аравийскую пустыню”, и только в первом ряду кресел мужественно выдерживала эту тоску почтенная супруга моего юридического оппонента леди Фрей, которая в своем платье, близко походившем на кринолины первых лет правления блаженной памяти королевы Виктории и в зеленой вуали на шляпке того же времени, живо напоминала юмористические фигурки из незабвенного “Punch”а»<sup>325</sup>. Если говорить о существе данных показаний, то единодушны свидетели-рыбаки оказались в одном: инструкций они не нарушали, их баркасы передвигались обычным для рыбной ловли порядком, все положенные огни были зажжены, и вовремя. В остальном их показания были сбивчивы и противоречивы: одни говорили, что наблюдали на Доггер-банке какие-то «черные предметы» или даже «иностраные малые суда», другие их не видели, третьи не могли воспроизвести на макете положения своих и соседних баркасов в момент инцидента и т.д. В этой мутной воде окончательно потерялись их утверждения трехмесячной давности о миноносцах, замеченных на Доггер-банке, и том из них, который оставался на месте происшествия до утра 9 (22) октября. И хотя оставалось непонятным, кто в таком случае стрелял в них в то утро (английские эксперты выдвинули заведомо фантастическое предположение, что это была многострадальная «Камчатка», даже отдаленно не походившая на миноносец), русские делегаты в подробности вдаваться не стали и на уточнениях не настаивали, по-прежнему опасаясь «затронуть английское общественное мнение». «Показания английских рыбаков по гульскому делу, по общему впечатлению дипломатов, – читаем в нововременском отчете, – отличаются отсутствием определенности»<sup>326</sup>.

На следующий день, 15 (28) января, Неклюдов, в соответствии с вышеупомянутой инструкцией своего шефа, попытался закулисно договориться с англичанами. В ходе неофициальной (и даже «не полуофициальной», как он подчеркнул) беседы с О'Берном, от своего и Нелидова имени, он предложил заключить следующее джентльменское соглашение: русская делегация не будет оглашать имеющиеся в ее распоряжении сведения о тайных приготовлениях японцев к нападению на русскую эскадру «при потворстве частных лиц из числа британских судовладельцев» в обмен на признание англичанами, что русские моряки оказались вынуждены открыть огонь на Доггер-банке «под влиянием обстоятельств». Но О'Берн, убежденный, что материалы, на которые ссылался Неклюдов, «совершенно ничего не стоят», предложенный компромисс отклонил<sup>327</sup>.

18 (31) января и в течение двух следующих дней комиссия заслушивала русских свидетелей. Корреспондент “Times” зафиксировал оживление в зале, в котором вновь собра-

<sup>323</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 11—11 об. (Донесение Неклюдова Нелидову, Париж, 7 (20) января 1905 г. № 2).

<sup>324</sup> F.O. R.C. 65/1734. P. 217 (Черновик письма на бланке Форин офис О'Берну в Париж, Лондон, 22 января 1905 г.).

<sup>325</sup> Таубе М.А. Указ. соч. С. 73.

<sup>326</sup> Новое время. 1905. 15 (28) янв. (№ 10367).

<sup>327</sup> F.O. R.C. 65/1734. P. 405—407 (Письмо О'Берна в Форин офис, Париж, 28 января 1905 г.).

лось много дам, «предвкушавших услышать русских военных моряков»<sup>328</sup>. На перекрестном допросе Кладо, Эллис и Шрамченко описали инцидент тождественно и в деталях, хотя, как мы помним, все находились на разных судах. Благоприятное впечатление на слушателей произвело и то, что в момент инцидента первые двое стояли на вахте, все происходившее наблюдали с начала и до конца и приняли непосредственное участие в отражении атаки. Минный офицер Шрамченко на вахте не был, но поднялся на палубу «Бородин» еще до начала стрельбы и также смог подробно рассказать о двух увиденных им миноносцах: двухтрубные, низкобортные, черного цвета, эскадренного типа. Это описание, как и всей обстановки инцидента, полностью совпало с тем, что ранее «комиссары» услышали от Кладо и Эллиса. «Наши офицеры, подтверждая свои свидетельства честным словом, дали свои показания в связном изложении один за другим на русском языке»<sup>329</sup>, – доносил Неклюдов Нелидову. – <...> Ясные, отчетливые, подробные и дышавшие безусловной правдивостью изложения наших моряков не могли не произвести глубокого и вполне благоприятного впечатления на всех беспристрастных слушателей и в особенности на самих адмиралов-комиссаров, не включая и почтенного сэра Льюиса Бомонта ... Наши молодые офицеры отвечали сдержанно, умно, не уклоняясь в сторону от сущности задаваемых им вопросов, и всем своим поведением перед комиссией сделали, безусловно, честь носимому им высокому званию русских морских офицеров». Публике же и журналистам особенно понравились корректные, но в то же время остроумные ответы капитана 2-го ранга Кладо, который, как и предвкушал, наутро проснулся знаменитым, получив, по словам Неклюдова, «*une très bonne presse*» (очень хорошую прессу)<sup>330</sup>. В своем очередном докладе в Лондон О'Берн с удовлетворением отметил, что в своих показаниях русские свидетели очень мало говорили о «подозрительном поведении траулеров», при этом «ясно различая предполагаемые миноносцы и паровые баркасы» рыбаков; «не могу утверждать, чтобы его (Кладо. – Д.П.) взглядам полностью доверилось большинство адмиралов, но он, несомненно, произвел благоприятное впечатление на многолюдную аудиторию, которая присутствовала на сегодняшнем заседании»<sup>331</sup>.

Дружественная России печать («*Matin*») расценила состоявшийся словесный поединок как полную победу русских, и даже английская пресса («*Daily Chronicle*») была вынуждена констатировать: «Доводы русских можно резюмировать одной фразой: то, что они видели – они видели. Они видели миноносцы, следовательно, миноносцы были там», правда, лукаво прибавив при этом: «никто, кроме русских офицеров, их не видел»<sup>332</sup>. Петербургские газеты трубили победу. «Присутствие миноносцев доказано неоспоримо, – ликовало «Новое время». – Ошибка при данных условиях была немыслима. Если рыбаки пострадали, то это было делом неотвратимого случая»<sup>333</sup>. В действительности до победы было еще далеко, но чаша весов зримо качнулась на российскую сторону. «Слушания приняли направление, определенно благоприятное для русской стороны», – признал в своем очередном докладе в Лондон О'Берн<sup>334</sup>.

Насколько убедительно свидетельствовали эти трое офицеров, настолько же маловразумительно выступил 27-летний лейтенант В.К. Вальронд с транспорта «Камчатка», которого опрашивали 18 (31) января (мичман Отт с «Анадыря» в качестве свидетеля российской делега-

<sup>328</sup> The Times. 1905. February 1 (No. 37619). P. 3.

<sup>329</sup> Согласно регламенту комиссии, проблему присяги каждый свидетель решал по собственному усмотрению. Тот же документ установил рабочим языком заседаний французский, почему русские офицеры после перевода своих показаний на французский язык прочли их вновь уже на этом языке.

<sup>330</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 26 об. (Донесение Неклюдова Нелидову, Париж, 19 января (1 февраля) 1905 г. № 4), 31, 31 об. (Донесение Неклюдова Нелидову, Париж, 20 января (2 февраля) 1905 г. № 5).

<sup>331</sup> F.O. R.C. 65/1734. P. 418 (депеша О'Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 31 января 1905 г.); 65/1735. P. 4–5 (депеша О'Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 1 февраля 1905 г.).

<sup>332</sup> Цит. по: Новое время. 1905. 2 (15) февр. (№ 10385).

<sup>333</sup> Там же. 1 (14) февр. (№ 10384).

<sup>334</sup> F.O. R.C. 65/1735. P. 24 (Депеша О'Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 2 февраля 1905 г.).

цией выставлен так и не был, его отозвали в Петербург<sup>335</sup>). Выбор Вальронда, по общему (включая англичан) мнению, оказался не вполне удачным. Выяснилось, что, сдав вахту в 8 часов вечера 8 (21) октября, он спустился в свою каюту, более на палубу не выходил и, таким образом, своими глазами никаких миноносцев не наблюдал; после начала атаки он перешел в радиорубку и, по распоряжению своего командира, отправлял и принимал радиограммы с «Князя Суворова»<sup>336</sup>. Накануне английская сторона обвинила «Камчатку» в обстреле немецкого рыболовного судна «Sonntag» и шведского коммерческого парохода «Aldebaran», которые находились поблизости русского транспорта, но серьезных повреждений не получили, хотя «Камчатка» выпустила из своей единственной пушки около 300 снарядов, отбиваясь от миноносцев на протяжении более двух часов (иначе говоря, в эти пароходы никто прицельно не стрелял). Так, по показаниям капитана шведского угольщика Магнуса Йонсона и механика Нильса Штромберга, после 15-минутного обстрела, но «не получив никакой аварии, “Aldebaran” продолжил путь»<sup>337</sup>. Вместе с тем, внятно прокомментировать эти похождения «Камчатки» Вальронд не смог, и русским делегатам, говоря словами Неклюдова, пришлось из уст шведских моряков выслушать «не совсем приятное ... освещение мероприятий нашего отставшего от эскадры транспорта». Впрочем, успокаивал он Нелидова, «эти подробности, уловимые только для опытных моряков, прошли в публике и печати совершенно бесследно»<sup>338</sup>.

Однако на самом деле обвинения команды «Камчатки», мягко говоря, в непрофессионализме охотно смаковались русофобской прессой<sup>339</sup>, живо обсуждались в кулуарах членами российской делегации<sup>340</sup>, а затем стали обязательным атрибутом многих исторических исследований, своеобразным правилом «хорошего тона» для их авторов. Пользуясь тем, что почти весь экипаж этой плавучей мастерской вместе с судном погиб в цусимском бою, и, таким образом, в деталях восстановить картину событий вечера 8 (21) октября 1904 г. уже невозможно (эти детали не были понятны даже Рождественскому, который специально телеграфировал об этом в Париж из Танжера), некоторые исследователи – отечественные и зарубежные – стремятся

<sup>335</sup> Барон Таубе в частном разговоре пояснил О'Берну, что «Отт настолько усердно бросился наслаждаться столичными удовольствиями, что было признано необходимым “репатриировать” его за казенный счет». См.: Ibid. P. 5 (Депеша О'Берна Лансдоуну в Лондон, Париж, 1 февраля 1905 г.).

<sup>336</sup> Новое время. 1905. 19 янв. (1 февр.) (№ 10371).

<sup>337</sup> Там же. 18 (31) янв. (№ 10370). Существовала и другая версия обстрела шведского парохода, причем в изложении всех тех же Йонсона и его помощника в интервью шведским газетам сразу по прибытии в порт 13 (26) октября. Капитан сообщил, что вечером 8 (21) октября в Северном море в 90 милях от Ютландии «большой корабль, очевидно, русский крейсер» начал освещать его судно прожекторами, а затем произвел выстрел, после чего Йонсон распорядился поднять флаг шведского торгового судна. Несмотря на это, «последовали выстрелы в нашу сторону из орудий разных калибров» (?), причем обстрел начинался дважды и оба раза продолжался 10—15 минут. Помощник Йонсона рассказал, что по его пароходу с расстояния в 900 метров в общей сложности было сделано не менее ста выстрелов, не причинивших, однако, ущерба ни судну, ни его команде; инцидент длился около часа – примерно с 20:30 до 21:30. Отвечая на вопрос о причинах обстрела, шведский моряк предположил, что «возможно, “Aldebaran” приняли за миноносец, поскольку нас тщательно рассматривали с разных сторон» (см.: F.O. R.C. 65/1729. P. 397 (Изложение интервью капитана Йонсона и его помощника шведским газетам в порту Gefle)). Шведские газеты отнеслись к этим известиям с недоверием, общественность осталась равнодушной, а официальный Стокгольм (в лице министра иностранных дел) отозвался о них, как о «преувеличении» (Ibid. 65/1730. P. 303—304 (Депеша посла Великобритании в Швеции Кларка Лансдоуну в Лондон, Стокгольм, 4 ноября 1904 г.)). Несмотря на это, британская делегация в Париже использовала показания Йонсона именно в этой, первоначальной и «преувеличенной» редакции. Добавим, что шведский пароход водоизмещением в 1,17 тыс. т был в пять-шесть раз больше любого тогдашнего миноносца, «Камчатка» же вовсе не походила на крейсер, да и вооружена была значительно скромнее, чем следовало из рассказов шведских моряков.

<sup>338</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 24 об.

<sup>339</sup> См., напр.: The New York Times. 1904. October 28 (No. 17104). P. 1.

<sup>340</sup> «В вечер 7-го октября, то есть, значит, за несколько часов до инцидента, – по секрету, путая даты, нашептывал Рачковский Таубе в холле парижской гостиницы, – “Камчатка”, заблудившись в тумане, значительно отстала от остальной эскадры и, испуганная своим одиночеством, терроризированная слухами о японских засадах по всему ее пути и, наконец, сильно подбодренная винными парами своего храброго командира Степанова и его экипажа, встречала пальбой всякое судно, попадавшееся им на этой большой морской дороге». «Мне оставалось только сердечно поблагодарить Рачковского и немедленно доложить все адмиралу Дубасову», – вспоминал полвека спустя барон (Таубе М.А. Указ. соч. С. 65).

выставить российских моряков в весьма неприглядном свете. Фрэнк Найт, например, пишет, что «Камчатка» в течение «нескольких минут» обстреливала «воображаемые» миноносцы, Вествуд и Эдгертон утверждают, что капитан русского судна, капитан 2-го ранга А.И. Степанов 3-й, был «совершенно пьян»<sup>341</sup>, а петербуржцы В.Ю. Грибовский и В.П. Познахирев со вкусом повторяют вышеприведенные обвинения английской делегации в Париже. Как и их британские коллеги, они считают «достоверно установленным, что японских миноносцев в октябре 1904 г. в европейских водах не было»<sup>342</sup>, попросту отмахиваясь от доказательств обратного.

Между тем, наряду с невнятными повествованиями малоинформированного Вальронда существует еще по крайней мере два описания происшествия с «Камчаткой», которые тогда же были опубликованы западной и русской прессой. 22 ноября 1904 г. (по новому стилю) берлинская «Lokal Anzeiger», а 30 ноября и парижская «Figaro» поместили письмо голландца Арнольда Кооя (А. Кооу), одного из иностранных инженеров, которые обслуживали на эскадре станции «беспроволочного телеграфа»<sup>343</sup>. Письмо, написанное по горячим следам, было отправлено им из Танжера отцу и опубликовано с согласия последнего русским представителем в Гааге графом Бреверном-де-ла-Гарди<sup>344</sup>. «Было около 8 часов вечера или немного больше, – писал Коой-младший, – когда последовал приказ изготавиться к бою ввиду того, что поблизости замечены были четыре небольших судна, быстро шедших нам навстречу. Мы дали холостой выстрел, чтобы заставить их переменить курс, но вместо этого они направились прямо на нас, несмотря на то, что мы открыли убийственный огонь ... Мы находились тогда на высоте Блавандсхука<sup>345</sup>, в 120 милях от датского берега ... То были миноносцы и, конечно, не русские ... Я и теперь еще узнал бы их»<sup>346</sup>. «К нам с обеих сторон неслись навстречу наперерез огоньки миноносцев, – вспоминал на страницах “Крымского вестника” другой, анонимный, очевидец, – дружные выстрелы не подпускали их близко ... Комендоры божились, что двум нанесли повреждения, что до остальных, то поднявшийся сильный ветер и большие волны сделали преследование для них невозможным; снарядов выпустили мы 294 штуки и лишь этим спаслись»<sup>347</sup>.

Эти свидетельства российской делегацией предъявлены не были<sup>348</sup>, и эпизод с «Камчаткой», во многом загадочный до сих пор, был разрешен комиссией в неблагоприятном для Рос-

<sup>341</sup> Knight F. Russia fights Japan. London, 1969. P. 78; Westwood J.N. Russia against Japan, 1904–05: A New Look at the Russo-Japanese. Basingstoke; London, 1986. P. 140; Edgerton R.B. Warriors of the Rising Sun: A history of the Japanese military. New York; London, 1997. P. 191–192. Попутно Эдгертон сообщает, что «Камчатка» в момент инцидента якобы находилась в составе броненосного «эшелона», а обстрел «шведского траулера (? – Д.П.) и германского торгового судна» был произведен ею... после инцидента у Доггер-банки.

<sup>342</sup> Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999. С. 187–188.

<sup>343</sup> Основным местом службы голландского инженера был крейсер «Светлана», на «Камчатку» он был командирован временно – на одни сутки. Наем иностранных специалистов – распространенная практика на флотах тех лет, они присутствовали и на боевых японских судах. На броненосцах “Nisshin” и “Kasuga”, например, электриками работали итальянцы Micheli и Cordano.

<sup>344</sup> См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 62. Л. 54 (Секретная телеграмма графа Бреверна-де-ла-Гарди в МИД, Гаага, 6 (19) ноября 1904 г.).

<sup>345</sup> Датское написание – Blavaands Huk.

<sup>346</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 849.

<sup>347</sup> Цит. по: Там же. С. 850. Человеку несведущему может показаться невероятным, чтобы неповоротливый и громоздкий военно-транспортный корабль мог столь долго и успешно отбиваться от группы быстроходных миноносцев с помощью единственной 75-мм пушечки. Однако такое возможно – в подходящих погодных условиях, при плохой видимости и в случае непрерывного маневрирования «жертвы». Очевидцы свидетельствуют, что все перечисленное имело место вечером 8 (21) октября (другой вопрос, для чего миноносцам могла понадобиться такая атака). Полгода спустя, 14 (27) мая 1905 г., в Цусимском проливе при свете дня и тихой погоде броненосцу «Князь Суворов» удавалось в течение нескольких часов и с помощью такой же 75-мм пушки (другие его орудия к тому времени были разбиты) отражать атаки японских миноносцев, хотя он представлял для них идеальную мишень, будучи полузатопленным и потому неподвижным.

<sup>348</sup> Статья Кооя в переводе на английский язык была включена британской стороной в документальное приложение своего *Exposé*. Поскольку как-либо «уязвить» Кооя англичане не могли, его сведения были скомпрометированы другим, не менее действенным способом: в подборке документов сразу вслед за его статьей было помещено изложение мемуара прусского офи-



сии смысле – обвинения в обстреле ею мирных нейтральных судов «комиссары» включили в свое итоговое заключение. В документальное приложение к русскому *Exposé* вошли упомянутые показания экипажа шхуны «Эллен», доклад Департамента полиции и копия протокола датской полиции о задержании японца Такикава и немца Цигера, уже известные нам свидетельства французского капитана Эсноля, отдельные секретные донесения Павлова из Шанхая за май – июнь 1904 г. и русских военных атташе в странах Западной Европы, другие материалы контрразведки (но, конечно, далеко не все из портфеля Штенгера). Однако предметом обсуждения комиссии эти документы так и не стали, а русская сторона не настаивала. Такое, чересчур «примирительное» поведение русской делегации публицист В.А. Теплов позднее объяснил желанием Петербурга уйти от нового обострения русско-английских отношений<sup>349</sup>. С этим соображением трудно спорить, поскольку дальнейшее «раскапывание» этой истории действительно имело шансы так или иначе поставить под удар англичан, а именно этого, как мы уже не раз могли убедиться, русская делегация стремилась избежать. Не удивительно, что в феврале 1905 г. министр Ламздорф с санкции императора обратился в Министерство внутренних дел с просьбой не допустить публикации в русских газетах показаний тех свидетелей «гульского инцидента» с российской стороны, которые в свое время не были представлены делегатами России на парижских слушаниях<sup>350</sup>.

Однако было еще одно обстоятельство, которому Теплов и прочие комментаторы, как нам представляется, не придали должного значения, именно – реакция комиссии на показания норвежца Христиансена. Помощник капитана парохода «Adela» свидетельствовал 20 января (2 февраля) последним с русской стороны. То, что суда, виденные им в Северном море накануне инцидента, были миноносцами, никто даже не пытался оспаривать, но особого впечатления на «комиссаров» это не произвело. В самом деле – даже если норвежцы и встретили какие-то загадочные миноносцы, это вовсе не означало их присутствия на Доггер-банке в ночь на 9 (22) октября. Да и кто сказал, что это были японские миноносцы? Таким образом, «комиссары» давали понять, что ими будут приняты во внимание только прямые доказательства присутствия именно японских миноносцев на Доггер-банке и именно в день и час инцидента, а таких улик в распоряжении русской делегации заведомо быть не могло. После этого российской стороне уже не имело смысла предъявлять аналогичные по характеру показания других свидетелей и, тем более, – раскрывать все свои секретные «карты».

Реакция на показания Христиансена показала, что расследование зашло в тупик: в такой ситуации ни одна из сторон уже не могла рассчитывать на безоговорочный успех. Это вполне продемонстрировали итоговые «Заключения», зачитанные сторонами 31 января (13 февраля). Аргументы англичан, которым теперь приходилось выпутываться из противоречивых показаний собственных свидетелей, на этот раз выглядели как насмешка. Британская делегация, ранее убеждавшая всех, что мишенью русской эскадры стали исключительно мирные гульские рыбаки, теперь стала упорно доказывать, что броненосцы Рождественского приняли за японские миноносцы (которых, «как заявило правительство Японии», там не было<sup>351</sup>) собствен-

---

цера фон Лепела (von Lepel), еще одного иностранного телеграфиста, работавшего на русской эскадре. Тот утверждал, будто вечером 7 (20) октября с ее кораблей видели... два наблюдательных воздушных шара (см.: F.O. R.C. 65/1735. P. 99). Прием сработал – и по сей день пресловутые «воздушные шары» фигурируют в исторических сочинениях как красноречивое доказательство паники, царившей на 2-й Тихоокеанской эскадре, и, соответственно, полной недостоверности свидетельств тех, кто находился на ее судах.

<sup>349</sup> Русский вестник. 1905. Апр. (№ 4). С. 723.

<sup>350</sup> См.: АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 64. Л. 201, 254 (Секретные телеграммы Ламздорфа Нелидову в Париж и Бенкендорфу в Лондон от 17 и 25 февраля 1905 г.).

<sup>351</sup> 31 октября 1904 г. японский посол в Великобритании Хаяси Тадасу направил гульскому коронному следователю Альфреду Торнею (A. Thorpe) официальное письмо следующего содержания: «Подтверждая получение вашей ноты от 29 октября с запросом относительно того, присутствовал ли какой-либо военный корабль, принадлежащий или контролируемый его величеством императором Японии, вблизи гульской Геймкокской рыболовной флотилии в 200 милях к северо-востоку от Спурнского плавучего маяка ночью пятницы 21-го или ранним утром субботы 22 текущего октября, я позволю себе утверждать, что

ные крейсер «Аврора» и транспорт «Малайя». В доказательство возможности такой путаницы английские военно-морские специалисты приводили примеры из недавней истории собственного флота – в Средиземноморье во время маневров лета 1901 г. корабль “Devastation” был ошибочно принят «своими» за чужой миноносец и обстрелян; то же, но уже с крейсерами “Pegasus” и “Pandora”, произошло во время таких же учений 1902 г. (крейсера обстреляли друг друга); в обоих случаях дело происходило ночью<sup>352</sup>. Однако (возвращаясь к событиям на Доггер-банке) очевидно, что любой мало-мальски опытный моряк ни при каких обстоятельствах не мог бы принять высокий трехтрубный, оснащенный восемью 6-дюймовыми башенными орудиями крейсер «Аврора» водоизмещением 6,7 тыс. т за не имеющий артиллерии низкоробортный двухтрубный миноносец, не говоря уже о том, что «Аврора» двигалась попутным броненосцам курсом, на значительном отдалении от них и 9—10-узловым ходом; обстрелянные же русскими броненосцами малые суда, по свидетельствам всех очевидцев, перемещались им навстречу и двигались по меньшей мере вдвое быстрее.

Однако русская делегация придирается к очевидным несообразностям своих оппонентов не стала и ограничилась тем, что вторично зачитала текст своего старого *Exposé*, некоторые вновь сделанные изменения в котором Неклюдов прокомментировал так: «Наше Заключение ... выдержано в самом умеренном тоне; оно не включает в себе ни малейших обвинений против действия потерпевших английских рыбаков, не заподозривает даже их показаний, а лишь строгими доводами, построенными на фактах и подкрепленными ссылками на свидетельские показания как русские, так и английские, – защищает то, что действительно и ни под каким видом не может быть нами уступлено, то есть честь нашего флота»<sup>353</sup>. Неклюдов был уверен, что его бумага выглядит много убедительнее британской (О’Берн, разумеется, был убежден в обратном<sup>354</sup>), и что вследствие этого благоприятный для России вывод «комиссаров» почти предрешен. На самом деле комиссия «забуксовала», адмиралы начали тяготиться своей ролью, да и само парижское «блюдо» за те два месяца, пока шли заседания, уже изрядно поостыло. На носу были новые, еще более захватывающие события: русская эскадра готовилась покинуть Мадагаскар и двинуться далее на восток, навстречу японскому флоту. Острота обсуждавшегося в Париже конфликта неумолимо пропадала, актуальность уходила на второй план.

Выход нашел Дубасов. Оставляя в стороне неразрешимую, по условиям расследования, проблему миноносцев («В присутствие миноносцев я сам в конце концов потерял всякую веру, а отстаивать эту версию при таких условиях было, разумеется, невозможно», – напишет он впоследствии<sup>355</sup>), он предложил коллегам-адмиралам решить вопрос, прав ли был в известной им ситуации Рождественский или нет. «Комиссары» единодушно высказались в пользу командующего русской эскадрой, а спустя еще несколько дней, 10 (23) февраля 1905 г., представили свое итоговое заключение. В 17-ти статьях этого, компромиссного по своей сути, документа отразилось их стремление учесть интересы одновременно и России, и Великобритании. Поэтому, с одной стороны, в сложившейся ситуации «комиссары» не увидели «ничего крайнего» в приказе Рождественского открыть огонь по судам, которые показались ему «подозрительными» (статья 8), но, с другой, отметив отсутствие на месте происшествия миноносцев, посчитали эти его действия «ничем не оправданными» и постановили, что «ответственность за этот акт» падает именно на него (статьи 11, 13) (что, понятно, вызвало протест Дубасова). Впрочем, тут

в упомянутое Вами время и в указанной местности никакой японский военный корабль не находился» (F.O. R.C. 65/1730. P. 177 (Нота Хаяси от 31 октября 1904 г.)). Комментируя эту ноту представителю *Press Association*, в японской миссии тогда же уточнили, что в заявлении посла «имелось в виду полное отсутствие японских военных судов в европейских водах» (The Morning Post. 1904. November 2). 1 ноября японский посланник подтвердил все это в своем официальном послании в Форин-офис.

<sup>352</sup> F.O. R.C. 65/1734. P. 121.

<sup>353</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2575. Л. 40—40 об. (Донесение Неклюдова Нелидову, Париж, 1 (14) февраля 1905 г. № 7).

<sup>354</sup> См.: F.O. R.C. 65/1735. P. 159—160 (Депеша О’Берна Сандерсону в Лондон, Париж, 14 февраля 1905 г.).

<sup>355</sup> Цит. по: Гребенщикова Г.А. Указ. соч. С. 120.

же «комиссары» сообщили, что им было «приятно единодушно признать, что адмирал Роже-ственский лично сделал все возможное», чтобы рыбацьи суда «не являлись целью стрельбы эскадры» (статья 15). В заключение члены комиссии сочли необходимым специально подчеркнуть, что высказанные ими оценки «не могут послужить каким-либо умалением военных качеств или гуманных чувств адмирала Роже-ственского или личного состава его эскадры»<sup>356</sup>. 12 (25) февраля 1905 г. Фурнье объявил работы комиссии законченными.

В общем, получалось, что «оба правы» и даже «порицать»-то особенно некого. Для России это был, пусть небольшой, но успех, особенно если вспомнить обстановку, при которой возникла сама мысль об образовании комиссии. Еще более значимым был психологический эффект. Важнейшим итогом работы комиссии стало бесповоротное разрушение образа российской эскадры как кровожадного, вооруженного до зубов варвара, угрожающего всему цивилизованному человечеству, над созданием которого так долго трудилась антироссийская пропаганда. Комиссия признала «военные качества» и «гуманные чувства» русских моряков, «умалять» которые теперь стало невозможно. По всем этим причинам официальный Петербург итоги работы международной комиссии расценил как свою, хотя и скромную, но победу, о чем управляющий Морским министерством Авелан поспешил уведомить телеграфом Роже-ственского на Мадагаскаре. Косвенно то же доказывает награждение австрийского адмирала Шпауна Большой орденой лентой, а бессменного председателя международной комиссии, французского адмирала Фурнье, – высшим российским орденом Св. Андрея Первозванного и, в качестве особой «монаршей милости», подарком «из кабинета его величества» – украшенной бриллиантами и рубином табакеркой с изображением самого Николая II<sup>357</sup>. По настоянию Дубасова, таким же ценным сувениром «по морскому ведомству» был отмечен и юрисконсульт российской делегации барон Таубе в добавление к Владимиру IV степени – не «в очередь» и на этот раз «по ведомству МИД». Самого руководителя российской делегации по итогам работы парижской комиссии император «пожаловал своим генерал-адъютантом»<sup>358</sup>. В Великобритании дело ограничилось выражением благодарности от лица короля и правительства членам британской делегации в Париже и скромной денежной премией ее техническим сотрудникам<sup>359</sup>. Все другие адмиралы-«комиссары» также получили благодарности своих правительств; Фурнье от лица британского правительства был награжден Большим Крестом Ордена Св. Михаила и Георга, а американский адмирал Дэвис получил ценный подарок.

В Токио и особенно в Лондоне выводы комиссии были встречены с раздражением, хотя никто официально оспаривать ее заключения не решился. «Японская печать очень недовольна резолюциями комиссии», – сообщало «Новое время»<sup>360</sup>; «решения комиссии по делу Северного моря осмеяны японской прессой как не имеющие под собой оснований, – фиксировала “Times”, – они лишь дискредитируют международные суды ... вопрос о присутствии миноносцев так и не получил разрешения, русские морские офицеры поощрены к очередным *outrages*»<sup>361</sup>. Английские газеты, писал нововременский корреспондент из Лондона, «выражают неудовольствие по поводу выводов комиссии для расследования гулььского инцидента ... По мнению “Daily Graphic”, решение комиссии неудовлетворительно; “Daily Telegraph” констатирует дипломатическую победу России ... “Daily Chronicle” замечает, что “Россия одержала победу; поражение британского правительства полное”»<sup>362</sup>. «Британские газеты в целом удив-

<sup>356</sup> Цит. по: Жерве Б.Б. Указ. соч. С. 532–533.

<sup>357</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2587. Л. 16.

<sup>358</sup> Таубе М.А. Указ. соч. С. 83.

<sup>359</sup> См: F.O. R.C. 65/1734. P. 269–272 (Письма Лансдоуна Фрау, О’Берну и Бомону, Лондон, 4 марта 1905 г.); 65/1735. P. 300.

<sup>360</sup> Новое время. 1905. 20 февр. (5 марта) (№ 10403).

<sup>361</sup> The Times. 1905. February 27 (No. 37641). P. 3.

<sup>362</sup> Новое время. 1905. 11 (24) февр. (№ 10394).

лены и разочарованы выводами комиссии», – сообщала “Japan Times”<sup>363</sup>, но в Японии надежды на отзыв эскадры еще теплились:

«Во французских официальных кругах считают, – писала та же газета 2 марта, – что в результате итогового доклада Международной Комиссии относительно инцидента в Северном море Рождественский будет отозван»<sup>364</sup>. Итоговый доклад комиссии «едва ли можно назвать последовательным», – печалилась “Times”. «Англия имеет все основания быть недовольной комиссией, так как последняя, в сущности, дала ей то, что Россия ей предложила тотчас же после самого происшествия», – резонно отмечала венская «Neue Freie Press»<sup>365</sup>. Действительно, в этом смысле итоги работы комиссии оказались для Лондона равны нулю. Если же принять в расчет отмеченные нами психологические последствия состоявшегося политического шоу, то этот результат придется признать еще менее значительным.

В российском обществе и к решениям комиссии, и к самому инциденту отнеслись очень по-разному. По свидетельству британского посла, «во всех классах Петербурга господствовало убеждение в правдивости телеграмм адмирала [Рождественского] и в потворстве Англии предполагаемой атаке Балтийского флота японскими миноносцами»; итоги работы комиссии «русская печать объявила полным дипломатическим триумфом России»<sup>366</sup>. В правительственных и околоправительственных кругах также господствовало убеждение, что нападение японских миноносцев на русскую эскадру в Северном море не было выдумкой Рождественского и его сослуживцев. В статье, опубликованной в середине ноября 1904 г., Кладо горячо призывал читателей сказать «сердечное спасибо» русским морякам, которые «не боясь тяжелой ответственности, без всяких колебаний открыли огонь по неизвестным миноносцам, не стеснясь присутствием якобы нейтральных рыбаков»<sup>367</sup>. Однако после работы парижской комиссии, под решениями которой стояла подпись и русского представителя, продолжать заявлять об этом официально стало неудобно, и подобные оценки распространялись с газетных и журнальных страниц либо в виде лубочных листовок под заголовками: «Японская облава на Балтийскую эскадру» или «Нападение на эскадру адмирала Рождественского». Позднее «Историческая комиссия по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг.» при морском Генеральном штабе дипломатично, но довольно прозрачно (и в духе решений парижской комиссии) назвала инцидент «столкновением эскадры с подозрительными судами в Северном море». Одновременно некоторые участники этих событий (С.Ю. Витте, Р.Р. Розен, А.П. Извольский, В.А. Штенгер, М.А. Таубе со слов П.И. Рачковского) в мемуарах, написанных много лет спустя, кивали на «нервно-приподнятое настроение» Рождественского и его офицеров, созданное донесениями Гартинга, Мануйлова либо капитана Степанова (командира «Камчатки»), забывая при этом отметить, что в таком случае какая-то доля ответственности падает и на них самих. Очевидно, что многие из этих оценок – не более чем дань позднейшей конъюнктуре<sup>368</sup>.

Российские революционеры вслед за британской печатью злорадствовали по поводу «победы» русских моряков над английскими рыбаками. То, что в действительности произошло в Северном море, им было глубоко безразлично, зато инцидент давал хороший повод для очередной и, конечно, «разоблачительной» кампании в печати. «Великая армада, такая же

<sup>363</sup> The Japan Times. 1905. February 25 (No. 2402). P. 3.

<sup>364</sup> Ibid. March 2 (No. 2406). P. 3.

<sup>365</sup> Цит. по: Новое время. 1905. 20 февр. (5 марта) (№ 10403).

<sup>366</sup> F.O. R.C. 65/1730. P. 435—436 (Конфиденциальная депеша Хардинга Лансдоуну в Лондон, Петербург, 7 ноября 1904 г.); 65/1735. P. 235 (Депеша Хардинга Лансдоуну в Лондон, Петербург, 28 февраля 1905 г.).

<sup>367</sup> Цит. по: Гребенищикова Г.А. Указ. соч. С. 121.

<sup>368</sup> Характерно, что, если верить британскому посланнику в Стокгольме, в момент самого «гульсского инцидента» посол в Дании Извольский был убежден, что в Скандинавии «действует система японского шпионажа, созданная для нанесения ущерба русскому флоту», иначе говоря – придерживался тогда противоположной точки зрения. См.: F.O. R.C. 65/1732. P. 40—41 (Конфиденциальная депеша Кларка Лансдоуну в Лондон, Стокгольм, 23 ноября 1904 г.).

громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, – писал В.И. Ленин в статье “Разгром”, – двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы, особенно после блестящей победы над рыбацкими лодками»<sup>369</sup>. В подобном ключе «гульский инцидент» стал рассматриваться в последующих работах советских, а затем и российских историков (включая энциклопедические издания), и лишь очень немногие из них, усомнившись в справедливости ленинских слов, позволили себе попытку разобраться в этом запутанном вопросе по существу. Увы, авторы этих исследований никогда не изучали инцидент в полном объеме и с привлечением всех имеющихся свидетельств.

В своей частной, как и в секретной служебной переписке Ламздорф, министр финансов Коковцов, Рождественский, а за ними и некоторые историки в событиях на Доггер-банке пытались разглядеть козни англичан<sup>370</sup>. «Недавнее происшествие в Северном море показало, до каких пределов может дойти Великобритания в своем стремлении осложнить без того трудную задачу России», – конфиденциально писал Ламздорф осенью 1904 г. своим коллегам в военном и морском ведомствах и в Министерстве финансов<sup>371</sup>. В отечественной историографии «британское направление» расследования давно признано неперспективным<sup>372</sup>. Нам представляется, что продолжать изучение этого «следа» нужно, но говорить о нем, как о чем-то едином, не следовало бы. Целесообразнее рассматривать его в трех разновеликих ипостасях. Первая из них – общеполитическая. Мы уже знаем о тех усилиях, которые предпринимали британские политики, государственные деятели и печать, чтобы вернуть русскую эскадру домой, задержать ее продвижение на Дальний Восток или, на худой конец, осложнить ее поход как в чисто техническом смысле (затруднить снабжение ее углем, например<sup>373</sup>), так и, главным образом, путем натравливания на нее мирового общественного мнения и создания ее отрицательного имиджа. Эти усилия, до известных пределов успешные, находились всецело в русле интересов Японии; они очевидны и, на наш взгляд, дополнительных доказательств не требуют.

Вторая разновидность английского «следа» покоится на убеждении экипажей судов 2-й эскадры, что во время самого инцидента английские рыбацкие баркасы либо выполняли роль «щита» для японских миноносцев, либо своими маневрами маскировали действия последних – другими словами, находились с ними в сговоре. Эти предположения представляются нам неубедительными: в противном случае придется признать невероятное – что маршрут движения Рождественского, время прохождения его эскадрой Доггер-банки и само ее построение (напомним, что эскадра двигалась шестью отрядами, но атаке подверглись именно новые броненосцы) были им известны заранее.

Третьим и последним проявлением британского «следа», как нам представляется, следует считать комплекс вопросов, связанных с гипотетическим приобретением японцами английских (или других западноевропейских) военных судов, наймом ими британских моряков, таинственными перемещениями морских офицеров Японии по территории и в территориальных водах самой Великобритании и ее колоний, наконец, с деятельностью их представителей в Гулле как до, так и после инцидента. Понятно, что все перечисленное могло состояться не иначе, как с ведома и при тайном попустительстве британцев – если не властей, то, во

<sup>369</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 251–252.

<sup>370</sup> Так, профессор Г.А. Деборин назвал инцидент «провокацией» британских властей «для задержки продвижения эскадры Рождественского на Восток»: Деборин Г.[А.] Международные отношения в период русско-японской войны и первой русской революции, 1904–1907 гг. М., 1941. С. 22.

<sup>371</sup> АВПРИ. Ф. 167. Оп. 509. Д. 18-е. Л. 89 об. (Копия секретного письма министра иностранных дел министрам военному, финансов и управляющему морским министерством, С.-Петербург, 28 октября 1904 г.).

<sup>372</sup> См.: Залесский С.А. Гульский инцидент // СИЭ. Т. 4. М., 1963. Стб. 881–882; Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг.: борьба на море. М., 1990. С. 157–158.

<sup>373</sup> «Нашим судам нельзя рассчитывать на получение угля в великобританских портах», – сообщал российский консул в Коломбо А.Н. Бурнашов в МИД в ноябре 1904 г. (АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1191. Л. 59).

всяком случае, частных судо- и верфевладельцев. Именно эта, последняя, часть английского «следа» и нуждается, на наш взгляд, в дополнительном изучении. Информацию о нем можно найти в тогдашней печати, включая английскую и американскую, но указания прессы, понятно, требуют тщательной перепроверки с привлечением архивных материалов Великобритании и США. Безусловно, центральным из этого ряда является вопрос, как осенью 1904 г. в западноевропейских водах могли появиться миноносцы или другие суда, полностью или частично укомплектованные японскими экипажами<sup>374</sup>.

Как мы уже знаем, глава британской военно-морской разведки Луи Баттенбергский в своем секретном сообщении в Форин офис от 14 (27) октября 1904 г. высказал твердое убеждение, что никаких миноносцев японцы в Великобритании не закупали. В том же смысле на запросы британского внешнеполитического ведомства ответили правительства Франции, Голландии, Германии, Дании, Швеции и Испании. В бумагах российского посольства в Лондоне сохранилась собственноручная записка лорда Лансдоуна графу Бенкендорфу от 29 октября 1904 г. с извещением, что проведенное полицией расследование не подтвердило сообщений прессы о том, что в Гулле «недавно высадились 20 японских морских офицеров»<sup>375</sup>. В то же время, в одном из первых «послегулльских» интервью японский посланник в Лондоне Хаяси откровенно заявил, что «присутствие японцев в Гулле и в других английских городах не составляет никакого секрета»<sup>376</sup>. Спрашивается: чем мог привлечь этот рыбацкий городок представителей Страны Восходящего Солнца? Помимо этого, тогдашние газеты, включая английские, регулярно сообщали о приостановке британским кабинетом отправок заказчику миноносцев и других военных судов, уже построенных или строившихся для некоей «иностранный державы» на английских верфях, чаще всего – в Ньюкастле<sup>377</sup>. Наконец, в Архиве внешней политики Российской империи сохранилось письмо из Брюсселя коллежского советника П.С. Боткина в МИД, в котором как на «*совершенно достоверный факт*» (курсив документа. – Д.П.) указывалось, что антверпенская фирма «Agence Maritime Walford» «занималась отправлением в Японию купленных японцами во время войны в Англии миноносцев». «Вальфорду, – сообщал Боткин, – удалось довести один миноносец до японского порта, за что Вальфорд получил 200 тыс. франков. ... Об остальных купленных в Англии миноносцах я стараюсь разузнать, так как подозреваю, что именно они-то и принимали участие в нападении на нашу эскадру». Интересно, что, если верить данным этого российского дипломата, та же фирма одновременно поставляла товары для нужд Кронштадтского порта и перевозила в Россию грузы Красного Креста<sup>378</sup>. Мы еще будем касаться некоторых из сходных сюжетов в последующих главах этой книги.

Адмирал в море – царь и Бог, и потому разгадку «гулльского инцидента» (как и причины цусимской катастрофы) многие историки пытались найти и, вероятно, еще будут искать в личности ее командующего – Рожественского. Через призму своего отношения к нему воспринимали зловключения эскадры и очевидцы – его подчиненные. С уверенностью можно сказать,

<sup>374</sup> В своей рецензии на первое издание моей книги петербургский военно-морской историк Р.В. Кондратенко вполне аргументированно указал на весьма малую вероятность «незаметного перехода ... миноносцев образца начала XX века (60 — 150 т водоизмещения) из Японии в европейские моря», почему-то отнеся пишущего эти строки к числу авторов, «всерьез рассматривающих версию» о том, что подобный переход мог состояться в действительности (Гангут. 2007. № 41. С. 123, 125). Как легко убедиться из только что изложенного, такую возможность по сходным с Кондратенко соображениям я не рассматривал и не рассматриваю.

<sup>375</sup> АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1158. Л. 34—34 об.

<sup>376</sup> The Times. 1904. October 29. Директор верфи «Элсуик» (Elswick Works) в Ньюкастле, отвечая на запрос здешнего русского консула, сообщил, что на его предприятии в октябре 1904 г. находилось девять японских «инспекторов»; об этом же в начале ноября 1904 г. он приватно извещил и Форин офис (см.: F.O. R.C. 65/1730. P. 235 (Конфиденциальное письмо директора верфи Элсуик в Форин офис, Ньюкастл-на-Тайне, 2 ноября 1904 г.)). Спрашивается, чем эти японцы там занимались?

<sup>377</sup> См., напр.: Новое время. 1904. 23 апр. (6 мая) (№ 10107). С. 2; 2 (15) мая (№ 10116). С. 2; 11 (24) мая (№ 10125). С. 3; и др.

<sup>378</sup> АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 61. Л. 320—320 об. (Выписка из частного письма Боткина, Брюссель, 29 октября 1904 г.).

что Рождественского, человека властного, жесткого, а иногда и жестокого, на эскадре побаивались и недолюбливали (обратное на флоте любой страны – редкость), хотя с уважением относились к его организаторским талантам и требовательности – потому и спасли с риском для жизни, тяжело раненного, в цусимском бою. Но даже его недоброжелатели из числа подчиненных (лейтенанты П.А. Вырубов и П.Е. Владимирский, например) нашли в себе мужество беспристрастно оценить происшествия в Северном море – их свидетельства мы уже приводили. Многие же последующие исследователи искушения «списать» все на личные качества Рождественского избежать не смогли.

Указания на психическое нездоровье этого русского адмирала, его некомпетентность, самодурство и даже трусость кочуют по страницам исторических сочинений и по сей день. Советский историк А.Л. Сидоров, например, без долгих разговоров аттестовал Рождественского «держимордой и трусом» и именно в этом находил объяснение всему перечисленному. Почти все подобные суждения основываются на свидетельствах писателя А.С. Новикова-Прибоя, как участника похода эскадры. Но в этих оценках автор «Цусимы» далеко не оригинален. Известно, что в 1904 г. писала о Рождественском английская и американская пресса; менее известно, что в 1905 г. российский «большевистствующий» публицист М. Павлович (М.Л. Вельтман) отозвался о его действиях в Северном море, как о «бред фантазии больного человека»<sup>379</sup>. С тех пор этот «бред фантазии» пошел гулять по свету и в том числе был подхвачен А.С. Новиковым-Прибоем, беллетристом и мемуаристом и, по сути, главным советским историографом 2-й эскадры, попутно с чужим литературным псевдонимом («Прибой»). Между тем, к его свидетельствам следует относиться с большой осмотрительностью, и вот почему: во-первых, этот унтер-офицер не мог быть осведомлен о действительных планах и намерениях Рождественского и его штаба уже потому, что шел не на флагманском корабле и своим единственным информатором о настроениях на «Суворове» имел штабного писаря, с которым изредка общался на стоянках. Во-вторых, А.С. Новиков был настроен пораженчески и в силу одного этого не мог быть объективен в оценках действий командования эскадры. Не следует также забывать, что автор «Цусимы», как нестройной кладовщик («баталер»), согласно боевому расписанию, в момент военных действий был обязан находиться не на палубе своего броненосца, а в санитарной каюте, и потому в описании всех наиболее острых ситуаций, в которые попадала эскадра, он неизбежно вторичен. На это обращали внимание и русские флотские офицеры, участники и современники войны с Японией, сразу после выхода новиковской «Цусимы» в свет. «Каждый абзац ее старые моряки, досконально знавшие все подробности настоящей, не книжной, Цусимы, обсуждали подолгу, – свидетельствует очевидец. – <...> И они придиричиво сверяли свои оценки с характеристиками бывшего баталера. И отдавали ему должное. Описывал он верно и честно, но видел все, как заключили оба бывших штаб-офицера, с «нижней палубы». В их устах это означало “узко”, с предвзятых позиций»<sup>380</sup>. В общем, советский историограф малоинформирован, пристрастен, и «проблема Рождественского» остается актуальной по сей день, несмотря на уже сделанные попытки ее разрешить<sup>381</sup>.

Адмирал умер в новогоднюю ночь на 1 января 1909 г., ему едва перевалило за 60. В некрологе «Русского слова» было верно отмечено: «Несмотря на громадную литературу о русско-японской войне, мы до сих пор не знаем доподлинно закулисной истории нашего флота накануне войны, и можем в сущности только догадываться о той роли, какую играл Петербург с его канцеляриями и гофкригсратами в подготовке и ведении войны на море. Поэтому нельзя

<sup>379</sup> Павлович М.[П]. (Вельтман М.). Русско-японская война. 3-е изд., доп. М., 1925. С. 119. (Впервые книга была издана в Женеве в 1905 г.).

<sup>380</sup> Волков О.В. Погружение во тьму. М., 2000. С. 216.

<sup>381</sup> См.: Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л., 1989; Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рождественский // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 161—164; Булич И. «Князь Суворов»: ист. хроника. Минск, 1995; Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Указ. соч.

определить сколько-нибудь точно, какая именно доля ответственности падает лично на З.П. и чему виной наша морская бюрократия ... Колоссальная тень Цусимы заслонила совершенно всю прежнюю деятельность Рожественского»<sup>382</sup>. Будем надеяться, что сбудется, наконец, пожелание П.П. Семенова-Тян-Шанского, который на кончину адмирала откликнулся такими словами: «Луч беспристрастной истории озарит многотрудный путь, самоотверженно пройденный честным флотоводцем, которому не дано было совершить только одного – чуда»<sup>383</sup>.

\* \* \*

В полемике со сторонниками «русской» точки зрения на происшествия в Северном море британская печать часто (и вполне основательно) обращала внимание на то, что в европейских водах в интересующее нас время никто никаких «бросательных» или «самодвижущихся» мин не находил (за исключением одной ржавой торпеды, которая была прибита в ноябре 1904 г. к датским берегам, но по рассмотрении оказалась учебной). В самом деле, если были миноносцы, то должны же были быть и мины, а коли их никто не видел, не о чем и говорить! Рискнем предположить, что планы японцев сводились к следующему.

Судя по данным, собранным российской контрразведкой, они действительно намеревались минировать путь движения русской эскадры в балтийских проливах и в Ламанше. В датских «узкостях» осуществлению этих планов помешала «охранная» служба Гартинга и бдительность местных властей, в Английском канале карты спутал случившийся накануне «гульбский инцидент» и, возможно, какие-то неизвестные нам обстоятельства. В итоге в этих пунктах японцам не удалось даже приблизиться к русским военным кораблям. На атаку же в открытом море они не решились, поскольку понимали, какими осложнениями чревата для них такая попытка.

Дело в том, что, не имея собственных ресурсов и развитой промышленности, Япония была вынуждена широко закупать за рубежом не только оружие, боеприпасы, военные суда, но и многие другие товары, без которых продолжать войну было бы невыносимо. В Англии и США японцы строили военные надводные и подводные корабли и покупали уголь и снаряды, в Германии и Бельгии – продовольствие, медикаменты, боеприпасы и военные материалы (главным образом, чугун, сталь, железо, цинк), в Австралии и во Франции – лошадей, широко размещали свои военные заказы в Германии, Франции, Швеции и Норвегии. «Британские купцы и судовладельцы, – цитировал Теплов признания лондонской “Times”, – послали большое количество угля в Японию. Они послали туда пушки, снаряды, боевые припасы, разобранные миноносцы, одеяла, одежду, рельсы, вагоны и множество других военных материалов ... Каждый пароход, отправлявшийся из Европы в Японию в течение последних 9-ти месяцев, увозил с собою военную контрабанду, поставляемую британскими купцами»<sup>384</sup>. За годы войны только на заводах Круппа в Германии по заказам Японии было изготовлено 220 полевых гаубиц, 400 полевых орудий, полмиллиона шрапнелей и гранат, а на французских заводах Шнейдер-Крезе – свыше 500 пушек, в том числе более 20-ти береговых орудий крупных калибров<sup>385</sup>. Все это контра-

<sup>382</sup> Русское слово. 1909. 3 (16) янв. (№ 2).

<sup>383</sup> Цит. по: Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Указ. соч. С. 5. Сказанное в некрологе относится к деятельности Рожественского в «догульбский» период, но поведение адмирала в самом походе также вызывает массу вопросов. Нам представляется, что найти на них убедительный ответ (если, конечно, стараться докопаться до истины, отбросив надоевшие штампы и псевдотроизмы) невозможно без привлечения данных русской разведки и контрразведки, а также строгого учета обстановки на театре войны, которая стремительно менялась. Новиков-Прибой тут – плохой советчик.

<sup>384</sup> Теплов В. Англия и Соединенные Штаты в русско-японском конфликте // Русский вестник. 1904. Дек. (№ 12). С. 848.

<sup>385</sup> РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4132. Л. 9–14 об., 28–29 об. (Донесения русских военных агентов в Главное управление Генштаба за 1908–1911 гг.).



бандой переправлялось на Дальний Восток – чаще всего на зафрахтованных западноевропейских же грузовых пароходах или на своих, но под нейтральным флагом.

Благодаря этому, а также огромным кредитам, полученным здесь (ими Токио покрыл от 40% до 70% своих военных затрат), Япония находилась в сильнейшей зависимости от западноевропейских государств и каким-либо образом портить свои отношения с ними для нее было равносильно самоубийству. К тому же для получения многомиллионных зарубежных заимствований Токио принял на себя торжественное обязательство «не производить военных операций в европейских водах»<sup>386</sup>. Между тем, вероятность того, что на японских минах подорвутся не российские военные, а мирные суда других стран, была весьма велика. Наконец, в памяти современников еще была жива волна возмущения, которую летом и осенью 1904 г. подняла японская и западная пресса по поводу плавучих мин, расставленных русскими в открытом море близ Порт-Артура (на них подорвалось несколько коммерческих судов)<sup>387</sup>. Аналогичные действия самой Японии за тысячи миль от театра войны и на оживленных морских торговых путях могли подорвать ее международный престиж и нанести непоправимый ущерб ее отношениям со странами Запада. В общем, атаковать русскую эскадру в западноевропейских морях японцы, скорее всего, даже не пытались, а установить протяженные долговременные минные заграждения в проливах в те годы было и рискованно, и трудновыполнимо технически. Примерно таким же образом, вероятно, обстояло дело и с торпедами – учитывая возможности тогдашних «самодвижущихся мин», использовать их было бы слишком рискованно, да к тому же и не гарантировало повреждения военных судов противника. В результате, ни одна японская мина, похоже, поставлена так и не была<sup>388</sup>. Что касается торпед, то одну из них, выпущенную атакующим миноносцем вечером 8 (21) октября, с борта «Камчатки» наблюдал голландский инженер А. Коой: «При свете прожектора я отлично разглядел два судна, прорвавшиеся сквозь линию нашего огня: то были миноносцы ... Когда один из них подошел еще ближе, я собственными глазами видел, как пущена была им мина. Если эта мина не причинила нам вреда, то этим мы обязаны искусному маневру командира»<sup>389</sup>.

Из сказанного следует, что, во-первых, в момент прохождения эскадры Рождественского в западноевропейских водах японские (т.е., повторяю специально для критиков, не прибывшие в Европу из Японии, а купленные ею в Западной Европе или произведенные здесь по ее заказу) миноносцы все-таки были и, как в свое время сообщал командир военно-гидрографического судна «Бакан» командующему эскадрой, числом не менее четырех. В противном случае придется признать неизвестный доселе науке факт массового единовременного и неспровоцированного помешательства нескольких сотен людей, мужчин и женщин, самых разных профессий, классов, возрастов и состояний в десятках стран половины планеты, которое длилось строго в течение полугода – с мая по ноябрь 1904 г., помешательства, осложненного, к тому же, часто совпадающими галлюцинациями. На присутствие в европейских водах японских миноносцев указывают и *в с е* обстоятельства самих происшествий в Северном море.

Во-вторых, что, несмотря на первоначальные замыслы, получившие отражение в сообщениях российской контрразведки и в цитированной выше переписке японских дипломатов, эти миноносцы, скорее всего, не имели цели так или иначе атаковать русские военные корабли в открытом море, но стремились точно выяснить состав эскадры и проследить ее движение. После того, как основные силы русских миновали европейские воды, эти суда были отозваны домой, но береговая наблюдательная служба продолжала функционировать до сере-

<sup>386</sup> Новое время. 1904. 2 (15) мая (№ 10116). С. 2.

<sup>387</sup> См., напр.: The Japan Times. 1904. June 30 (No. 2204). P. 6.

<sup>388</sup> Все эти мои рассуждения не помешали моему строгому критику, опираясь на скрупулезные подсчеты и с приведением множества специальных морских сведений, указать на «крайнюю сомнительность рассматриваемого Д.Б. Павловым варианта с постановкой в узкостях мин заграждения»: Гангут. 2007. № 41. С. 126.

<sup>389</sup> Цит. по: Русский вестник. 1905. Февр. (№ 2). С. 849.

дины ноября – времени прохода отряда Добротворского (вспомним о попытках затеять с его кораблями радиоигру). Много месяцев спустя, летом 1905 г., В.И. Семенов, находясь в плену в госпитале Сасебо, в котором лечились и японские офицеры, повстречал лейтенанта, командира миноносца, страдавшего острым ревматизмом. «В это время, – пишет Семенов, – в Портс-муте уже начались переговоры ... а потому наш сосед, вероятно, не находил нужным особенно секретничать относительно прошлого. Он открыто заявлял, что нажил свою болезнь за время тяжелого похода из Европы в Японию.

– Ваша европейская осень – это хуже зимы! – говорил он.

– Осень? – спрашивали его. – Какой же месяц?

– Октябрь. Мы, наш отряд, тронулись в поход в конце этого месяца.

В октябре? Одновременно со второй эскадрой? Как же мы ничего о вас не знали? Под каким флагом вы были? Когда прошли Суэцкий канал?

– Слишком много вопросов!.. – смеялся японец. – Под каким флагом? Конечно, не под японским! Почему вы не знали? Об этом надо спросить вас... Когда прошли Суэцкий канал? Следом за отрядом адмирала Фелькерзама<sup>390</sup>!..

– Но тогда... не вы ли фигурировали в знаменитом “гульском инциденте”?

– Ха-ха-ха! Это – уж совсем нескромный вопрос!..

Больше от него не могли добиться никаких объяснений, но, мне кажется, что и этого достаточно»<sup>391</sup>. И в самом деле, выглядит убедительно. Условно назовем миноносец лейтенанта-ревматика «первым».

О внешнем облике «второго» и отчасти о сроках и маршруте его движения 4 января 1905 г. по новому стилю сообщила газетка «Diorio do Commercio», выходившая в портовом Фуншале на юге португальского острова Мадейра. «Подтверждается подозрение о том, что маленькое судно с двумя трубами, прибывшее в наш порт 1 января и вышедшее отсюда вчера пополудни, по неизвестному направлению, было японским миноносцем. Этот миноносец, который вошел и вышел под английским флагом, плавает с изменяющей его внешний вид деревянной обшивкой, доходящей до высоты капитанского мостика. Вчера утром на нем в первый раз были видимы с помощью направленной на него с берега подзорной трубы некоторые из его матросов, в которых можно было узнать японцев, – в то время, когда они занимались заделыванием отверстия в деревянной обшивке судна»<sup>392</sup>.

Теперь попробуем реконструировать действительный ход трагических событий в Северном море в октябре 1904 г. Мы уже знаем, что, стремясь запутать противника, эскадра Роже-ственского покинула мыс Скаген на сутки раньше запланированного срока — 7 (20) октября. Этот маневр удался, и японские миноносцы, не найдя здесь русские военные корабли, бросились вдогонку. Вечером следующего дня, 8 (21) октября, они обнаружили в открытом море плавающую мастерскую «Камчатка», которая находилась примерно в 17 милях позади последнего, броненосного, отряда эскадры Роже-ственского. Покружив вокруг нее и убевившись, что это русский военно-транспортный корабль («Камчатка», которая шла под Андреевским флагом, открыла по ним, как мы знаем, орудийный огонь), они начали было его атаковать, но, встретив сопротивление, отступили – пытаться топить это судно было слишком рискованно, да и не имело смысла. Зато они вмешались в радиопереговоры «Камчатки» с Роже-ственным, которые сначала шли в открытом эфире, чтобы выяснить место нахождения основных сил эскадры. Среди текстов радиোগрамм, которые лейтенант Вальронд предъявил в Париже – а он представил все отправленные им в тот вечер с «Камчатки» на «Суворов», не было запросов координат

<sup>390</sup> Фелькерзам Дмитрий Густавович фон (1846—1905) – в 1904—1905 гг. контр-адмирал (1899), младший флагман 2-й Тихоокеанской эскадры, умер в походе на Дальний Восток.

<sup>391</sup> Семенов В.И. Указ. соч. [Ч. 1—2]. С. 267—268.

<sup>392</sup> АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 2551. Л. 79—79 об. (Вырезка из лиссабонской газеты «Novidades» от 4 (17) января 1905 г. с перепечаткой этой статьи и ее перевод на русский язык, сделанный сотрудниками российской миссии в Лиссабоне).

русского флагмана, – таким образом, как и предполагали в штабе Рожественского, это было делом рук противника.

Точные координаты русских броненосцев японцы в итоге не узнали, зато по курсу, заданному «Камчатке», уловили общее направление, в котором их следует искать, и пустились в погоню. В течение следующего часа или немногим более миноносцы на полных парах преодолели около 30 миль («Камчатка», как указывалось, отставала от броненосцев на 17 миль, а те, в свою очередь, шли со скоростью 9—10 узлов), очутились, таким образом, несколько впереди броненосцев и, разбившись на пары, стали рыскать по морю, не ведая, где искать русские корабли. Еще через полчаса, в 00:55, одна из этих пар неожиданно для самой себя наскочила на «Князя Суворова», шедшего впереди колонны броненосцев, была замечена и обстреляна. Адмирал Рожественский, конечно, не мог знать истинных намерений противника и потому был не только вправде, но прямо обязан открывать огонь. Даже англичане в своей позднейшей (в ходе парижского разбирательства) внутренней переписке признавали, что «действия русских проистекали из честного убеждения, что их собираются атаковать, и что официальные заявления адмирала в объяснение инцидента в основном правдивы, с его точки зрения»<sup>393</sup>. То, что броненосцы в этот момент находились в окружении нескольких десятков рыбацких баркасов, – трагическая случайность, но ответственность за последующее все равно ложится не на русские корабли.

Через мгновение после начала стрельбы вокруг броненосцев все смешалось. Уклоняясь от возможных мин или ожидавшейся торпедной атаки, русская колонна изменила курс. Английские рыбаки, ошеломленные внезапным появлением громадных военных кораблей, каждый из которых в десятки раз превосходил их собственные по водоизмещению и размерам, ослепленные их прожекторами и оглушенные шквальным орудийным огнем, начали срочно обрезать заброшенные сети и заматались – некоторые бросились наперерез эскадре, другие стали срочно подавать световые сигналы и уходить в сторону, третьи, напротив, затаились в надежде, что их не заметят. Не исключено, что поведение некоторых английских судов было вызвано простым опасением рыбаков лишиться своих снастей; маловероятно, чтобы при этом у кого-нибудь из них был злой умысел<sup>394</sup>. Все это было так неожиданно, события развивались столь стремительно (напомню, что весь инцидент длился 9—12 минут), что большинство рыбаков вообще не успело понять, что происходит, и не пыталось что-либо разглядеть в темноте. Многие в ужасе попрятались в трюмы, другие попадали на палубу, закрыв головы руками.

Плохая видимость, начавшаяся суматоха и сильная бортовая качка (которой, заметим в скобках, вероятно, и объясняются огромные – до «Авроры» – перелеты нескольких выпущенных броненосцами снарядов) довершили дело – хотя на русских кораблях ясно отличали парусно-паровые баркасы рыбаков от миноносцев и в них не стреляли (припомним, что парижские «комиссары» единодушно признали, что адмирал Рожественский «сделал все возможное», чтобы рыбацьи суда «не являлись целью стрельбы эскадры»), пароход “Crane” все-таки был пущен ко дну, а пять других получили повреждения. Заметим, что в случае беспорядочной стрельбы, а тем более прицельного огня броненосцев в упор по рыбацкой флотилии от ее 50-ти кораблей вообще мало что осталось бы (на что в свое время вполне основательно было указано в российском *Exposé*). Серьезно пострадал и миноносец, который заходил на колонну броненосцев с ее левого борта – на месте трагедии он, ремонтируясь, простоял до утра следу-

<sup>393</sup> F.O. R.C. 65/1734. P. 127.

<sup>394</sup> Нельзя, однако, полностью исключать и того, что настойчивое стремление некоторых английских баркасов «прорезать» кильватерный строй русских броненосцев, на которое обращают внимание все без исключения очевидцы «гулльского инцидента» с русской стороны (включая находившихся на эскадре иностранных инженеров), было вызвано корыстными соображениями рыбаков. По этому поводу парижская газета «Correspondence Politique» в ноябре 1904 г. замечала: «Известно, как мало сами англичане повинуются сигналам и насколько распространено в английском торговом флоте обыкновение становиться на пути иностранных военных судов, чтобы получить повреждения и заставить затем заплатить за старые, негодные суда». Цит. по: Русский вестник. 1905. Янв. (№ 1). С. 438.

ющего дня, после чего, возможно, затонул<sup>395</sup>. Другой нападавший, вероятно, был уничтожен на месте. О том, когда и каким путем оставшиеся два японских миноносца направились к родным берегам, мы уже имеем некоторое представление.

Все это, конечно, – только предположение, в целом далеко не новое, но основанное на более широком, чем прежде, круге источников. Насколько наша реконструкция убедительна – пусть судит читатель. Автор этих строк прекрасно сознает, что прямые доказательства нападения японских миноносцев на русскую эскадру в октябре 1904 г. следует искать либо в японских архивах, либо на дне Северного моря. Современные японские исследователи, отмечая огромный интерес Токио к продвижению эскадры Рожественского из Европы на Дальний Восток, пока не находят подтверждения участию в «гульском инциденте» японских военных судов<sup>396</sup>. Будем надеяться, что имена и факты, приведенные в этой книге, помогут им в дальнейших архивных разысканиях. В видах установления истины нелишне было бы обследовать и неглубокую Доггер-банку с ее песчаным дном<sup>397</sup>. Сегодня технически это вполне осуществимо, а координаты «гульского инцидента» хорошо известны. Если бы такая экспедиция состоялась и остатки одного или двух миноносцев, затонувших в ночь на 9 (22) октября 1904 г., удалось обнаружить, их состояние, оснастка и вооружение окончательно расставили бы все точки над «i».

\* \* \*

15 (28) октября 1904 г. в Виго Рожественский получил императорское напутствие: «Мысленно душою с вами и моею дорогой эскадрой. Уверен, что недоразумение скоро кончится. Вся Россия с верою и крепкою надеждою взирает на вас». «Эскадра единою душою у престола Вашего императорского величества», – отвечал адмирал<sup>398</sup>. 18 (31) октября из Петербурга пришло разрешение продолжить поход, и в 7 утра следующего дня армада Рожественского покинула гостеприимный испанский порт с испанским же крейсером «Эстремадура» в эскорте. 23 октября (5 ноября) 1904 г. в алжирском Танжере эскадра разделилась: Рожественский и Энkvист повели новые броненосцы и крейсера вокруг Африки, а Фелькерзам двинулся на Крит на соединение с черноморскими транспортами Радлова.

<sup>395</sup> «Быть может, – замечает в этой связи В.А. Теплов, – к нему же относится сообщение капитана шхуны “Guyana” Вальгрина, который 9 октября близ Доггербанки заметил паровое судно неизвестной национальности, подававшее сигналы бедствия. По сообщению “Königsberger Zeitung”, судно это затонуло раньше, чем “Guyana” успела подойти к нему на помощь» (Там же. Февр. (№ 2). С. 866). В сообщении об этом происшествии японской печати (которое, естественно, называлось «Новая жертва Балтийского флота») содержится важная подробность – терпящий бедствие пароход был двухтрубным (The Japan Times. 1904. November 23 (No. 2326). P. 4).

<sup>396</sup> См.: Инаба Ч. Японская разведывательная и подрывная деятельность в Европе в годы русско-японской войны (на англ. яз.). Доклад на 25-й конференции American Association for the Advancement of Slavic Studies (AAASS), Гонолулу, 19–22 ноября 1993 г.

<sup>397</sup> Это тоже не новая идея. Еще в ноябре 1904 г. некто Уильям Сол (W. Saul) из американского Jersey-city обратился к лорду Лансдоуну с письмом, в котором предложил исследовать в этих целях Доггер-банку с помощью новейшего изобретения – «гидроскопа сенъора Пино», громоздкого сооружения в виде станции на поверхности с идущей от нее шахтой к морскому дну. По понятным причинам, в Лондоне эта инициатива поддержки не получила – американцу не ответили. См.: F.O. R.C. 65/1730. P. 459–461.

<sup>398</sup> РГА ВМФ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 4. Л. 62.

## Агентура подполковника В.В. Тржецяка

Если балтийская часть 2-й Тихоокеанской эскадры находилась на «попечении» японских дипломатических представителей в Голландии, Германии, Бельгии и Франции и их секретных сотрудников-европейцев, то организацию наблюдения за ее черноморской частью внешнеполитическое ведомство Японии поручило своему послу в Вене Макино Нобуаки, а также бывшему консулу в Одессе Ижима Каметаро, который с началом военных действий (а именно 8 февраля 1904 г.<sup>399</sup>) также переехал в австрийскую столицу. О том, что Вена превратилась в один из «центров военно-разведочной организации японцев», Мануйлов проинформировал Департамент полиции уже в конце марта 1904 г., и это сообщение полностью соответствовало действительности. Важную роль в наблюдении за русскими судами сыграла японская резидентура, созданная в Турции еще в конце XIX в.

Задолго до начала формирования 2-й Тихоокеанской эскадры, 13 февраля 1904 г., министр иностранных дел Комура предписал Макино организовать получение достоверной информации о русском Черноморском флоте и собирать сведения об общеполитическом положении на Балканах. Несколько ранее Макино получил указание Токио командировать Ижима в Стамбул для организации наблюдения за ожидавшимся проходом русских кораблей через Босфор и Дарданеллы<sup>400</sup>. Таким образом, с самого начала инициатором разведывательных операций на юге России, в Малой Азии и на Балканах выступило японское внешнеполитическое ведомство, которое действовало через своих официальных представителей в регионе. Сохранившиеся документы МИД Японии, а также позднейшие материалы русской контрразведки не оставляют сомнений в том, что в отношении судов Добровольного флота, которые базировались на Черном море, Япония «активных» мероприятий не только не пыталась осуществить, но и не планировала. Однако, чтобы убедиться в этом, России пришлось создать в Турции и соседних государствах целую нелегальную агентурную сеть во главе с подполковником Владимиром Валерьяновичем Тржецяком.

Находясь в Стамбуле, Тржецяк, в отличие от Гартинга, не мог рассчитывать не только на помощь и содействие, но даже на сочувствие турецких властей. Как справедливо отметил в одном из своих донесений в Главный морской штаб тамошний российский военно-морской атташе капитан 2-го ранга А.Л. Шванк, в русско-японской войне симпатии султана и его приближенных находились всецело на стороне Японии<sup>401</sup>. Несмотря на это, организация даже простого наблюдения за движением русских судов через черноморские проливы не была для Японии легко выполнимой задачей. Дело в том, что в эти годы дипломатических отношений у нее с Турцией не было и потому ее официальные представители находиться в Стамбуле не могли. Не имея дипломатического прикрытия, японские разведчики были вынуждены действовать в Турции нелегально. Посол Макино прекрасно понимал связанные с этим неудобства и предпринял попытку хотя бы явочным порядком «легализовать» японскую агентуру в турецкой столице. Для этого он сначала обратился к послу Турции в Вене, а затем через своего коллегу в Лондоне попытался заручиться поддержкой и внешнеполитического ведомства Великобри-

---

<sup>399</sup> F.O. R.C. 65/1689. P. 49 (Депеша посла Скотта Лансдоуну в Лондон (с изложением сообщения британского консула в Одессе), Петербург, 9 февраля 1904 г.).

<sup>400</sup> *Inaba Ch.* The Question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War: The Struggle between Japan and Russia over the Passage of the Russian Volunteer Fleet in 1904 // *The Rising Sun and the Turkish Crescent: New Perspectives on the History of Japanese Turkish Relations* / S. Esenbel, Ch. Inaba (Eds). Istanbul, 2003. P. 127.

<sup>401</sup> РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3143. Л. 4—4 об. Этому русскому офицеру конфиденциально передавали, будто султану «все время говорят, что следует опасаться России, что она в случае неудачи в войне с Японией, пойдет на Турцию, дабы поднять свой престиж». «Без сомнения, это вздорное наговаривание, и я [бы] его не повторял, если бы не слышал из весьма достоверного источника», — заключал Шванк свой секретный доклад в Петербург (Там же. Ф. 898 (Военно-морской агент в Турции). Оп. 1. Д. 51. Л. 17—17 об.).

тании. Ни Турция, ни Англия не решились на подобную демонстративную акцию в условиях русско-японской войны. Это, однако, ничуть не мешало Лондону инспирировать враждебные России демарши турецких властей, которые, в свою очередь, закрывали глаза на деятельность на своей территории японских разведчиков.

Совсем иным было отношение правительства Порты к российской контрразведке. На протяжении всей своей командировки Тржецяк сталкивался с противодействием тайной полиции султана. Возложенное на него поручение он был вынужден осуществлять под угрозой «провала», а иногда и с риском для жизни даже несмотря на то, что согласно международным договорам, русские подданные в Турции в административном и судебном отношениях находились в ведении своего консула и не могли быть арестованы местной полицией без ведома последнего. «Полиция и общественное мнение враждебно к нам, и обстановка, в которой приходится работать, далеко не благоприятна... – сообщал Тржецяк в первые же дни своей стамбульской жизни. – Город переполнен дворцовыми шпионами и нам приходится очень их побаиваться»<sup>402</sup>. «У нас тут на улице по ночам постоянно режут, – жаловался он месяц спустя, – и нанять убийцу возможно по очень сходной цене». Такой убийца действительно был кем-то нанят, и в декабре 1904 г. в Тржецяка на улице стреляли из револьвера, но, к счастью, неудачно. Ко всему прочему осенью 1904 г. в Турции разразилась эпидемия черной оспы, которая унесла жизнь одного из русских наблюдательных агентов.

24 февраля 1904 г. (по новому стилю) с документами на имя Мацумото Таро, корреспондента токийской газеты “*Nichi-Nichi*”, Ижима покинул Вену и кружным путем, через Сербию, Болгарию и Румынию направился в Стамбул, куда прибыл 29-го числа. Вскоре к нему присоединился его бывший сослуживец по одесскому консульству юный Мацумото Микиносукэ, который явился в Турцию под именем японского студента Танака Мики, также корреспондента одной из японских газет. Дотошные западные журналисты тут же зафиксировали их появление. «В Константинополе уже несколько дней пребывают два японца, выдающие себя за представителей самых уважаемых газет Японии, – писало 3 (16) марта 1904 г. “Новое время”, ссылаясь на корреспонденцию германской “*Frankfurter Zeitung*”. – По их словам, они прибыли для изучения положения дел в Македонии»<sup>403</sup>. Но отнюдь не Македония в действительности интересовала японцев. Не откладывая, оба лжежурналиста тут же вошли в контакт с Накамура Кендзиро, отставным лейтенантом японского флота. Этот Накамура, близкий родственник японского генерала, тяжело раненного под Порт-Артуром, легально жил в Турции с 1891 г., за эти годы вполне натурализовался, завел в Стамбуле торговое дело и, что самое главное, водил дружбу во дворце Абдул-Хамида II. Его торговля «японскими изделиями» шла в Константинополе из рук вон плохо, однако, по данным русской контрразведки, Накамура имел значительный текущий счет в одном из местных банков. Все это говорило о том, что в Турции он находился не по своей воле, а выполнял секретное задание своего правительства.

Ижима-«Мацумото» попытался использовать придворные связи Накамура, чтобы воздействовать на турецкое правительство в двух направлениях: во-первых, убедить султана в необходимости еще больше ужесточить позицию в отношении России и запретить проход через проливы ее не только военных, но и военно-транспортных судов<sup>404</sup>, а, во-вторых, склонить Турцию к скорейшему установлению дипломатических отношений с Японией. Однако правитель-

<sup>402</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 26–26 об.

<sup>403</sup> Новое время. 1904. 3 (16) марта (№ 10056). С. 2.

<sup>404</sup> Еще в начале февраля 1904 г. российский посол в Стамбуле И.А. Зиновьев писал министру графу Ламздорфу: «Из только что полученных мною секретных бумаг я узнаю, что 25 января /7 февраля маркиз Лансдоун пригласил к себе турецкого посла и, объявив ему о том, что война между Россией и Японией неизбежна, спросил его, как поступит Порты если, как весьма вероятно, русское правительство решится провести суда свои чрез Проливы ... В ответ на запрос этот адресована была 27 января /9 февраля из Илдыза Муссурус-паше нижеследующая телеграмма: “Его величество султан ... поручает Вам довести до сведения короля Эдуарда, что всякое ходатайство русского правительства о пропуске его военных судов чрез Проливы будет отклонено ... в уклончивой форме”»: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 26. Л. 168 об.—169 об.

ство Порты не хотело портить отношений с Россией, и негласные переговоры, которые Накамура вел до середины октября 1904 г., кончились ничем. Таким образом, общеполитическая часть миссии Ижима в Османской империи провалилась, и в течение всей своей командировки в Стамбул он и его агентура также были вынуждены действовать нелегально.

Зато свою первую и главную, чисто разведывательную, задачу Ижима в значительной степени выполнить удалось. Английский поверенный в делах в Стамбуле информировал бывшего японского консула об условиях, на которых Турция согласилась пропустить через свою территорию российские суда, а также об оговоренном времени их прохода. Сведения о самих этих кораблях Ижима получил от своих агентов в Одессе, а наблюдение за их прохождением через Босфор и Дарданеллы организовал с помощью все того же Накамура, а также другого отуреченного японского «торговца», отставного офицера Ямада Торадзиро. Осенью 1904 г. возникла опасность, что Ижима-«Мацумото» будет раскрыт русской контрразведкой, и в октябре Макино отозвал его в Вену. Однако созданная им агентура продолжала функционировать, и Токио, хотя и с некоторым опозданием и не вполне точно, но все-таки был информирован о проходе через проливы российских военных судов.

Параллельно с Макино и Ижима о движении кораблей российского Добровольного флота японское правительство извещал военно-морской атташе в Лондоне Кабураги Макото, которого соответствующей информацией снабжало британское Адмиралтейство. Интересно, что в секретный бюллетень о состоянии российских военно-морских сил, который периодически рассылался командованию японского ВМФ, в основном попадали сведения Кабураги – очевидно, компетентности собственных дипломатов разведывательный отдел японского Морского штаба доверял меньше, чем английским союзникам<sup>405</sup>.

Российской контрразведке удалось установить плотный контроль за деятельностью японской агентуры в Константинополе. Залогом успеха явилась серьезная подготовительная работа, которая предшествовала командировке Тржецяка. Она была изложена в специальной записке Департамента полиции и предусматривала:

«1). Сделать сношение с Морским министерством об оказании этому штаб-офицеру содействия в случае нужды находящимся в Константинополе станционером и о предоставлении, в случае нужды, парового катера и людей; об оказании содействия всеми находящимися на Черном море военными судами и судами Добровольного флота; 2). Сделать сношение с тем же Министерством о предоставлении подполковнику Тржецяку свидетельства или вида на жительство на имя Александра Константиновича Цитовского... 3). Сделать сношение с Министерством иностранных дел об оказании содействия подполковнику Тржецяку посланниками в Бухаресте, Софии и Константинополе, а также консулами и вице-консулами в Констанце (Кюстенджи), Сулине, Варне, Бургасе и Салониках; 4). Сделать сношение с Главным штабом об оказании этому штаб-офицеру содействия военными агентами в Бухаресте, Софии и Константинополе... <...> 6). Сообщить русским жандармским властям по побережью Черного моря, главным образом, в Николаеве, Севастополе и Одессе, о цели командирования Александра Константиновича Цитовского и об оказании ему содействия при выполнении возложенного на него поручения»<sup>406</sup>. Все перечисленное было исполнено. 16 июня Департамент полиции предписал жандармским властям губерний черноморского побережья «озаботиться учреждением самого тщательного наблюдения за всеми прибывающими из-за границы на пароходах лицами, обращая особо тщательное внимание за приезжающими японцами». Тржецяку же им надлежало «оказывать полное содействие, а равно исполнять его требования, предъявленные в телеграммах за подписью “Цитовский”»<sup>407</sup>.

<sup>405</sup> Inaba Ch. The Question of the Bosphorus and Dardanelles during the Russo-Japanese War. P. 136—137.

<sup>406</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 6—6 об.

<sup>407</sup> Сов. секретное письмо директора Департамента полиции начальнику Одесского Охранного отделения и начальникам

25 июня, снабженный на первое время тремя тысячами рублей, шифрами и заграничным паспортом на имя А.К. Цитовского (а также чистыми бланками пятью других – на всякий случай) из Одессы Тржецяк отправился в Стамбул, где его уже ждали его сотрудники. В основном это были филеры, ранее работавшие под его руководством в Бухаресте, украинцы, греки и черногорцы по национальности, причем как мужчины, так и женщины.

С помощью работников российской дипломатической миссии в Стамбуле и в первую очередь военно-морского атташе Шванка «агентура» Тржецяка быстро установила наблюдение как за всеми проживавшими здесь японцами, так и за подозрительными судами, которые следовали из Средиземного моря в Черное. В качестве одного из сценариев вероятного развития событий предполагалось, что Тржецяку придется следить за передвижениями японцев не только в черноморских проливах, но и в портовых городах соседних государств. Поэтому в портах Румынии и Болгарии на него в качестве наблюдательных агентов работали сотрудники российских консульств, а также специально нанятые местные лодочники и рыбаки, которым в случае необходимости было предписано обращаться за содействием к российским жандармским властям в Николаеве, Одессе или Севастополе. Вдобавок в августе 1904 г. по совету Тржецяка директор Департамента полиции обратился к болгарскому министру-президенту Рачо Петрову с просьбой «об учреждении наблюдения со стороны болгарской полиции за японцами, находящимися на болгарской территории»<sup>408</sup>. По указанию управляющего Морским министерством Ф.К. Авелана, в помощь жандармскому подполковнику в Сулин в устье Дуная под предлогом охраны российских рыболовных промыслов были направлены миноносец (№ 270) и транспорт «Буг», а одному из двух судов, состоявшего в распоряжении русского посольства в Турции (так называемых стационаров), было предписано находиться в Константинополе безотлучно<sup>409</sup>.

Наблюдательная служба Тржецяка в самих черноморских проливах была организована следующим образом. «Ежедневно вечером, – рассказывал он, – я получаю список всех приходящих пароходов (приходящих пароходов бывает ежедневно до 20-ти) и выбрав из них подходящие пароходы, я сообщаю их названия нашим людям, работающим на Босфоре. Наблюдение ведется главным образом в таможах в Пера и Стамбуле и лишь в особо важных случаях люди выезжают в Босфор на яликах (выезды эти воспрещены местною таможеню и приходится действовать подкупом...). ... Независимо нашего наблюдения на Босфоре Шванк имеет и свое, но таковое нам не может передать по конспиративным соображениям. Я лично против этого ничего не имею, так как лучше, если мы будем *взаимно верить* друг друга»<sup>410</sup>.

Для Тржецяка не стали секретом ни связи Накамура во дворце султана, ни явное покровительство английских дипломатов «турецким» японцам, ни контакты последних с Веней, где, как писал он, «проживает бывший японский одесский консул – главный распорядитель военно-разведочного дела японцев в Европе»<sup>411</sup>. Японским резидентом в Турции Тржецяк считал Накамура, а Ямада – его помощником, или «начальником штаба». О том, что под именем Мацумото скрывается сам Ижима, он, не зная его в лицо, не ведал. Смутные подозрения о его истинной роли у русских контрразведчиков появились только тогда, когда они выяснили, что ежемесячно этот «журналист» получал 2 тыс. франков (750 рублей), а в Османском банке хранил 10 тыс. турецких лир, или 86,5 тыс. рублей. Ямада вместе с Накамурой, сообщал Тржецяк уже через несколько дней после приезда в Стамбул, «законтрактовывает для японского правительства суда, сообщает в Токио об общественном мнении турок, о текущих местных

ГЖУ, 18 июня 1904 г. // Японский шпионаж в царской России. М., 1944. С. 182.

<sup>408</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 104 об.

<sup>409</sup> РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3111 (О посылке миноносца № 270 и транспорта «Буг» в Сулин для наблюдения за деятельностью японцев в нейтральных странах и предотвращения проникновения японских агентов в русские черноморские порты); АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 272. Л. 2–5 (Весьма секретное письмо Авелана Ламздорфу, 18 июня 1904 г. № 2922).

<sup>410</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 29 об.—30.

<sup>411</sup> Там же. Л. 34 об.—35.



событиях, доставляет сведения о планах русского правительства и его намерениях, приобретает уголь, провиант и высылает таковой в Японию. Ямада тщательно конспирирует себя и сравнительно редко показывается в городе»<sup>412</sup>.

Скоро Тржецяк убедился, что наиболее деятельные члены местной японской колонии не имели возможности и, вероятно, намерений нападать на русские военно-транспортные суда и в лучшем случае планировали лишь наблюдать за их проходом через проливы. Об этом свидетельствовали их частные разговоры, подслушанные агентами Тржецяка, а также их корреспонденция, полученная через подкупленных почтовых чиновников либо выкраденная его сотрудниками у самих получателей. Так была добыта почтовая открытка из Токио на японском языке на имя Ямада, которую он получил 18 июля. В ней некто Такасака, в частности, писал: «Мнения общества и правительства в Вашем месте прошу нам сообщать ... Мы были бы рады иметь постоянные сведения о планах, происходящих событиях и разных особенностях нашего врага ... Будьте на страже относительно движений наших врагов в ваших водах и предупреждайте нас о новых опасностях, дабы нас не застали врасплох. Будьте осторожны в Ваших действиях. Не забывайте, что Вы представляете правительство»<sup>413</sup>.

Вскоре российскому контрразведчику представилась возможность ознакомиться с содержанием личных вещей «Мацумото» (т.е. Ижима), который перебрался на берег Босфора и поселился в гостинице в Терапии. Агент Тржецяка Г. Мелас, «взяв смежный номер с Матцумото, подставил ему нашу женщину, назначившую Матцумото свидание в саду, а сам, без соблюдения правил Устава уголовного судопроизводства, произвел в вещах Матцумото формальный обыск»<sup>414</sup>. На основании всех полученных данных в августе Тржецяк окончательно пришел к выводу, что диверсии против русских судов в черноморских проливах маловероятны. Несмотря на это, деятельность его группы не была свернута, напротив – сначала Департамент полиции, а затем и Главный морской штаб санкционировали ее расширение на Пирей и Смирну, которые в будущем могли для японцев сыграть роль перевалочных баз на пути из Порт-Саида в Стамбул. В Пирее был завербован местный житель, грек Сократ Арханиотаки, а в Смирне в нужном для контрразведки направлении начал действовать тамошний российский вице-консул Г.Д. Фотиади.

---

<sup>412</sup> Японский шпионаж в царской России. С. 185.

<sup>413</sup> ГА РФ. Ф. 102 (ДП ОО). Оп. 316. 1904 (II). Д. 12. Л. 43 об.

<sup>414</sup> Там же. Л. 103.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.